

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

9 2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 9 (612) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Сандра Диас* (1961), аргентинский ученый-эколог, ботаник.

Сандра Диас родилась в 1961 году в городе Бель-Виль провинции Кордоба (Аргентина). Она окончила факультет биологии в Национальном университете Кордовы и там же получила степень доктора философии.

Сфера ее научных интересов — функциональные признаки растений, их влияние на свойства экосистемы и их взаимодействие с движущими силами глобальных изменений. Диас построила первую глобальную количественную картину существенного функционального разнообразия сосудистых растений.

Сейчас Сандра Диас — профессор экологии Национального университета Кордовы, старший член Аргентинского национального исследовательского совета и приглашенный профессор Оксфордского университета.

Диас также совмещает экологические исследования с междисциплинарной работой по изучению того, как разные общества ценят и перестраивают природу, является основателем международной инициативы по сохранению разнообразия и устойчивости окружающей среды Núcleo DiverSus.

Как активистка движения «Сопrotивление вымиранию», Сандра Диас последние годы работала над изучением мирового разнообразия видов в аргентинском Национальном университете Кордобы. В течение трех лет вместе с коллегами она координировала самый широкий

проект по исследованию мирового биоразнообразия. В проекте участвовала 51 страна.

После завершения исследования Сандра и 144 других исследователя сообщили миру неутешительные новости: миллион видов растений находится под угрозой исчезновения, и все это — дело рук человеческих. Воспрепятствовать вымиранию этих видов будет чрезвычайно сложно.

Неудивительно, что в 1500-страничном отчете по проекту сказано: «Если не будет предпринято серьезных изменений в экономике, если не будут оставлены идеи о необходимости ее непрерывного роста, сохранить виды не получится, а цели устойчивого развития останутся недостижимыми». Диас не боится заявлять об этом открыто.

Сандра Диас — автор более 150 научных работ, публиковалась, в частности, в журнале *Nature*.

Профессор Диас была сопредседателем Межправительственной платформы глобальной оценки биоразнообразия и экосистемных услуг. Она является членом академий наук Аргентины, США, Франции, Норвегии, Латинской Америки, а также членом Британского королевского общества и Американского философского общества. Среди ее наград — премия Маргалефа по экологии, премия Гуннеруса по науке об устойчивом развитии, международная медаль Кью и премия BBVA «Границы знаний».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Пичугина С. К.**
Общая характеристика юридической ответственности..... 291
- Пурышев А. М.**
Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера. Виды конфискации имущества в российском праве..... 293
- Пурышев А. М.**
Применение положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства к лицу, совершившему преступления, предусмотренные статьями 264.1, 264.2, 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации 295
- Пятковский И. Е.**
Политическая инструментализация антимонопольного права: угроза правовой определенности и экономической конкуренции 298
- Рахимов Р. Р.**
Проблемы квалификации взяточничества в российском уголовном праве 300
- Рахматуллин А. Р.**
«Снятие корпоративной вуали» как механизм привлечения к ответственности контролирующих лиц..... 304
- Романенко М. Г.**
Правовая природа стадии подготовки к рассмотрению дела в судопроизводстве по делам об административных правонарушениях 308
- Сафаров А. И.**
Цифровизация государственного управления и трансформация административных процедур 310
- Сочивкина Е. А.**
Правовая природа и система ответственности за неуплату налогов в Российской Федерации..... 313
- Сочивкина Е. А.**
Актуальные вопросы привлечения к ответственности за неуплату налогов и сборов 315
- Тройчук Р. О.**
К вопросу о правовой культуре процессуальных решений прокурора 317
- Хайрtdинов И. Р.**
Правовое регулирование бюджетного планирования в условиях внедрения цифровых технологий..... 319
- Шаблинская В. Ю., Лукиных Л. В.**
Некоторые проблемы применения электронных доказательств в уголовном процессе..... 322
- Шишменцев Н. Ю.**
Ответственность сторон при экстренной посадке воздушных судов 325

ИСТОРИЯ

- Яковенко О. М.**
Становление изб-читален в Ставропольском крае в 1920–1930 годы 329

ПСИХОЛОГИЯ

- Антипенко В. В.**
Направления и методы работы педагога-психолога с подростками по улучшению межличностных отношений в условиях школьного буллинга 332
- Васильева А. В.**
Программа «Мир в моих руках»: гендерно ориентированная коррекция агрессивного поведения подростков с ограниченными возможностями здоровья..... 335
- Вепрева Ю. В.**
Особенности формирования ценностного отношения молодежи к созданию семьи..... 337
- Лексакова В. И.**
Взаимосвязь перфекционизма и мотивационной регуляции в романтических отношениях молодёжи..... 339

Мамедова Ю. А.

Эффективность интегративной модели парного консультирования в коррекции созависимых отношений: теоретическое обоснование и перспективы эмпирической проверки 341

Мкртчян А. А.

Стратегии поведения подростков в конфликте: гендерный аспект 343

Нехаева О. А.

Метафора и образы в психологическом консультировании лиц с посттравматическим стрессовым расстройством (на примере людей с травмой позвоночника) 345

Нурлыбеккызы А.

Профилактика эмоционального выгорания у педагогов 348

Рачкова А. А.

Психолого-педагогические основы формирования психологической готовности к школьному обучению у старших дошкольников с нарушением слуха 350

Черняк К. Г.

Особенности саморегуляции у взрослых с избыточной массой тела в контексте нарушенного пищевого поведения 352

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Хомко С. В.

Реализация культурно-просветительского проекта для молодёжи «Музыкальный Универ» в рамках социального партнёрства Сургутской филармонии и крупнейших вузов г. Сургута 357

ФИЛОЛОГИЯ,
ЛИНГВИСТИКА**Заварухина А. К., Сенькина Ю. А.**

Ошибки медицинского перевода с английского языка: типология, клинические риски и стратегии минимизации 360

Михалева А. В.

Роль английского языка в современной медицине 362

Оспанова А. М.

Экспликация как стратегия устранения терминологической неопределённости в синхронном переводе технико-экономического дискурса 364

Шарипова Л. А.

Медицинская коммуникация: роль английского языка в здравоохранении 365

Шарипова Ш. З.

О сопоставительном анализе фразеологических единиц с колоративным компонентом в русском и узбекском языках... 368

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Общая характеристика юридической ответственности

Пичугина Софья Константиновна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор анализирует юридическую ответственность, рассматриваемую как формализованную разновидность социальной ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правонарушение, государственное принуждение, санкция.

Характерными особенностями юридической ответственности считаются обязанность исполнения и соблюдения правовых норм, контроль со стороны государства и иных общественных институтов за их исполнением, перевоспитание правонарушителей и предупреждение правонарушений, осуждение государством поведения правонарушителя, применение мер государственного принуждения к правонарушителю в целях охраны правопорядка. Очевидно, что для реализации правовой ответственности недостаточно только ее установления.

Норма права выступает источником правоотношений юридической ответственности. В отсутствие нормативно-правового регулирования общественных отношений, предстает нереальным установить юридическую ответственность, так как не имеется правовой основы. Следовательно, конструкция «юридическая ответственность» невозможна при исключении хотя бы одного из вышеозначенных явлений. В случае исключения из нее исходного элемента — единая ответственность, также теряется смысл. «Единая ответственность — это объективно закрепленная в нормах права целевая установка, ориентир должного поведения субъектов права и критерий его оценки как ответственного или безответственного, позволяющий субъекту, еще не совершившему юридически значимого деяния, заранее знать о своей ответственности, тем самым дисциплинируя и сосредотачивая его на выполнении общих законодательных правил» [1].

В случае осуществления положительных и ответственных действий надлежит признание со стороны государства или же использование мер поощрения, а в случае совершения правонарушения полагается использование мер ретроспективной ответственности.

Когда личность совершает преступление, она тем самым выражает отрицательное индивидуально-волевое отношение к необходимости добровольной и осмысленной реализации правовых предписаний.

Юридическая ответственность, будучи одной из форм социальной ответственности, выделяется на фоне других видов ответственности по некоторому ряду отличий. Меры юридической ответственности, по своему основному направлению, устремлены непосредственно на правонарушителя, а карательная функция является главной.

Как уже говорилось выше, юридическая ответственность выступает крайне формализованной и, в наибольшей степени, строгой разновидностью социальной ответственности. Она предстает в качестве правовых отношений между правонарушителем и государством. Сутью данного правового отношения выступает право государства вынести и осуществить наказание, направленное непосредственно на правонарушителя, которое имеет закрепление в санкции характерной правовой нормы, а также обязанность претерпеть неблагоприятные последствия за совершенное деяние самим правонарушителем. Определенные ученые рассматривают правоотношения ответственности как общие и конкретные. Отношение, которое имеет в составе право государства призывать к подчинению и обязанность организаций и граждан реализовывать это требование, является общим правоотношением ответственности. Нарушение же данного требования приводит к появлению другого правоотношения, а именно: конкретного правоотношения ответственности.

Правонарушение выступает основанием для привлечения к юридической ответственности, но при наличии полного его состава. Имеется возможность обратить внимание на два вида оснований юридической ответственности: фактическое — совершение правонарушения, и правовые основания — предписания нормы права, которые предусматривают возможность применения мер юридической ответственности, а также правоприменительный акт, определяющий конкретный вид и меру юридической ответственности. Правонарушение предстает

в роли юридического факта, оно учтено гипотезами правоохранительных норм.

Юридическая ответственность наступает за нарушение правовых требований. Поведение, которое содержится в основе юридической ответственности, должно включать в себя признаки правового нарушения, являться виновным поведением. Должное условие наступления — это наличие вины.

Анализируемая ответственность базируется на государственном принуждении, четко регулируемом законом и не нарушающим его пределы. К тому же это не принуждение в целом, а конкретно обозначенная величина — мера принуждения. В некоторых случаях государственное принуждение предполагает лишь юридическую ответственность. Но подобное представление ошибочно, по причине того, что существуют и другие меры государственного принуждения: меры пресечения, меры воспитательного воздействия, меры защиты и иные.

Совершенное правонарушение и дальнейшая реализация юридической ответственности непосредственно сопряжены с общественным и государственным осуждением, неодобрением поведения правонарушителя. Государственное осуждение проявляется в выдвигании целесообразного акта применения права относительно лица, которое совершило правонарушение. В основном присутствие общественного осуждения также не влечет противоречий. Практически всегда, субъект, преступая норму права, не соблюдает и надлежащую норму нравственности, моральное предписание. По этой причине наравне с юридической ответственностью перед государством, субъект должен нести и высоконравственную ответственность перед обществом, которая проявляется в общественном порицании.

Для правонарушителя юридическая ответственность имеет выражение в неблагоприятных последствиях, то есть лишении его части социальных благ: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, изъятие имущества, лишение свободы, а также возложение на правонарушителя новых дополнительных обязанностей (например, выплата определенной суммы и т. д.).

Юридическая ответственность считается формой реализации санкции правовой нормы, в которой опре-

делены вид и размер лишения для правонарушителя. Она предусмотрена ныне действующим законодательством и ее возложение регулируется правом, а значит, закон фиксирует конкретные процедурные формы данного процесса.

Юридическая ответственность всякий раз реализуется в специальной процессуальной форме. Также в процессе правоприменительной деятельности юридическая ответственность реализуется исключительно специально уполномоченными органами в четко обозначенном законом порядке.

Отмеченные признаки юридической ответственности считаются неотъемлемыми: недостаток хотя бы одного из них говорит о невозможности реализации юридической ответственности и допускает ее отделение от иных правовых и неправовых категорий.

За пределами процессуальной формы юридическая ответственность исключена. Интерпретация юридической ответственности как применения следует из содержания нынешнего законодательства. В частности, когда лицо осуществляет действия, запрещенные уголовным законом, это еще не значит, что данные действия порождают юридическую ответственность.

К тому же, до надлежащего приговора суда лицо в целом является невиновным, следовательно, и не подлежащим уголовной ответственности, в соответствии с частью 1 статьи 14 УПК РФ: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [2].

Нарушитель, который совершил правонарушение, в некоторых случаях может быть освобождено от ответственности, то есть правоприменительная деятельность не производится. В иных же случаях лицо в течение правоприменительного процесса освобождается от наказания, то есть от надлежащих лишений, но не от ответственности в целом.

Таким образом, юридическая ответственность — это обязанность лица, нарушившего правовые нормы, претерпеть определенные законом и применяемые в установленном порядке меры государственного принуждения, влекущие неблагоприятные последствия.

Литература:

1. Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности. — Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2007. 41 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 20.01.2026) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2026. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/50cc4ba5b9174a79ff3a7c8fe091aed08316c8f9/ (дата обращения: 24.02.2026). Ч. 1 ст. 14.
3. Коробов А. Е., Хохлов Е. Б. Правонарушение как основание юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2009. — № 3 (284). — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12946144> (дата обращения: 21.02.2026).
4. Курманбаев М. М. Обстоятельства, исключающие юридическую ответственность // Правовестник. — 2018. — № 2 (4). — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34941648> (дата обращения: 23.02.2026).

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера. Виды конфискации имущества в российском праве

Пурышев Александр Михайлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассматривается иная мера уголовно-правового характера — конфискация имущества, виды конфискации имущества в российском праве.

Ключевые слова: конфискация имущества, иная мера уголовно-правового характера, виды конфискации имущества в российском праве.

Confiscation of property as another measure of a criminal law nature. Types of confiscation of property in Russian law

Puryshv Alexander Mikhailovich, master's student

Scientific advisor: Kafiatulina Alla Vladimirovna, phd in law, associate professor
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article considers another measure of a criminal law nature — confiscation of property, types of confiscation of property in Russian law.

Keywords: Confiscation of property, another measure of a criminal law nature, types of confiscation of property in Russian law.

Снижение уровня преступности и борьба с криминальными элементами является одной из главных задач государства в сфере обеспечения безопасности. В Российской Федерации существует целая система мер, направленных на искоренение преступности в нашей стране, которая отражается в Уголовном Кодексе и включает в себя: институт наказания и институт мер уголовно-правового характера (воздействия). Данные элементы системы применяются к лицу как в целях осуществления карательных функций, так и для устранения условий, способствующих совершению новых преступлений.

Для развития системы и повышения эффективности уголовного права в Российской Федерации, необходимо оказывать всестороннее воздействие не только на лиц, которые фактически совершили преступление, но и на лиц, имеющих склонность к совершению таких противоправных действий.

Достигается данная цель путем развития как института наказания, так и института иных мер уголовно-правового воздействия. Именно для решения этой задачи, законодатель Федеральным Законом от 27.07.2006г № 153 помещает в раздел VI «ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА» специальную конфискацию, вместе с принудительными мерами медицинского характера и судебным штрафом. Тем самым, появилось ясное правовое обозначение и закрепление конфискации имущества в Уголовном Кодексе РФ [1].

Конфискация (confiscatio) в переводе с латинского означает отобрание денег или имущества у кого-либо по постановлению государственной власти.

Принудительность выражается в императивном характере мер принимаемых государством по отчуждению такого имущества, воля самого лица, незаконно владеющего или используемого им имущества при совершении преступления, не учитывается.

Под изъятием понимается непосредственное отторжение имущества у лица, в фактическом обладании которого оно находится. При осуществлении данной процедуры, которая также возможна лишь на основе обвинительного приговора, предмет конфискации переходит в собственность государства.

Термин «обращение» предполагает переход гражданских прав относительно конфискуемого имущества к государству, а именно право владеть, пользоваться и распоряжаться данными предметами на законных основаниях.

«Изъятие» имущества и «обращение» имущества это две самостоятельные процедуры. При конфискации «изъятие» всегда предшествует обращению.

Важной особенностью конфискации имущества в новейшей редакции ст.104.1 УК РФ внесение законодателем ясности относительно возможности применения конфискации. Теперь применение данной нормы права возможно лишь при вынесении обвинительного приговора суда, в котором на основании Ст.299 УПК РФ будет доказано, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения противоправных действий или является доходом от этого имущества.

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280 редакция статьи была изменена. В статье 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации прописано, что конфискация имущества есть принудительное безвозмездное

изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества:

1) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105, частями второй — четвертой статьи 111, частью второй статьи 126, статьями 127.1, 127.2, частью второй статьи 141, статьей 141.1, частью второй статьи 142, статьями 146, 147, 183, частями третьей и четвертой статьи 184, статьями 186, 187, 189, частями третьей и четвертой статьи 204, статьями 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 209, 210, 212, 222, 227, 228.1, 229, 231, 232, 234, 240, 241, 242, 242.1, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282.1, 282.2, 285, 290, 295, 307–309, 355, частью третьей статьи 359 настоящего Кодекса или являющихся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации, ответственность за которое установлена статьей 188 настоящего Кодекса, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу;

2) денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями, указанными в пункте «а» настоящей части, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

3) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

4) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому.

Данная статья указывает на то, что если имущество, которое получено в результате преступления, и (или) доходы от этого имущества приобщены к другому имуществу, добытому на законных основаниях, то государство вправе конфисковать лишь ту часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенного имущества и доходов от него.

В современной российской юридической науке сложилось многообразие видов конфискации имущества по различным основаниям. Не смотря на то, что конфискация

как иная мера уголовно-правового характера в двадцать первом веке пережила ряд трансформаций и фактически до 2008г была несовершенной, а вопрос о необходимости существования этой нормы права был поистине дискуссионным, изучение данного института уголовно-правовой науки видными теоретиками права не прекращалось, отсюда мы имеем не только множество различных точек зрения о самой сущности конфискации, но и ряд классификаций, которые характеризует многообразие видов конфискации имущества

В правовой доктрине предлагается разделить конфискацию имущества на общую и специальную. Общая конфискация предполагает изъятие имущества, приобретенного законным путем, в то время как специальная направлена на изъятие только тех предметов, которые были использованы при совершении преступления или приобретены преступным путем.

По мнению Д. И. Самгиной, к специальной конфискации относится принудительное изъятие орудий и средств совершения преступления, а также предметов, добытых в результате преступной деятельности [2].

В ранних редакциях УК РФ предусматривалось существование и общей конфискации имущества и специальной, в то время как в рамках общей конфискации выделялась полная и частичная. Возможности применения специальной конфискации были четко определены и прописаны в законе, а общая конфискация включала все то имущество, которое не было ограничено перечнем, не подлежащего изъятию имущества [3].

На сегодняшний день мы можем говорить о применении лишь специальной конфискации, нашедшей свое отражение в Уголовном кодексе, так как изъятию, по действующему законодательству, подлежит только то имущество, которое напрямую связано с совершением преступления.

Но если предположить, что осужденный использовал все свое имущество для совершения преступных действий, тогда под конфискацию подпадет все имущество, принадлежащее виновному лицу, и речь пойдет о полной конфискации.

Таким образом, в некоторых ситуациях представляется возможным выделение специальной общей и специальной частичной конфискации.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>.
2. Немашкалова, Д. Ю. Конфискация имущества и ее виды по уголовному праву РФ / Д. Ю. Немашкалова // Союз криминалистов и криминологов. — 2021. — № 3. — С. 81–85.
3. Тюшнякова, О. В. Анализ конфискации имущества: история и современность / О. В. Тюшнякова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2010. — № 72. — С. 79–90.

Применение положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства к лицу, совершившему преступления, предусмотренные статьями 264.1, 264.2, 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации

Пурышев Александр Михайлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассматривается практическое применение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства к лицу, совершившему преступления, предусмотренные ст. 264.1, 264.2, ст. 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: конфискация транспортного средства, преступления, предусмотренные статьями 264.1, 264.2, ст. 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, правоприменительная практика.

Application of the provisions of criminal and criminal procedure legislation to a person who has committed crimes provided for in Articles 264.1, 264.2, and 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

Puryshv Alexander Mikhailovich, master's student

Scientific advisor: Kafiatulina Alla Vladimirovna, phd in law, associate professor
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article examines the practical application of the norms of criminal and criminal procedure legislation to a person who has committed crimes under Articles 264.1, 264.2, and 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Confiscation of a vehicle, crimes provided for in Articles 264.1, 264.2, and 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, law enforcement practice.

Развитие системы права и повышения эффективности уголовного права в Российской Федерации является фундаментальной задачей законотворческой деятельности представительных органов власти. Анализ и изучение существующих положений действующего уголовного кодекса РФ и уголовно-процессуального кодекса РФ, а также правоприменительной практики позволяет отслеживать основные тенденции совершения того или иногда вида преступлений, что при правильном подходе дает возможность бороться с преступностью, в том числе, с помощью профилактических мероприятий. Так, по мнению ряда известных теоретиков права, необходимо оказывать всестороннее воздействие не только на лиц, которые фактически совершили преступление, но и на лиц, имеющих склонность к совершению таких противоправных действий.

Достигается данная цель путем развития как института наказания, так и института иных мер уголовно-правового воздействия. Именно для решения этой задачи, законодатель Федеральным Законом от 27.07.2006г № 153 помещает в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» специальную конфискацию, вместе с принудительными мерами медицинского характера и судебным штрафом. Тем самым, появилось ясное правовое обозначение и закрепление конфискации имущества в Уголовном Кодексе РФ.

Актуальность и значимость данной темы обусловлена тем, что 14.07.2022 года ч.1 ст. 104.1 УК РФ «Конфискация

имущества» была дополнена п «Д» «Конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьей 264.1, 264.2 или 264.3 настоящего Кодекса» и сейчас данная норма еще только приживается в российском уголовном праве, так она имеет ряд особенностей и проблем, которые дополняются немногочисленной судебной практикой [1].

Изучение практического применения и реализации данной нормы позволит либо закрепить ее в российском законодательстве и со временем она будет лишь развиваться, или же данная норма покажет свою несостоятельность и неэффективность в современных российских реалиях. «Конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьей 264.1, 264.2 или 264.3 настоящего Кодекса» выступает в качестве меры, направленной на нейтрализацию личностных или материально-инструментальных факторов развития преступной деятельности, но не на ресоциализацию уголовного правонарушителя, что является неперенным функционально-содержательным свойством наказания или иных мер уголовной ответственности. Уникальность данной нормы права заключается в круге лиц, которые способны столкнуться с данной мерой воздействия, в отличие от других видов конфискации, а именно данная конфискация затрагивает: во-первых, лиц, привлекав-

шихся к административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а, во-вторых, лицо, повторно привлекающееся к наказанию за превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 80 километров в час, в-третьих, лицом, осуществившим выезд в нарушение правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 настоящей статьи, и в-четвертых, управление транспортным средством лицом, лишенным права управления.

Актуальность также опирается на тот факт, что в Российской Федерации в последние годы не только не уменьшалось число лиц, совершивших преступлений, предусмотренные ст. 264.1, 264.2 и 263. УК РФ, но и периодически возрастало, что несомненно требует дополнительного внимания к данной проблеме. Законодатель принял решение, использовать конфискацию транспортного средства, как дополнительную меру воздействия, с целью борьбы с преступлениями в данной сфере [2].

К тому же, вопросы, касающиеся наказания в сфере дорожно-транспортных преступлений являются одними из самых актуальных еще и потому, что ежегодно в Российской Федерации выдается порядка 200 000 тысяч водительских удостоверений сотрудниками ГИБДД МВД, а соответственно круг лиц, которые имеют возможность быть осужденными по ст. 264.1, 264.2 и 263. УК РФ довольно широк. Отсюда и высокая значимость введения дополнительных мер воздействия на лиц, представляющих угрозу безопасности в Российской Федерации.

Не обходится и без рассмотрения соответствующих проблем, связанных с конфискацией имущества в Российской Федерации, отражаемых как в практическом применении, так и в определенных неточностях, неполноценностях формулировок закона об исполнительном производстве, в проблемах нормативной регламентации конфискации имущества. На данный момент нормативное закрепление конфискации имущества является самым лаконичным из всех остальных норм уголовного права, что совершенно не отвечает уровню сложности и сложности рассматриваемого вопроса. И из-за новизны данной нормы права и слабым изучением вопроса в рамках научных исследований, прикладных, процессуальных и даже некоторых теоретических аспектах, приходится иметь дело с рядом спорных положений, которые затрудняют эффективное применение конфискации транспортного средства как меры уголовно-правового воздействия.

Статьями 264.1–264.3 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрена ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения.

На основании пункта «д» части 1 статьи 104.1 УК РФ конфискация транспортных средств, принадлежащих обвиняемым и использованных при совершении указанных преступлений, является обязательной.

Принудительное безвозмездное изъятие транспортного средства и обращение его в собственность государства осуществляется на основании обвинительного приговора.

Конфискация транспортного средства у виновного лица не зависит от его семейных и иных личных обстоятельств. Изъятие осуществляется как на находящееся в собственности осужденного, так и в собственности других лиц, в том числе в совместной собственности супругов.

Приобретение автомашины на совместные с супругой денежные средства при отсутствии сведений о разделе общего имущества не препятствует его обращению в доход государства.

Отметим, что в соответствии с действующим законодательством транспортные средства представляют собой устройства, предназначенные для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей, животных или оборудования. Как правило, большинство конфискуемых транспортных средств — автомобильный транспорт.

Для применения нормы о конфискации транспортного средства при постановлении итогового судебного решения по уголовному делу необходимо наличие совокупности двух обстоятельств: его принадлежность обвиняемому и использование этого транспортного средства при совершении преступления. По смыслу закона при решении вопроса о конфискации не принимаются во внимание условия жизни и материальное положение обвиняемого.

В соответствии с требованиями действующего закона, принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов.

Имеют место случаи злоупотребления со стороны обвиняемого и иных лиц, оказывающих им содействие. Как правило, такие действия выражаются в совершении лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, мнимых сделок с принадлежащим ему имуществом с целью воспрепятствования его конфискации. Нередко представляются документы, подтверждающие переход права собственности на транспортное средство к другому лицу (договор купли-продажи, дарения транспортного средства), что, однако, не препятствует обращению в доход государства транспортного средства в случае наличия доказательств его фактической принадлежности обвиняемому.

Если представленные обвиняемым сведения об отчуждении транспортного средства, использованного при совершении преступления, опровергаются исследованными материалами дела (протоколами осмотра и выемки транс-

портного средства по месту его хранения обвиняемым и другие) и судом будет установлено, что транспортное средство продолжает принадлежать обвиняемому, оно также подлежит конфискации.

Принятые судом в иных видах судопроизводства в отношении транспортного средства, подлежащего конфискации по уголовному делу, обеспечительные меры (например, наложение ареста на имущество должника по гражданскому делу), как и наличие обременения (например, в виде залога), не относятся к числу причин, исключающих конфискацию данного предмета.

Наложение в ходе досудебного производства по делу ареста на имущество для обеспечения гражданского иска или исполнения наказания в виде штрафа, а не в целях обеспечения возможной его конфискации, не препятствует суду при наличии оснований, предусмотренных законом, вынести решение о конфискации такого имущества, в том числе транспортного средства.

В случае, если конфискация автомобиля невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, то суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного транспортного средства. В случае отсутствия либо недостаточности денежных средств, подлежащих конфискации взамен автомобиля, суд выносит решение о конфискации иного имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета [3].

Таким образом, в настоящее время действующее законодательство, а также сформировавшаяся правоприменительная практика предусматривают разработанный механизм конфискации транспортного средства лица, виновного в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ, как меры уголовно-правового характера, направленной на ужесточение ответ-

ственности лиц, допустивших грубые нарушения Правил дорожного движения.

В 2024 году суды постановили конфисковать у лиц, повторно привлекаемых к ответственности за нетрезвую езду (ст. 264.1 УК РФ), 11 323 транспортных средства. Годом ранее было конфисковано 7 344 транспортных средства, во втором полугодии 2022 года, когда по этой статье начала применяться конфискация — чуть более 200. Тем самым, за два года применение конфискации к попавшимся на пьяной езде водителям выросло в 25 раз. За 2,5 года пившие за рулем водители уже лишились 20 тыс. автомобилей, мотоциклов, скутеров, велосипедов.

При этом число самих осужденных по этой статье снижается: в 2020 году — 57,7 тыс. лиц, в 2021—56,6 тыс., в 2022—55,6 тыс., в 2023—48,6 тыс., в прошлом году — 41 тыс. Таким образом, конфискация применяется к каждому четвертому осужденному по ст. 264.1 УК РФ (конфискации подлежат транспортные средства, находящиеся в собственности обвиняемого).

Согласно судебной статистике, 40 % осужденных по этой статье — мужчины в возрасте 30–39 лет, 23 % — от 40 до 49 лет, 14 % — от 25 до 29 лет, 10 % — молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. По этой статье в 2024 году осуждено 1 757 женщин, в том числе 17 беременных и 81 женщина, имеющие детей в возрасте до 3 лет, также осуждены 76 подростков в возрасте от 14 до 17 лет.

Свое мнение высказал и Конституционный Суд Российской Федерации, который полагает, что конфискация транспортных средств — это мера, соразмерная общественной опасности деяния, совершенного в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения, которая носит объективно обоснованный характер. Ее применение, в первую очередь, направлено на обеспечение общественной безопасности и предупреждение новых преступлений.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>.
2. Быкова, А.С. Проблемы конфискации имущества в уголовном праве Российской Федерации / А.С. Быкова // Сборник статей XV Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 20 декабря 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2022. – С. 176-178.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2025 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта «д» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.А. Андрияновой»

Политическая инструментализация антимонопольного права: угроза правовой определенности и экономической конкуренции

Пятковский Игорь Евгеньевич, студент магистратуры

Севастопольский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

В статье исследуется феномен политической инструментализации антимонопольного права, понимаемый как использование конкурентного законодательства для достижения политических целей, не связанных с защитой конкуренции и потребителей. Анализируются теоретические подходы к разграничению легитимной промышленной политики и деструктивного внешнего вмешательства в деятельность антимонопольных органов. На основе сравнительно-правового анализа опыта России, США и Великобритании выявляются основные формы инструментализации. Делается вывод о том, что политическая инструментализация подрывает независимость регуляторов, разрушает предсказуемость правоприменения и дискредитирует саму идею конкурентного права как гаранта справедливых рыночных отношений.

Ключевые слова: антимонопольное право, политическая инструментализация, независимость регулятора, верховенство права, защита конкуренции, ФАС России, сравнительное правоведение.

Введение

Антимонопольное право традиционно рассматривается как один из ключевых институтов рыночной экономики, призванный защищать конкуренцию и обеспечивать благосостояние потребителей. Однако в последние годы как в России, так и за рубежом наблюдается устойчивая тенденция использования конкурентного законодательства в качестве инструмента для достижения целей, далеких от его первоначального предназначения. Этот феномен, получивший в доктрине название «политическая инструментализация», представляет собой серьезную угрозу для правовой определенности и независимости регуляторов [4].

Цель настоящей статьи — выявить сущностные характеристики политической инструментализации антимонопольного права, определить ее формы и проанализировать последствия для правовой системы на примере Российской Федерации и зарубежных государств.

Изложение основного материала. Проблема использования правовых инструментов для целей, не совпадающих с их телеологическим назначением, имеет глубокие корни в теории права. Применительно к конкурентному праву особую значимость приобретает разграничение между легитимной промышленной политикой и деструктивной инструментализацией.

Как отмечает профессор Оксфордского университета А. Эзрачи, политическая инструментализация представляет собой «внешнее вмешательство, которое обходит независимый голос агентства, часто неструктурированным образом, не предусмотренным законодательством. Будучи ориентированной на результат, она часто игнорирует аналитическую целостность оценки конкуренции и искажает правоприменительные результаты» [4]. В таких случаях антимонопольные нормы и институты превращаются из инструмента экономического регулирования в средство реализации политической повестки, оказания давления на неудобных субъектов, проведения протекционистской политики или кадровых чисток в регуляторах.

Важным теоретическим вкладом в понимание данного феномена стала концепция «идеологического захвата», предложенная в современной политико-правовой науке. В отличие от традиционного понимания регуляторного захвата (когда бизнес лоббирует свои интересы), идеологический захват происходит, когда эксперты разрабатывают нормативные рамки, которые маргинализируют важные общественные ценности даже при отсутствии прямого лоббизма [7]. Этот подход позволяет понять, как определенные идеологические установки могут подменять собой публичный интерес в антимонопольном правоприменении.

В российской правовой науке проблема соотношения экономических и политических начал в конкурентном регулировании также привлекает внимание исследователей. Н. А. Галстян справедливо указывает, что прямое использование экономического подхода для регулирования конкуренции в политике затруднительно, поскольку связано с методологическими и правовыми проблемами, требующими определения дополнительных средств правовой защиты политической конкуренции [1]. Данный вывод важен для понимания границ применения антимонопольного инструментария.

Анализ зарубежной практики позволяет выделить несколько типичных форм политической инструментализации антимонопольного права, которые представляют интерес для сравнительно-правового исследования.

В Великобритании ярким примером стало давление правительства на Управление по конкуренции и рынкам (СМА) с целью изменения его правоприменительной практики в пользу «повестки роста». Как отмечается в литературе, правительство лейбористов пошло на беспрецедентный шаг, назначив бывшего главу Amazon UK Дугласа Гарра руководителем СМА и потребовав от регулятора «недвусмысленно отражать необходимость повышения привлекательности Великобритании как направления для международных инвестиций» [5]. Такое вмешательство подрывает фундаментальные принципы верховенства права, поскольку закон должен применяться предска-

зуюмо и независимо от смены политической конъюнктуры. Как подчеркивает лорд Бингем в классической работе о верховенстве права, «вопросы юридических прав и обязанностей должны обычно разрешаться путем применения закона, а не посредством осуществления дискреции» [11].

В Соединенных Штатах Америки инструментализация проявилась наиболее ярко в период смены администраций. Показательным стало дело о слиянии Hewlett Packard Enterprise и Juniper Networks. Профессор Роджер П. Алфорд, занимавший должность заместителя помощника генерального прокурора в антимонопольном дивизионе Министерства юстиции, свидетельствовал перед Конгрессом о том, что одобрение этой сделки, несмотря на возражения профессиональных сотрудников, стало результатом давления лоббистов, связанных с администрацией Трампа [6]. По его словам, «лоббисты повсеместно участвуют на всех уровнях Министерства юстиции, пытаясь влиять на результаты не на основе существа дела, а на основе отношений, которые эти лоббисты имеют с конкретными лицами у власти» [6].

Еще одним тревожным сигналом стало решение администрации Трампа об увольнении членов Федеральной торговой комиссии (ФТС) — Алаварро Бедойи и Ребекки Слотер, которые были назначены предыдущей администрацией. Федеральный судья Лорен Алихан, признавшая эти увольнения незаконными, охарактеризовала их как попытку превратить ФТС в «подчиненное агентство, подверженное прихотям президента и полностью лишенное автономии» [6].

В Российской Федерации проблема политической инструментализации антимонопольного права имеет свою специфику, обусловленную как особенностями правовой системы, так и структурой экономики.

Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» закрепляет достаточно широкие полномочия антимонопольного органа. В частности, глава 3 Закона устанавливает запреты на ограничивающие конкуренцию акты и действия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления [2]. Формально это создает механизм защиты конкуренции от вмешательства со стороны государства.

Однако, как отмечается в научной литературе, существует проблема комплексного подхода к защите политической конкуренции. Политическая конкуренция сегодня «опосредованно является объектом административно-правового регулирования, которое охватывает лишь некоторые стороны избирательных процедур, составляющих незначительную часть всего объема конкурентных отношений в политике» [1].

Особого внимания заслуживает тенденция использования антимонопольного инструментария для решения задач промышленной политики и протекционизма. Современные исследователи фиксируют «регуляторный крен» в антимонопольной политике, проявляющийся в

«подмене позитивного анализа нормативным, а также в реализации промышленной политики с помощью антимонопольных инструментов» [3]. Как отмечают С. Б. Авдашева и А. Е. Шаститко, конкурентная политика должна быть направлена на защиту конкуренции, а не на достижение иных целей [9]. Это создает риск того, что защита конкуренции становится не самоцелью, а средством достижения иных, политически обусловленных задач.

Показательным примером может служить правоприменительная практика в отношении цифровых платформ. С одной стороны, усиление внимания к цифровым рынкам отражает общемировую тенденцию. С другой стороны, существует опасность использования антимонопольного преследования в качестве инструмента протекционизма или административного давления на неудобные компании. В этом контексте важным представляется разъяснительная работа ФАС России, направленная на формирование единообразной практики применения законодательства [8].

Политическая инструментализация антимонопольного права влечет за собой ряд негативных последствий системного характера.

Во-первых, подрывается принцип независимости регулятора. Как отмечает А. Эзрачи, «доверие общества к предсказуемости и справедливости правоприменения в сфере конкуренции может не пережить политического вмешательства» [4]. Когда решения принимаются не на основе закона и экономического анализа, а под влиянием политической конъюнктуры, это дискредитирует сам институт.

Во-вторых, возникает правовая неопределенность для бизнеса. Предсказуемость правоприменения является фундаментальным требованием верховенства права [11]. Если регулятор меняет свою политику в зависимости от смены правительства, как это наблюдается в США и Великобритании, компании лишаются возможности долгосрочного планирования [5].

В-третьих, создаются предпосылки для международных конфликтов. Использование антимонопольного права как инструмента экономического давления или торговой войны подрывает ту общую «конкурентно-правовую языковую среду», которая формировалась десятилетиями и обеспечивала предсказуемость трансграничных сделок [4].

Наконец, существует риск дискредитации самой идеи защиты конкуренции. Если общество видит, что антимонопольное право используется для сведения политических счетов или защиты национальных лидеров в ущерб потребителям, доверие к этому правовому институту падает. Исследования показывают, что непродуманные антимонопольные меры могут приводить к антиконкурентным последствиям [10].

Заключение

Политическая инструментализация антимонопольного права представляет собой сложный и многогранный

феномен, угрожающий основам правового регулирования рыночной экономики. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ключевой проблемой является не сама по себе возможность учета публичных интересов в конкурентной политике, а неструктурированное, непрозрачное и неправомерное вмешательство в деятельность регуляторов.

Российская Федерация, как и другие государства, сталкивается с вызовами, связанными с необходимостью балансирования между защитой конкуренции и реализацией промышленной политики. Важно, чтобы любые

отступления от стандартных антимонопольных процедур осуществлялись в четких правовых рамках, с соблюдением принципов прозрачности и обоснованности.

Представляется, что дальнейшее развитие антимонопольного права должно идти по пути укрепления институциональной независимости регуляторов, повышения прозрачности правоприменения и методологической строгости экономического анализа. Только при этих условиях антимонопольное право сможет выполнять свою основную функцию — защиту конкуренции как блага для потребителей и общества в целом.

Литература:

1. Галстян Н. А. К вопросу об «антимонопольном» регулировании политической конкуренции: конституционно-правовые аспекты / Н. А. Галстян // Антиномии. — 2022. — Т. 22. — Вып. 2. — С. 40–61. — DOI: 10.17506/26867206_2022_22_2_40.
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3434.
3. Ионкина К. А. Антитраст больше не антитраст? Тенденции конкурентной политики и антимонопольного правоприменения / К. А. Ионкина, А. Н. Морозов // Экономическая политика. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 8–29.
4. Ezrachi A. The Political Instrumentalisation of Competition and Antitrust Enforcement // Oxford Law Blogs. — 12 November — 2025. — URL: <https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2025/11/political-instrumentalisation-competition-and-antitrust-enforcement> (дата обращения: 22.02.2026).
5. Shumilo V. How Politicising the UK's CMA Threatens the Rule of Law // Harvard Undergraduate Law Review. Spring 2025. URL: <https://hulr.org/spring-2025/how-politicising-the-uks-cma-threatens-the-rule-of-law> (дата обращения: 22.02.2026).
6. U. S. House Judiciary Committee. At Subcommittee Hearing, Former Trump Administration Official Explains How Antitrust Enforcement in America Has Become Corrupt and Politicized. 16 December 2025. — URL: <https://democrats-judiciary.house.gov/media-center/press-releases/at-subcommittee-hearing-former-trump-administration-official-explains-how-antitrust-enforcement-in-america-has-become-corrupt-and-politicized-and-americans-are-paying-the-price> (дата обращения: 22.02.2026).
7. Hertel-Fernandez A. What Is Ideological Capture and How Do We Measure It? Using Antitrust Reform to Understand Expert–Public Cleavages / A. Hertel-Fernandez, S. Naidu, A. Reich, C. Young // Perspectives on Politics. Cambridge University Press. — 2025. — DOI: 10.1017/S1537592724001563.
8. Письмо ФАС России от 14.07.2025 № ТН/65638/25 «О разъяснении антимонопольного законодательства» // СПС «Гарант».
9. Авдашева С. Б. Конкурентная политика: состав, структура, система / С. Б. Авдашева, А. Е. Шаститко // Современная конкуренция. — 2010. — № 1. — С. 5–20.
10. Шаститко А. Е. Антиконтурные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов / А. Е. Шаститко, Н. С. Павлова // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2021. — № 2. — С. 7–33.
11. Bingham T. The Rule of Law. London: Allen Lane, 2010. — 213 p.

Проблемы квалификации взяточничества в российском уголовном праве

Рахимов Радик Ралитович, студент магистратуры

Научный руководитель: Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовой характеристики и проблем квалификации преступлений, связанных со взяточничеством, по статьям 290, 291, 291.1 и 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются понятие и система составов взяточничества, исследуются дискуссионные вопросы разграничения получения и дачи взятки, определения момента окончания преступления, квалификации взятки-благодарности и взятки за незаконные действия. Особое внимание уделяется проблемам применения статей о посредничестве во взяточничестве

и мелком взяточничестве, введённых в уголовный закон в 2011 и 2016 годах соответственно. На основе анализа действующего законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и доктринальных источников формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики и уголовного закона в сфере противодействия взяточничеству.

Ключевые слова: взяточничество, получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, квалификация преступлений, коррупция, уголовная ответственность.

Противодействие коррупции является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Среди коррупционных преступлений взяточничество занимает особое место как наиболее распространённое и общественно опасное деяние, подрывающее основы государственного управления и авторитет публичной власти [2]. По данным правовой статистики, в 2022 году зарегистрировано 19 490 фактов взяточничества, в 2023 году — 20 279, при этом наибольшую долю составляет мелкое взяточничество — 7 353 и 6 406 фактов соответственно [13]. Данная динамика свидетельствует не только о масштабности проблемы, но и о необходимости совершенствования уголовно-правовых средств противодействия.

Действующее уголовное законодательство предусматривает ответственность за взяточничество в статьях 290 (получение взятки), 291 (дача взятки), 291.1 (посредничество во взяточничестве) и 291.2 (мелкое взяточничество) Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Разъяснения по вопросам применения указанных норм содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 09.12.2025) [3]. Вместе с тем, несмотря на детальные разъяснения высшей судебной инстанции, правоприменительная практика выявляет ряд дискуссионных вопросов квалификации, которые требуют доктринального осмысления.

Проблемам квалификации взяточничества посвящены работы В. Н. Боркова, П. С. Яни, О. С. Капинус, Б. В. Сидорова, Е. А. Кириной и других исследователей. Однако законодательные изменения последних лет, в частности введение составов посредничества во взяточничестве (2011 г.) и мелкого взяточничества (2016 г.), обуславливают необходимость продолжения научной дискуссии.

Целью настоящей статьи является выявление проблем квалификации преступлений, предусмотренных статьями 290–291.2 УК РФ, и формулирование предложений по их разрешению. Для достижения указанной цели проанализированы нормы уголовного закона, правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, а также доктринальные источники по исследуемой проблематике.

Понятие и система составов взяточничества. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит легального определения взяточничества, что порождает неоднозначность в доктрине. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ включает дачу и получение взятки в определение коррупции, однако не упоминает посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст.

291.2 УК РФ) [2]. В доктринальном смысле взяточничество понимается как система коррупционных преступлений, охватывающая получение и дачу взятки, а также посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество [6]. Как справедливо отмечают Б. В. Сидоров и А. Ш. Балаев, взяточничество представляет собой сложное составное поведение, включающее деятельность нескольких субъектов с различными уголовно-правовыми ролями [6].

Система составов взяточничества в главе 30 УК РФ включает четыре статьи. Статья 290 устанавливает ответственность за получение взятки должностным лицом лично или через посредника в виде денег, ценных бумаг, иного имущества, незаконного оказания услуг имущественного характера или предоставления имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя [1]. Статья 291 предусматривает ответственность за дачу взятки. Статья 291.1, введённая Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, криминализует посредничество во взяточничестве при размере взятки, превышающем 25 тысяч рублей. Статья 291.2, введённая Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ, устанавливает ответственность за мелкое взяточничество при размере взятки, не превышающем 10 тысяч рублей [1].

Существенное значение для квалификации имеет определение предмета взятки. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 9 Постановления № 24 разъяснил, что предметом взяточничества наряду с деньгами, ценными бумагами и иным имуществом могут выступать незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав [3]. Изменения, внесённые Постановлением Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. № 59, дополнительно расширили понимание предмета взятки с учётом развития цифровых технологий. Однако на практике вопрос разграничения взятки и обычного подарка (статья 575 Гражданского кодекса РФ, допускающая дарение должностным лицам подарков стоимостью до 3 000 рублей) остаётся дискуссионным [4]. Как отмечается в учебной литературе, решающим критерием является не стоимость передаваемого имущества, а наличие обусловленности вознаграждения совершением должностным лицом конкретных действий (бездействия) по службе [12].

Проблемы квалификации получения и дачи взятки (статьи 290, 291 УК РФ). Одной из центральных проблем квалификации получения взятки является определение момента окончания преступления. Согласно пункту 10 Постановления Пленума ВС РФ № 24, получение взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ценностей [3]. Вместе

с тем, как отмечает В. Н. Борков, при квалификации взятки в значительном, крупном или особо крупном размере возникает вопрос: следует ли квалифицировать содеянное как оконченное преступление, если фактически передана лишь часть обусловленного вознаграждения, не достигающая соответствующего размера [5]. Данная проблема особенно актуальна при получении взятки частями, когда умысел виновных направлен на получение суммы, превышающей установленные пороговые значения.

Следует также обратить внимание на проблему квалификации взятки-благодарности, когда вознаграждение передаётся должностному лицу после совершения им законных действий без предварительной договорённости. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 8 Постановления № 24 разъяснил, что такая передача не исключает квалификацию содеянного как взяточничества при условии, что должностное лицо осознавало, что вознаграждение передаётся за совершение им действий с использованием служебных полномочий [3]. Вместе с тем на практике доказывание данного обстоятельства представляет значительную сложность, поскольку требует установления субъективного отношения виновного к характеру передаваемого вознаграждения [5].

Дискуссионным остаётся вопрос квалификации взятки за совершение незаконных действий (бездействие) по части 3 статьи 290 УК РФ. В теории уголовного права данная форма взяточничества традиционно именуется лихоимством (в отличие от мздоимства — взятки за законные действия). П. С. Яни обоснованно указывает на необходимость разграничения ситуаций, когда должностное лицо получает взятку за совершение действий, входящих в его полномочия, и за совершение действий, выходящих за их пределы [10]. Во втором случае содеянное может требовать дополнительной квалификации по статьям 285 или 286 УК РФ.

Применительно к субъекту получения взятки следует отметить, что круг должностных лиц определяется примечаниями к статье 285 УК РФ и включает лиц, осуществляющих функции представителя власти, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции [1]. Постановление Пленума ВС РФ № 24 дополнительно разъясняет содержание указанных функций применительно к различным категориям должностных лиц [3]. Особые сложности возникают при квалификации действий лиц, выполняющих должностные обязанности временно или по специальному полномочию.

Отдельного внимания заслуживает институт освобождения взяткодателя от уголовной ответственности, предусмотренный примечанием к статье 291 УК РФ. Условиями освобождения являются активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления либо наличие вымогательства взятки со стороны должностного лица, либо добровольное сообщение о совершённом преступлении [1]. О. С. Капинус справедливо указывает на проблему разграничения добровольного сообщения и сообщения, сделанного в условиях прове-

дения оперативно-разыскных мероприятий, когда взяткодатель фактически действует под контролем правоохранительных органов [7]. Практика показывает, что значительная часть уголовных дел о взяточничестве возбуждается именно по результатам оперативно-разыскной деятельности, что актуализирует вопрос о допустимости провокации взятки (статья 304 УК РФ) [9].

Квалификация совокупности взяточничества с иными должностными преступлениями также вызывает затруднения. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что получение взятки за незаконные действия образует совокупность с соответствующим должностным преступлением (злоупотребление полномочиями, превышение полномочий и др.) [3]. Однако на практике разграничение единого умысла и совокупности преступлений в подобных ситуациях нередко вызывает сложности, что приводит к неединообразию судебной практики.

Проблема соотношения провокации взятки и результатов оперативно-разыскной деятельности приобретает особую остроту в контексте практики Европейского Суда по правам человека. М. Л. Прохорова и А. А. Марков справедливо указывают на необходимость чёткого разграничения правомерного оперативного эксперимента и провокации, при которой умысел лица на совершение преступления формируется исключительно в результате действий сотрудников правоохранительных органов [9]. Отсутствие в статье 304 УК РФ однозначных критериев разграничения создаёт риск нарушения прав граждан и ставит под сомнение допустимость полученных доказательств.

Посредничество и мелкое взяточничество (статьи 291.1, 291.2 УК РФ). Криминализация посредничества во взяточничестве в 2011 году была обусловлена необходимостью усиления уголовно-правового противодействия коррупции. До введения статьи 291.1 действия посредника квалифицировались как пособничество в получении или даче взятки по части 5 статьи 33 УК РФ в совокупности со статьёй 290 или 291 [1]. Самостоятельная криминализация позволила дифференцировать ответственность и установить специальные квалифицирующие признаки.

Вместе с тем статья 291.1 УК РФ содержит ряд проблемных положений. Во-первых, ответственность за посредничество наступает только при размере взятки, превышающем 25 тысяч рублей (значительный размер). При меньшей сумме действия посредника квалифицируются по общим правилам о соучастии [3]. Данный подход вызывает обоснованную критику, поскольку создаёт ситуацию, при которой степень общественной опасности посредничества оценивается законодателем исключительно через призму размера взятки, что не вполне отражает характер и степень общественной опасности содеянного.

Во-вторых, часть 5 статьи 291.1 устанавливает ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Данная норма криминализирует, по существу, подготовительные действия, что является

исключением из общих правил уголовного права, согласно которым уголовная ответственность за приготовление наступает только применительно к тяжким и особо тяжким преступлениям (часть 2 статьи 30 УК РФ). Как указывает Пленум ВС РФ в пункте 13.1 Постановления № 24, обещание или предложение посредничества следует рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений [3]. Тем не менее практическое применение данной нормы затруднено необходимостью доказывания направленности умысла на реальное осуществление посредничества.

Введение в 2016 году статьи 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество) было направлено на дифференциацию ответственности в зависимости от размера взятки. Согласно части 1 данной статьи, мелким взяточничеством признаются получение, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем 10 тысяч рублей [1]. Как отмечает Е. А. Киршина, наиболее сложные вопросы применения данного состава связаны с конкуренцией части 1 статьи 290 и части 1 статьи 291 с частью 1 статьи 291.2 УК РФ [8]. При такой конкуренции действует общее правило: специальная норма вытесняет общую, следовательно, при размере взятки до 10 тысяч рублей применению подлежит статья 291.2.

Существенной проблемой является вопрос о применимости квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 2–6 статьи 290 УК РФ, к мелкому взяточничеству. Статья 291.2 содержит лишь один квалифицирующий признак — совершение деяния лицом, имеющим судимость за соответствующие преступления (часть 2). При этом получение мелкой взятки за незаконные действия, группой лиц по предварительному сговору или в составе организованной группы квалифицируется по статье 291.2 без учёта указанныхотягчающих обстоятельств [8]. О. В. Бесчастнова и Н. Ф. Буянов обоснованно указывают на несовершенство такой дифференциации, отмечая, что мелкое взяточничество за заведомо незаконные действия обладает повышенной общественной опасностью, однако санкция статьи 291.2 этого не учитывает [11].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.
3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 9.
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 564 с.
5. Борков В. Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. — 2011. — № 4. — С. 9–14.
6. Сидоров Б. В., Балаев А. Ш. Взятничество как система и составная часть коррупции: понятие, социальная и уголовно-правовая характеристика // Вестник экономики, права и социологии. — 2011. — № 2. — С. 162–170.

Статистические данные подтверждают масштабность проблемы мелкого взяточничества: в 2022 году зарегистрировано 7 353 факта, в 2023 году — 6 406 фактов, что составляет около трети всех выявленных случаев взяточничества [13]. Типичным примером является дача взятки сотрудникам ГИБДД за несоставление протокола об административном правонарушении, что одновременно представляет собой взятку за незаконные действия. Однако квалификация таких деяний по статье 291.2 не позволяет в полной мере учесть их повышенную общественную опасность, что свидетельствует о необходимости совершенствования данной нормы.

Выводы. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения. Во-первых, система составов взяточничества (статьи 290–291.2 УК РФ) нуждается в совершенствовании с точки зрения терминологической определённости. Отсутствие легального определения взяточничества в уголовном законе создаёт предпосылки для неоднозначного толкования. Представляется целесообразным закрепить данное определение в примечании к статье 290 УК РФ, включив в него все четыре состава.

Во-вторых, требует уточнения вопрос о пороговом размере взятки для целей квалификации посредничества по статье 291.1 УК РФ. Установленный порог в 25 тысяч рублей приводит к ситуации, когда посредничество в передаче взятки меньшего размера может быть квалифицировано лишь по правилам о соучастии, что не в полной мере отвечает задачам дифференциации ответственности.

В-третьих, статья 291.2 УК РФ нуждается в дополнении квалифицирующими признаками, отражающими повышенную общественную опасность мелкого взяточничества за незаконные действия, а также совершённого группой лиц по предварительному сговору. Отсутствие таких признаков приводит к нарушению принципа справедливости при назначении наказания.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность уголовно-правового противодействия взяточничеству и обеспечить единообразие судебной практики по данной категории дел.

7. Капинус О. С. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. — 2011. — № 2. — С. 21–26.
8. Киршина Е. А. Мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): особенности квалификации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 2 (46). — С. 111–116.
9. Прохорова М. Л., Марков А. А. Взятничество: некоторые проблемные вопросы регламентации уголовной ответственности и квалификации // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2019. — № 4 (46). — С. 47–52.
10. Яни П. С. Вопросы квалификации взяточничества // Законность. — 2013. — № 3. — С. 15–20.
11. Бесчастнова О. В., Буянов Н. Ф. Дифференциация уголовной ответственности за мелкое взяточничество в УК РФ // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2020. — № 1. — С. 84–89.
12. Сверчков В. В. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. — 11-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 413 с.
13. Статистика состояния преступности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. — URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 10.02.2026).

«Снятие корпоративной вуали» как механизм привлечения к ответственности контролирующих лиц

Рахматуллин Алмаз Рамисович, студент магистратуры
Научный руководитель: Сунгатуллина Лилия Азатовна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье рассматривается теория снятия корпоративной вуали как инструмент привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Анализируются правовые основания применения данного механизма, его значения для защиты интересов кредиторов, а также основные доктринальные подходы и судебная практика. А также возможности и проблемы широкого использования в Российской судебной практике.

Ключевые слова: снятие корпоративной вуали, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, злоупотреблением правом, юридическое лицо, бенефициарный владелец, кредиторы, корпоративное право, банкротство.

Юридические лица в Российском праве считаются самостоятельными участниками гражданских и предпринимательских правоотношений. Также п. 1 ст. 56 ГК [7] устанавливает, что юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Таким образом, законодательство Российской Федерации устанавливает принцип ограниченной ответственности юридического лица, суть которого заключается в том, что учредители, при создании юридического лица, как бы отчуждают свое имущество, передавая его новому участнику правоотношения.

Такой принцип очень важен для развития рыночных отношений, так как он уменьшает риски предпринимателей при осуществлении своей деятельности, ограничивая свою ответственность вложенным в него имуществом.

Однако абсолютное подчинение данному принципу, в перспективе может привести к злоупотреблению правом, и к нарушению прав кредиторов. Недобросовестные руководители могут вывести активы юридического лица и признать организацию банкротом. В данном случае, необходим механизм, при котором можно было бы возложить ответственность не только на само юридиче-

ское лицо, но и лиц его контролирующих, таким образом, как бы признавая, что за действиями юридического лица стоят физические или другие юридические лица.

В юридической литературе данный механизм называют доктриной «снятия корпоративной вуали». Данная доктрина зародилась в странах англо-саксонской системы, как раз для решения проблемы злоупотребления принципом ограниченной ответственности. Зарубежные правоведы выступали за «снятие вуали» в случаях, когда корпорация создана лишь для удовлетворения личных интересов своих акционеров, а также для совершения противоправных действий.

В Российском праве данная доктрина не закреплена. Однако, в судебной практике существует ограниченное количество случаев обращения к этой доктрине арбитражных судов.

Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу ЗАО «Парекс Банк» впервые упоминается термин «срывание корпоративной вуали». В рамках данного дела рассматривалась деятельность двух банков с головными офисами в Риге («Парекс банк» и «Цитаделе банк»), которые вели банковскую деятельность в РФ через представительства. Суд установил, что субъекты были со-

зданы с целью обхода российского законодательства, а их предпринимательская деятельность на территории РФ осуществлялась через аффилированных лиц. При этом постановление не легализовало доктрину в российском праве, поскольку в нём отсутствуют чётко сформулированные правила и условия её применения [10].

В решении Арбитражного суда Краснодарского края от 06.08.2014 по делу № А32–1966/2014 указывается, что руководитель ООО Рекол является единственным выгодоприобретателем и использует «корпоративную вуаль» для сокрытия недобросовестных действий. По мнению суда, доктрина «не является сугубо теоретической правовой конструкцией, заимствованной из иностранной правовой системы». При этом, при существовании определённых предпосылок, а именно явного злоупотребления гражданскими правами (ст. 10 ГК РФ) правовые свойства и качества юридического лица могут быть «вменены» его участнику. Такой предпосылкой является явное злоупотребление гражданскими правами, действия в обход закона [11].

Также в Постановлении от 26 мая 2013 года N 14828/12 по делу N А40–82045/11–64–4444 Суд указывает, что ответчик использовал юридическое лицо для целей злоупотребления правом [14].

Есть также случаи обратного снятия вуали — ситуации, когда суд взыскивает имущество юридического лица по долгам его участников.

Так, например, в рамках дела Сенаторова обратил взыскание на имущество юридических лиц, находившихся под бенефициарным контролем должника, являвшегося поручителем по кредитным договорам.

Согласно Апелляционному определению судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 августа 2012 г. по делу № 11–16173, А. Г. Сенаторов через привлечённые к участию в деле юридические лица осуществлял бенефициарное владение имуществом. Иными словами, он признавался фактическим собственником активов, на которые истец ходатайствовал о взыскании [12].

Кроме того, определенным отражением данной доктрины в Российском праве является субсидиарная ответственность, которая широко используется в банкротных правоотношениях. Так, ст. 61.11 содержит перечень обстоятельств, при которых контролирующее должника лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности. К таким обстоятельствам относятся:

1) причинен существенный вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника;

2) документы бухгалтерского учета и (или) отчетности отсутствуют или не содержат информацию об объектах, предусмотренных законодательством Российской Федерации в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы;

3) требования кредиторов третьей очереди по основной сумме задолженности, возникшие вследствие правонарушения, за совершение которого вступило в силу решение о привлечении должника или его должностных лиц, являющихся либо являвшихся его единственными исполнительными органами, к уголовной, административной ответственности или ответственности за налоговые правонарушения, в том числе требования об уплате задолженности, выявленной в результате производства по делам о таких правонарушениях, превышают пятьдесят процентов общего размера требований кредиторов третьей очереди по основной сумме задолженности, включенных в реестр требований кредиторов;

4) документы, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации об акционерных обществах, о рынке ценных бумаг, об инвестиционных фондах, об обществах с ограниченной ответственностью, о государственных и муниципальных унитарных предприятиях и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, к моменту вынесения определения о введении наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют либо искажены;

5) на дату возбуждения дела о банкротстве не внесены подлежащие обязательному внесению в соответствии с федеральным законом сведения либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице [8].

В Определении ВС РФ № 305–ЭС23–22628 по делу № А40–191073/2022 от 09.02.2024 ВС РФ так же защитил права ответчика, который в целях погашения субсидиарной ответственности допустил переплату налоговому органу. Суд также указал, что привлечение к субсидиарной ответственности направлено на «компенсацию негативных последствий действия контролирующего должника лица» [15].

Также, говоря о судебной практике по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, стоит упомянуть последние определения Верховного суда, которые касались обязательств, исключенных из ЕГРЮЛ должников [16–21]

Основным вопросом рассмотрения являлось распределение бремени доказывания между сторонами спора. Таким образом Верховный суд выработал следующую позицию — бремя доказывания должно быть распределено таким образом, чтобы стороны имели реальную возможность предоставить необходимые доказательства. Кредиторы не имеют необходимого доступа к хозяйственной документации организации, а контролирующие лица обладают всей необходимой информацией, таким образом кредитор находится в неравном положении по отношению контролирующего лица.

Суд считает, что кредитору необходимо наличие и размер задолженности, а также факт исключения из ЕГРЮЛ.

Верховный суд также считает необходимым исходить из предположения виновности контролирующих лиц, тем

самым перераспределяя бремя доказывания в сторону последних.

Также в определении СКЭС ВС РФ № 307-ЭС25-1939 (1) от 10.09.2025 по делу о банкротстве ООО «Тех-Инновации» № А56-11260/2023 судом было упомянуто, что законодательство предписывает контролирующему должника лицу обязательное активное процессуальное поведение в опровержении негативных последствий его недобросовестного поведения [22].

В рамках данного дела контролирующее должника лицо создал новое юридическое лицо с тем же наименованием и ОКВЭД и продолжил вести ту же деятельность, что и вел ранее, в то время как изначальный должник прекратил свою хозяйственную деятельность. При этом в конкурсную массу не были включены, имевшиеся у должника оборудования, а также денежные средства от их реализации, также и в бухгалтерской документации ничего из этого не было отражено. Указанные обстоятельства послужили основанием для отмены решения нижестоящих судов.

В судебной практике также присутствуют случаи положительного исхода для контролирующих должника лиц. Так, из Определения ВС РФ № 305-ЭС22-7760 (2) по делу № А40-191321/2019 от 29.01.2024, Верховный суд отменил судебный акт в части привлечения лица к субсидиарной ответственности, указав на то, вывод о доведении должника до банкротства контролирующим лицом основан лишь на том, что в период его руководства ухудшились показатели холдинга [13].

Суд разъяснил, что ухудшение положения должника само по себе не свидетельствует о неразумном или недобросовестном поведении контролирующего лица, так как это соответствует рисковому характеру предпринимательской деятельности.

Делая общий вывод по актуальной судебной практике, можно сделать вывод о последовательном усилении механизмов прав кредиторов. При этом правоприменительные подходы сохраняют баланс интересов сторон. Среди основных тенденций можно выделить перераспределение бремени доказывания и расширение круга лиц, потенциально подлежащих привлечению [23–29].

Тем не менее, многие ученые считают перспективным дальнейшее развитие доктрины «снятия корпоративной вуали» в Российском праве, хотя и отмечают, что ее повсеместное применение может привести к «уничтожению концепции индивидуальности юридического лица и института ограниченной ответственности» [1–2], что вынуждает использовать данный механизм как исключительный способ противодействия недобросовестным действиям, по примеру зарубежных стран. Так, например, Т. А. Спирина отмечает, что «механизм «снятия корпоративной вуали» нуждается в более детальной проработке для обеспечения их единообразного применения судами» [3; с. 215].

Предложения по внедрению в Российское частное право доктрину «снятия корпоративной вуали», для обеспечения добросовестного исполнения обязательств, были высказаны авторами «Концепции развития гражданского законодательства РФ» 2009 года [9]. Однако концепция так и не была легально закреплена.

Другие же авторы полагают, что рецепция данной доктрины невозможна, ввиду ее возникновения и развития в рамках прецедентной системы права. Так, К. С. Кондратьева и И. А. Стерлягов высказывают мнение, что перспективным направлением развития института ответственности контролирующих должника лиц представляется детализация и легальное закрепление норм оценки деятельности контролирующих должника лиц в докризисный период на предмет доведения корпорации до банкротства и в период имущественного кризиса на предмет докапитализации компании и сохранения ее активов [4; с. 229].

Противоположный взгляд также высказывал адвокат Андрей Гольцблат: «Я думаю, что подобные институты, не формализованные в российском праве, применять исходя из доктрин иных юрисдикций не совсем верно, это может привести к уничтожению концепции индивидуальности юридического лица и института ограничения ответственности, что недопустимо» [5].

Похожие мысли высказывала и судья ВАС РФ, Александра Маковская. Она считает, что формализованное определение будет легко обойти, также подчеркнув, что невозможность применения институтов английского права без судебного толкования. Судья также согласилась с тем, что активное применение подобных институтов может привести к гибели ограниченной ответственности юридических лиц: «Если мы не хотим полной гибели конструкции юрлица, то для концепций аффилированности лиц и снятия корпоративной вуали должны быть в законодательстве положены пределы их применения» [6].

Доктрина «снятия корпоративной вуали» должна анализироваться в рамках общей стратегии противодействия злоупотреблениям в корпоративных отношениях. Она выполняет функцию дополнительного инструмента к нормативным положениям закона, которые в исключительных случаях допускают ограничение привилегии участников общества на ограниченную ответственность. Кроме того, данная доктрина входит в группу некодифицированных судебных доктрин. При разработке её нормативных формулировок целесообразно опираться на международный опыт, адаптируя его к особенностям российской правовой терминологии и деловой практики.

Литература:

1. Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывающая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитра. Суда Рос. Федерации. 2013. № 7. С. 80–125.

2. Карнаков Я. В. «Снятие корпоративной вуали» в проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах // Рос. право: образование, практика, наука. 2009. № 9(62). С. 31–36.
3. «Спирина Т. А. «Снятие корпоративной вуали» через механизм привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23).
4. Кондратьева, К. С. Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российской федерации: сравнительно-правовой подход / К. С. Кондратьева, И. А. Стерлигов. — Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 462.
5. Корнилова, А. В. К вопросу о применении механизма «проникающей ответственности» / А. В. Корнилова. — Текст: непосредственный // Политика, государство и право. — 2014. — № 1.
6. Гречнев, А. В. Проблема «снятия корпоративной вуали» в российском и французском праве: сравнительный анализ / А. В. Гречнев. — Текст: непосредственный // Matters of Russian and International Law. — 2016. — № 1. — С. 69–83.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301
8. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190
9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. — Текст: непосредственный // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2009. — № 11.с
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11 по делу N А40–21127/11–98–184 // СПС Консультант Плюс
11. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 6 августа 2014 г. по делу № А32–1966/2014 // СПС Консультант Плюс
12. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.08.2012 по делу N 11–16173 // СПС Консультант Плюс
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2024 N 305-ЭС22–7760(2) по делу N А40–191321/2019 // СПС Консультант Плюс
14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2013 г. N 14828/12 по делу N А40–82045/11–64–4444 // СПС Гарант
15. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2024 г. N 305-ЭС23–22628 по делу N А40–191073/2022 // СПС Гарант
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 N 307-ЭС24–18794 по делу N А66–9932/2023 // СПС Консультант
17. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2025 г. N 305-ЭС24–24042 по делу N А40–277055/2023 // СПС Гарант
18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2025 N 307-ЭС24–22013 по делу N А56–114578/2022 // СПС Консультант
19. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2025 г. № 305-ЭС24–24568 по делу N А40–55223/2023 // СПС Гарант
20. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2025 г. N 305-ЭС24–22290 по делу N А40–113828/2023 // СПС Гарант
21. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2025 г. № 308-ЭС24–21242 по делу № А53–48051/2023 // СПС Гарант
22. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2025 г. N 307-ЭС25–1939 (1) по делу N А56–11260/2023 // СПС Гарант
23. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 сентября 2025 г. по делу № А65–31338/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/jnV5NsNcVxZw/> (дата обращения 21.02.2026)
24. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8 сентября 2025 г. по делу № А65–9826/2022 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ltWIVCGQILHN/> (дата обращения 21.02.2026)
25. Решение Арбитражного суда Самарской области от 4 сентября 2025 г. по делу № А55–32299/2024 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TwxDRM4WZyZv/> (дата обращения 21.02.2026)
26. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 7 сентября 2025 г. по делу № А33–8176/2024 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/6C8L3tKUNo5Q/> (дата обращения 21.02.2026)
27. Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 1 сентября 2025 г. по делу № А78–15258/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qtKoK70ZWDlw/> (дата обращения 21.02.2026)
28. Постановление Арбитражного суда Республики Татарстан от 25 августа 2025 г. по делу № А65–8776/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LzfldvcSOGVD/> (дата обращения 21.02.2026)

29. Решение Арбитражный суд Красноярского края от 6 августа 2025 г. по делу № А33–2046/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/COMW3Xdp6HLN/> (дата обращения 21.02.2026)

Правовая природа стадии подготовки к рассмотрению дела в судопроизводстве по делам об административных правонарушениях

Романенко Мария Георгиевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье особое внимание уделяется правовой оценке случаев возврата протоколов после принятия дела к производству и нарушения правил подсудности, вызванных отсутствием формализованного порядка предварительных действий. Предлагается включение в КоАП РФ новой статьи 29.1.1, регулирующей сроки и особенности подготовки к заседанию, что, по мнению автора, позволит устранить существующий пробел, повысит процессуальную упорядоченность и обеспечит соблюдение процессуальных прав участников производства.

Ключевые слова: административное правонарушение, подготовка к рассмотрению, стадия производства, процессуальные сроки, возврат протокола, подсудность.

Legal nature of the stage of preparation for consideration of a case in legal proceedings on cases of administrative offenses

The article particular attention is given to the legal assessment of situations involving the return of administrative offence reports after the case has already been accepted for review, as well as violations of jurisdictional rules, both of which stem from the absence of a formalized preparatory procedure. The author proposes the introduction of a new Article 29.1.1 into the Code, which would regulate the timing and specific features of preparation for court hearings. This legislative measure, it is argued, would eliminate the existing gap, ensure procedural consistency, and strengthen the protection of procedural rights of the parties involved.

Keywords: administrative offence, case preparation, procedural stage, procedural time limits, return of protocol, jurisdiction.

Применение законодательства об административных правонарушениях требует точного соблюдения установленных процессуальных процедур на всех стадиях производства. Вместе с тем действующий порядок рассмотрения дел не охватывает всех этапов, фактически реализуемых в ходе разрешения споров о привлечении к административной ответственности. В частности, до настоящего времени остается недостаточно урегулированным срок подготовки дела к его судебному разбирательству по существу.

Между тем, в правоприменительной деятельности судами совершаются действия, направленные на организацию предстоящего рассмотрения — в частности, это установление подведомственности, проверка полномочий, надлежащее извещение участников, оценка комплектности и допустимости доказательств. Несмотря на то, что законодательно данный этап выделяется как самостоятельная часть административного процесса, отсутствует регламентация порядка, сроков подготовки дела.

Нередко подобный пробел становится причиной возврата протоколов после их принятия к производству, проведения формальной подготовки к рассмотрению дела, ошибок в определении подсудности. Результатом становится снижение эффективности судопроизводства,

а также нарушение прав участников процесса на судебную защиту, своевременное, объективное и законное рассмотрение дела. Обостряется проблема и в связи с краткостью установленных сроков, нарушение которых ведёт к прекращению дела вследствие истечения срока давности.

Отсутствие нормативного разграничения между подготовкой к рассмотрению дела и его непосредственным разбирательством приводит к их фактическому объединению в пределах общего срока, установленного ст. 29.6 КоАП РФ [1]. Согласно указанной норме, дело должно быть рассмотрено должностным лицом в течение пятнадцати дней, а судьей — в течение двух месяцев с возможностью продления не более чем на один месяц. При этом, обозначенные процессуальные сроки охватывают период от поступления материалов до принятия окончательного решения.

Отдельного внимания заслуживает проблема возвращения материалов дела об административном правонарушении составившему их должностному лицу уже после принятия дела к производству. Подобная практика противоречит как процессуальной логике, так и установленному порядку рассмотрения дел, поскольку устранение недостатков протокола должно осуществляться до начала судебного разбирательства. Так, по одному из дел,

протокол об административном правонарушении и иные процессуальные документы были составлены уполномоченным должностным лицом и переданы в суд. Мировой судья, получив материалы, принял их к производству, что было подтверждено вынесенным определением о назначении даты заседания. Однако на стадии, когда дело уже находилось в производстве, суд возвратил документы тому же должностному лицу для устранения выявленных недостатков, фактически прервав разбирательство, не завершив его по существу. Заседание, первоначально назначенное на апрель, не состоялось, дело откладывалось несколько раз, а повторное поступление материалов в суд имело место спустя значительный промежуток времени [3].

Не менее тревожной представляется и ситуация, связанная с нарушением правил. В одном из дел, рассмотренных Верховным Судом Российской Федерации, было установлено, что судья, несмотря на наличие сведений о военном статусе лица, в отношении которого велось производство, рассмотрел дело без передачи его по подведомственности. Извещения направлялись в воинскую часть, что свидетельствовало о наличии объективных данных о статусе лица, однако суд проигнорировал необходимость передачи дела военному суду, чем нарушил требования статей 29.1 и 29.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Подобные ошибки, обусловленные отсутствием регламентированной стадии подготовки, создают угрозу вынесения неправомερных решений и влекут процессуальные последствия, выражающиеся в отмене судебных актов и прекращении производства по формальным основаниям.

Сложности, возникающие на этапе подготовки к рассмотрению дела, проявляются и в ошибках, связанных с определением подсудности. В ряде случаев судьи не принимают необходимых мер для установления фактических обстоятельств, от которых зависит правильное определение компетентного органа. Так, судом первой инстанции было проигнорировано наличие информации о прохождении лицом военной службы. При этом в материалах дела имелись доказательства, свидетельствующие о статусе лица как военнослужащего, в частности, сведения о том, что извещения о дате судебного заседания направлялись в адрес соответствующей воинской части. Несмотря на это, дело не было передано в военный суд, как того требует действующее законодательство, а было рассмотрено судом общей юрисдикции.

Подобное процессуальное решение противоречит требованиям ст. 29.1 и ст. 29.4 КоАП РФ, обязывающих суд установить, относится ли к их компетенции рассмотрение данного дела.

Неисполнение данной обязанности нарушает установленный порядок распределения дел, влечёт недействительность разбирательства и лишает вынесенное решение законной силы.

В научной литературе подчёркивается, что именно неурегулированность процессуальных сроков, в част-

ности сроков подготовки к рассмотрению дела, является одной из причин нарушения процессуальных гарантии участников судопроизводства. Так, А. С. Дугенец, справедливо указывает на то, что КоАП РФ содержит положения об исчислении сроков лишь применительно к институту давности привлечения к ответственности [5, с. 77].

При отсутствии прямого законодательного регулирования процессуальных сроков на практике используются разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [2]. В указанном документе разъясняется, что срок давности привлечения к административной ответственности подлежит исчислению со дня, следующего за днём совершения либо нарушения правонарушения. Однако, данная позиция была сформулирована применительно к институту давности и не охватывает иные процессуальные сроки, в том числе те, что относятся к структуре стадий административного производства. В силу этого приведенные положения не могут компенсировать отсутствие специальных норм, регулирующих порядок исчисления сроков подготовки к рассмотрению дела.

В связи с этим, в юридической доктрине предлагается закрепление стадии подготовки с установлением конкретного срока её осуществления. Так, А. Д. Бабенкова, Н. В. Ландерсон высказываются за необходимость введения в закон нормы, предусматривающей трёхдневный срок на совершение действий, предваряющих рассмотрение дела по существу [4, с. 101]. По их мнению, такая мера способствовала бы соблюдению принципа оперативности и обеспечила надлежащее упорядочивание производственного процесса.

При этом следует отметить, что предлагаемая продолжительность подготовительного этапа в три дня представляется недостаточной, не учитывает разнообразие категорий дел, рассматриваемых в порядке административного производства, а также различия в их сложности, объёме доказательственной базы и характере нарушений. Проведение качественной подготовки требует времени для проверки вопросов подсудности, надлежащего извещения участников, оценки комплектности и допустимости поступивших материалов, а при необходимости — истребования дополнительных доказательств. С учётом указанных обстоятельств, предлагается закрепить в законе предельный срок подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении продолжительностью не более пяти дней с момента поступления протокола и иных материалов. При этом, должен сохраняться элемент усмотрения суда либо должностного лица в случае, если все необходимые действия могут быть осуществлены в более сжатые сроки. Исключения составляют дела, подлежащие рассмотрению в сокращённые сроки, в том числе те, что перечислены в частях 3–5 и 7 статьи

29.6 КоАП РФ, по ним подготовка должна осуществляться незамедлительно.

В целях устранения выявленного пробела представляется обоснованным включение в КоАП РФ новой статьи, устанавливающей сроки стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении следующего содержания:

«1. Подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении проводится в срок, определяемый судьей с учетом обстоятельств дела об административном правонарушении и процессуальных действий, которые подлежат совершить.

2. Период подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении не может превышать пяти дней с момента поступления протокола об административном правонарушении и других материалов дела.

3. Подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении, в отношении которого частями 3- 5, 7 статьи 29.6 настоящего Кодекса установлены сокращенные сроки рассмотрения, проводится немедленно».

Введение данной нормы, полагаем, позволит структурировать производство по делам об административных правонарушениях, повысить качество рассмотрения дел и соблюдение прав участников.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 23.12.2021) // Российская газета. — 2005. — № 80.
3. Постановление ВС РФ от 23.04.2015 № 56-АД15-10 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2025).
4. Бабенкова А. Д. Практические вопросы на стадии подготовки к рассмотрению дел об административных правонарушениях в кассационных судах и судах общей юрисдикции // Экономика, управление, право и общество. — Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. — С. 99–102.
5. Дугенец А. С. Проблемы правового регулирования и практики реализации стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении // Административное право и процесс. — 2021. — № 9. — С. 77–78.

Цифровизация государственного управления и трансформация административных процедур

Сафаров Аллахверен Илхам оглы, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию процессов цифровизации в сфере государственного управления и их влиянию на трансформацию административных процедур. Рассматриваются ключевые инструменты цифровой трансформации: электронное правительство, платформенные решения, технологии искусственного интеллекта и большие данные. Проводится анализ нормативно-правовой базы, закрепляющей цифровую повестку в российском публичном управлении. Особое внимание уделяется реинжинирингу административных процессов и изменению характера взаимодействия между органами власти и гражданами. Выявляются системные проблемы, сопровождающие цифровую трансформацию: цифровое неравенство, дефицит квалифицированных кадров и вопросы информационной безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, административные процедуры, электронное правительство, цифровая трансформация, публичные услуги, реинжиниринг.

Digitalization of public administration and transformation of administrative procedures

Safarov Allakhveren Ilkham ogly, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the processes of digitalization in the sphere of public administration and their impact on the transformation of administrative procedures. The key tools of digital transformation are considered: e-government, platform solutions, artificial intelligence technologies, and big data. An analysis of the regulatory framework consolidating the digital agenda in Russian public

administration is carried out. Special attention is paid to the re-engineering of administrative processes and the changing nature of interaction between authorities and citizens. Systemic problems accompanying digital transformation are identified: digital inequality, shortage of qualified personnel, and information security issues.

Keywords: digitalization, public administration, administrative procedures, e-government, digital transformation, public services, re-engineering.

Введение

На протяжении последнего десятилетия цифровая трансформация государственного управления превратилась из технологического эксперимента в стратегический приоритет государственной политики. Цифровизация признана одной из пяти национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года, что свидетельствует о системном характере происходящих преобразований. Переосмысление традиционных административных процедур в условиях цифровой среды ставит принципиально новые задачи перед наукой административного права и теорией государственного управления. Цель настоящего исследования — выявить характер трансформационных изменений в административных процедурах под воздействием цифровизации, определить их правовые основания и оценить практические результаты проводимых реформ.

Прежде чем переходить к анализу конкретных административных преобразований, необходимо уточнить само понятие цифровизации применительно к публичному управлению. Представители науки административного права определяют цифровизацию государственного управления как процесс внедрения в деятельность органов государственной власти цифровых технологий, направленного на повышение эффективности, прозрачности и доступности государственных услуг. Принципиально важно разграничить понятия «информатизация», «электронное правительство» и «цифровая трансформация»: если первые два явления описывают перевод уже существующих процессов в электронную форму, то цифровая трансформация предполагает их глубокий реинжиниринг — изменение самой логики административных процедур [1].

В научной литературе цифровая трансформация государственного управления рассматривается как поступательный процесс, проходящий через ряд взаимосвязанных стадий. Изначально осуществляется перевод базовых процедур в электронный формат без изменения их содержания. Затем формируется модель «электронного правительства», при которой услуги оказываются через цифровые каналы, сохраняя прежнюю бюрократическую конструкцию. Более высокий уровень развития связан с построением «умного правительства» (smart government): управленческие решения опираются на данные, а взаимодействие с гражданами приобретает проактивный характер. Российская практика отражает переходное состояние между цифровым обслуживанием и полноценной трансформацией, при этом ведомства различаются по степени цифровой зрелости [2].

Теоретическое осмысление цифровой трансформации государственного управления опирается на концепцию «данно-центричного» управления (data-centric governance), согласно которой объективные данные, собранные и обработанные в цифровой среде, становятся главным ресурсом для принятия управленческих решений. Данный подход кардинально меняет природу административных процедур: вместо формально-правовых предписаний, исполняемых чиновником по собственному усмотрению, на первый план выходят алгоритмически структурированные регламенты, минимизирующие субъективный фактор. Переход к данно-центричному управлению порождает новые правовые вопросы — о допустимости автоматизированных административных решений, о правах граждан на оспаривание алгоритмических выводов и об ответственности за их ошибки [3].

Правовую основу цифровизации государственного управления в России составляет разветвленная система нормативных актов, формировавшаяся на протяжении нескольких лет. Центральное место в этой системе занимает национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная в 2018 году и определившая целевые показатели и финансовые параметры цифровой трансформации на среднесрочную перспективу. Программа поставила задачи по развитию цифровой инфраструктуры, переводу государственных услуг в электронную форму, формированию единых цифровых платформ межведомственного взаимодействия [4].

Параллельно с программными документами в России были приняты нормативные правовые акты, закрепляющие конкретные инструменты цифровой трансформации административных процедур. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» получил ряд существенных дополнений, обязывающих органы власти переходить на проактивное предоставление услуг и исключать необоснованные требования к заявителям. Принцип «одного окна», реализованный в многофункциональных центрах предоставления услуг (МФЦ), получил свое логическое продолжение в концепции «суперсервисов» — комплексных цифровых решений, объединяющих несколько взаимосвязанных административных процедур в рамках единого пользовательского пути. Проведенный анализ свидетельствует о том, что нормативная база в целом сформирована, но темпы ее практической реализации варьируются в зависимости от уровня цифровой зрелости конкретного ведомства [5].

Наиболее наглядным воплощением цифровой трансформации административных процедур стало развитие платформы «Госуслуги», аккумулировавшей к началу

2020-х годов свыше ста миллионов зарегистрированных пользователей. Ключевым стратегическим решением при развитии платформы стала интеграция платежных и государственных информационных систем, которая в сочетании с распространением мобильных устройств создала основу для предоставления практически всего спектра востребованных гражданами услуг в цифровом формате. Переход к модели «цифровое от начала до конца» (end-to-end digitalization) предполагает полный реинжиниринг административных процессов: устранение избыточных согласований, сокращение сроков рассмотрения обращений и снижение транзакционных издержек как для граждан, так и для самих органов власти [6].

Существенным направлением трансформации стало внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных в государственное управление. Алгоритмические системы используются для анализа обращений граждан, автоматической маршрутизации запросов, выявления мошенничества при получении государственных выплат и прогнозирования нагрузки на государственные институты. Применение цифровых технологий повышает открытость государственных данных и укрепляет доверие граждан, поскольку дает возможность отслеживать этапы принятия решений и предоставления услуг в режиме реального времени. Автоматизация рутинных административных операций высвобождает ресурсы государственных служащих для решения нестандартных ситуаций, требующих профессионального суждения [7].

Одновременно с очевидными достижениями цифровая трансформация административных процедур обнажила ряд системных проблем, требующих пристального внимания. Прежде всего, переход к единым цифровым платформам выявил серьезную проблему разрозненности информационно-аналитических систем: различные ведомства исторически формировали собственные базы данных, слабо интегрированные между собой и характеризующиеся различными стандартами качества данных. Это существенно затрудняет реализацию концепции «одного источника данных» и снижает эффективность межведомственного взаимодействия. Ускоренная цифровизация государственных услуг повлекла за собой риски исключения социально уязвимых групп населения, не располагающих достаточными цифровыми компетенциями, — так называемое «цифровое неравенство» приобрело статус серьезного социального вызова [8].

Среди основных вызовов, стоящих перед отечественной системой цифровизации государственного управления, особого внимания заслуживает кадровый дефицит. По оценкам специалистов, органы государственной власти испытывают острую нехватку специалистов, сочетающих компетенции в области информационных технологий с пониманием специфики публичного управления. Традиционная система государственной службы с ее фиксированными должностными регламентами и ограниченными карьерными перспективами с трудом конкурирует на рынке труда с коммерческими технологическими

компаниями. Проблема усугубляется тем, что цифровая трансформация требует не просто найма ИТ-специалистов, но и переобучения действующих государственных служащих, формирования у них цифровых компетенций.

Не менее острой остается проблематика информационной безопасности. Концентрация значительных массивов персональных данных граждан и сведений о деятельности государственных органов на централизованных цифровых платформах существенно повышает риски несанкционированного доступа, утечек данных и деструктивных кибератак. Ужесточение требований к защите персональных данных вступает в определенное противоречие с логикой «сквозной» цифровизации, предполагающей широкое межведомственное использование данных о гражданах. Нахождение оптимального баланса между эффективностью административных процедур и защитой частной жизни граждан представляет собой одну из ключевых правовых задач ближайшего будущего.

Перспективным направлением развития выступает концепция «проактивного государства», при которой органы власти самостоятельно иницируют предоставление услуг гражданам при наступлении соответствующих жизненных событий — без ожидания обращения со стороны заявителя. Реализация данной концепции технологически опирается на интеграцию реестровых данных и механизмы автоматического мониторинга изменений в правовом статусе граждан. Правовое оформление проактивного предоставления услуг требует пересмотра ряда базовых институтов административного права: заявительного порядка обращения, презумпции осведомленности гражданина о своих правах, процедур согласования персональных данных [9]. Таким образом, цифровизация административных процедур закономерно влечет за собой необходимость пересмотра самих административно-правовых концепций, сложившихся в эпоху бумажного документооборота [10].

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что цифровизация государственного управления представляет собой не технологическую модернизацию при неизменной организационной логике, а глубокую трансформацию самой природы административных процедур. Переход от модели «электронного правительства» к модели «умного государства» означает смещение акцента с оцифровки существующих процессов к их принципиальному реинжинирингу на основе данных. Российский опыт свидетельствует о том, что, несмотря на значимые достижения в части доступности государственных услуг, системные ограничения — в виде ведомственной разрозненности данных, кадрового дефицита и цифрового неравенства — по-прежнему сдерживают полноценную реализацию потенциала цифровой трансформации. Дальнейшее развитие данного направления требует технологических инвестиций и реформирования институтов административного права с учетом условий цифровой среды.

Литература:

1. Биттуева Э. А., Сечинский Е. В., Тришкин Г. А. Концептуальные основы и сущностные характеристики цифровизации государственного управления // Прогрессивная экономика. 2025. № 3. С. 139–149.
2. Мухаметов Д. Р., Симонов К. В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России // Мир новой экономики. 2021. № 15(3). С. 17–27.
3. Скоробогатский В. В. Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // Антиномии. 2023. № 1. С. 90–106.
4. Нагорных Д. Ю. Развитие цифровизации в рамках государственного стратегического планирования и законодательного регулирования // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 343–348.
5. Шмидт Т. Н. Нормативно-правовое регулирование процессов цифровизации государственного управления // Образование и право. 2024. № 5. С. 76–81.
6. Зубач А. В., Попов О. В. Цифровая трансформация современной системы административно-правового регулирования государственного управления в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 46–50.
7. Лянной Г. Г. Административно-правовое регулирование разработки и использования технологий искусственного интеллекта // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 3. С. 336–352.
8. Арамисов Т. Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 27–44.
9. Талапина Э. В., Козяр Д. Ю. Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 7–32.
10. Сарапкина Е. Н. Правовые аспекты цифровизации правотворческой деятельности органов публичной власти // Правовая информатика. 2024. № 3. С. 188–199.

Правовая природа и система ответственности за неуплату налогов в Российской Федерации

Сочивкина Елена Анатольевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу юридической ответственности за неуплату налогов в Российской Федерации. Рассматриваются правовые основания и виды ответственности, предусмотренные действующим законодательством, включая налоговую, административную и уголовную ответственность. Анализируются элементы состава правонарушения, субъекты ответственности, порядок привлечения к ответственности и особенности правоприменительной практики. Особое внимание уделено разграничению налоговой и уголовной ответственности, а также проблемам доказывания умысла при совершении налоговых преступлений. В заключении предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования и повышению эффективности налогового администрирования.

Ключевые слова: налоги, налоговая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, налоговое правонарушение, налоговое преступление, финансовое право, бюджетная система.

В условиях развития рыночной экономики и цифровизации финансовых процессов особую значимость приобретает проблема обеспечения полноты и своевременности поступления налоговых платежей в бюджетную систему Российской Федерации. Налоги выступают основным источником формирования доходной части бюджетов всех уровней и обеспечивают реализацию государством социально-экономических, оборонных и иных публичных функций. В этой связи надлежащее исполнение налоговой обязанности является не только юриди-

ческой, но и конституционной обязанностью каждого налогоплательщика.

Налоги являются основным источником формирования доходной части бюджета государства и обеспечивают реализацию публичных функций. В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ) уплата законно установленных налогов и сборов является обязанностью каждого налогоплательщика. Неисполнение этой обязанности влечёт применение мер государственного принуждения.

Юридическая ответственность за неуплату налогов представляет собой установленную нормами права обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия имущественного, административного или уголовного характера за совершение противоправного деяния, выражающегося в неисполнении налоговой обязанности.

Основное значение данного института заключается в обеспечении финансовой стабильности государства, предупреждении налоговых правонарушений и формировании добросовестного поведения участников налоговых правоотношений. Ответственность выступает важным элементом механизма налогового контроля и гарантией исполнения бюджетных обязательств.

Российское законодательство предусматривает несколько видов ответственности за нарушения налогового законодательства: налоговую, административную и уголовную.

Налоговая ответственность регулируется НК РФ и применяется за совершение налоговых правонарушений. К таким правонарушениям относятся:

- неполная или несвоевременная уплата налога;
- занижение налоговой базы;
- непредставление налоговой декларации;
- нарушение правил учёта доходов и расходов.

Основной мерой ответственности является взыскание штрафа в процентном соотношении от неуплаченной суммы налога. Кроме того, начисляются пени за каждый день просрочки исполнения обязанности.

Налоговая ответственность носит имущественный характер и не влечёт судимости. Она применяется налоговыми органами в административном порядке.

Административная ответственность применяется к должностным лицам и регулируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Она наступает, например, за грубое нарушение правил ведения бухгалтерского учёта или непредставление сведений в налоговые органы.

Мерами ответственности выступают административные штрафы, дисквалификация должностных лиц и иные санкции, предусмотренные законом [2, с. 271].

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации. Преступлением признаётся уклонение от уплаты налогов в крупном или особо крупном размере при наличии умысла.

Санкции могут включать штрафы в значительном размере, принудительные работы, лишение свободы, а также запрет занимать определённые должности.

Отличительной особенностью уголовной ответственности является необходимость установления прямого умысла и значительного размера ущерба бюджету.

Для привлечения лица к ответственности необходимо установить наличие состава правонарушения, включающего следующие элементы:

1. Объект — общественные отношения в сфере формирования доходов бюджета.

2. Объективная сторона — действия или бездействие, выражающиеся в неуплате или неполной уплате налога.

3. Субъект — налогоплательщик (физическое лицо, индивидуальный предприниматель, организация).

4. Субъективная сторона — вина в форме умысла или неосторожности (для налоговой ответственности) либо прямого умысла (для уголовной ответственности) [1, с.62].

Особую сложность в правоприменительной практике вызывает доказывание умысла при возбуждении уголовных дел. Судебные органы должны установить, что налогоплательщик сознательно уклонялся от исполнения обязанности, используя схемы сокрытия доходов или представление заведомо ложных сведений.

Важным вопросом является разграничение налоговой и уголовной ответственности. Налоговая ответственность применяется в большинстве случаев и направлена на компенсацию ущерба бюджету. Уголовная ответственность наступает при наличии признаков преступления, включая крупный размер неуплаченной суммы и доказанный умысел.

Законодательство предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности при полном возмещении ущерба бюджету до вынесения приговора суда. Данный механизм стимулирует добровольное погашение задолженности.

На практике институт ответственности за неуплату налогов сталкивается с рядом проблем:

- сложность толкования налоговых норм;
- противоречивость судебной практики;
- трудности разграничения налоговой оптимизации и незаконного уклонения;
- длительность налоговых проверок и судебных разбирательств.

Для повышения эффективности механизма ответственности за неуплату налогов целесообразно:

- совершенствовать нормы НК РФ с целью устранения правовой неопределённости;
- развивать электронные системы налогового контроля;
- усиливать профилактическую работу с налогоплательщиками;
- обеспечивать единообразие судебной практики;
- внедрять меры стимулирования добровольного исполнения налоговых обязанностей.

Итак, юридическая ответственность за неуплату налогов представляет собой важный инструмент защиты публичных финансовых интересов государства. Система ответственности включает налоговые, административные и уголовные меры, каждая из которых имеет собственные основания и порядок применения. Эффективность данного института зависит от сбалансированности санкций, чёткости законодательных формулировок и единообразия судебной практики. Совершенствование правового регулирования и развитие механизмов профилактики налоговых правонарушений являются ключевыми направлениями укрепления финансовой безопасности государства.

Литература:

1. Белай, О. В. Понятие налогового преступления в российском праве и правовой науке / О. В. Белай // Актуальные проблемы современной науки. — 2019. — № 6. — С. 61–65.
2. Ларина, Ю. Д. Виды юридической ответственности за правонарушения в области налогов и сборов / Ю. Д. Ларина, Е. В. Шепелева // Молодой ученый. — 2022. — № 50 (445). — С. 270–273.

Актуальные вопросы привлечения к ответственности за неуплату налогов и сборов

Сочивкина Елена Анатольевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу актуальных проблем привлечения к юридической ответственности за неуплату налогов и сборов в Российской Федерации. Рассматриваются особенности применения налоговой, административной и уголовной ответственности, сложности доказывания состава правонарушения, вопросы разграничения правомерной налоговой оптимизации и незаконного уклонения, а также противоречия судебной практики. Особое внимание уделено проблемам квалификации деяний, доказывания умысла и определению размера причинённого ущерба бюджету. В заключении предложены направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: налоговое правонарушение, налоговое преступление, юридическая ответственность, уклонение от уплаты налогов, налоговые органы, судебная практика, бюджетная система, финансовое право.

Своевременное и полное поступление налогов и сборов является необходимым условием функционирования бюджетной системы и реализации государством своих публичных обязанностей. В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации обязанность по уплате законно установленных налогов и сборов возлагается на физических и юридических лиц. Нарушение этой обязанности влечёт применение мер государственного принуждения.

Вместе с тем практика привлечения к ответственности за неуплату налогов и сборов свидетельствует о наличии значительных правовых и организационных проблем. Их разрешение имеет важное значение для обеспечения баланса публичных и частных интересов, а также укрепления финансовой дисциплины.

Актуальность исследования обусловлена тем, что практика привлечения к ответственности за налоговые правонарушения и преступления сопровождается рядом сложностей. К числу наиболее значимых относятся проблемы разграничения налоговой оптимизации и незаконного уклонения от уплаты налогов, установления вины и доказывания умысла, определения размера причинённого бюджету ущерба, а также обеспечения соразмерности применяемых санкций. Дополнительные трудности связаны с усложнением финансово-хозяйственных операций, цифровизацией экономики и развитием трансграничных расчетов.

Целью настоящей статьи является анализ ключевых проблем привлечения к юридической ответственности за неуплату налогов и сборов и определение направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Российское законодательство предусматривает три основных вида ответственности за неуплату налогов и сборов: налоговую, административную и уголовную.

Налоговая ответственность регулируется Налоговым кодексом и выражается преимущественно в виде штрафов и пеней. Административная ответственность применяется в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях к должностным лицам за нарушение правил бухгалтерского учёта и представления отчётности. Уголовная ответственность предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации и наступает при наличии крупного или особо крупного размера неуплаченных сумм и установленного умысла [1, с. 50].

Несмотря на формальную определённую правовых норм, на практике возникают сложности их применения.

Одной из ключевых проблем является разграничение налогового правонарушения и налогового преступления. Не всегда возможно однозначно определить, содержит ли деяние признаки состава преступления либо ограничивается налоговой ответственностью.

Особые трудности вызывает оценка размера ущерба, причинённого бюджету. Расчёт суммы недоимки может быть предметом спора между налоговым органом и налогоплательщиком, что затрудняет квалификацию деяния и влияет на вид ответственности.

Кроме того, существует проблема различия между законной налоговой оптимизацией и незаконным уклонением от уплаты налогов. Использование пробелов законодательства и сложных финансовых схем может быть признано как правомерным способом снижения налоговой нагрузки, так и противоправным деянием, в зависимости от оценки суда.

Для привлечения к налоговой ответственности достаточно установления факта правонарушения и вины в форме неосторожности или умысла. Однако для уголовной ответственности требуется доказать прямой умысел на уклонение от уплаты налогов.

Доказывание умысла представляет значительную сложность, поскольку предполагает установление внутреннего отношения лица к совершенному деянию. Необходимо подтвердить, что налогоплательщик осознавал противоправный характер своих действий и желал наступления общественно опасных последствий.

На практике нередко возникают ситуации, когда ошибки в бухгалтерском учёте или неоднозначное толкование норм налогового законодательства квалифицируются как умышленное уклонение, что вызывает обостренные споры.

Существенное значение имеют процессуальные аспекты. Длительность налоговых проверок, большое количество экспертиз и необходимость анализа финансовой документации усложняют процедуру привлечения к ответственности.

Дополнительные сложности связаны с взаимодействием налоговых органов и правоохранительных структур. Передача материалов проверки для возбуждения уголовного дела требует строгого соблюдения процедурных требований, нарушение которых может повлечь признание доказательств недопустимыми.

Также проблемой остаётся неоднородность судебной практики, что снижает предсказуемость правоприменения.

В научной литературе и правоприменительной практике обсуждается вопрос соразмерности мер ответственности. Высокие размеры штрафов и возможность привлечения к уголовной ответственности могут оказывать существенное давление на бизнес-среду [2, с. 49].

При этом чрезмерная мягкость санкций способна стимулировать недобросовестное поведение. Следовательно, необходим баланс между фискальными интересами государства и защитой прав налогоплательщиков.

Совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере привлечения к юридической ответственности за неуплату налогов и сборов должно носить комплексный характер и быть направлено на устра-

нение правовой неопределённости, повышение предсказуемости правоприменения и обеспечение баланса публичных и частных интересов. Прежде всего, требуется дальнейшее уточнение положений Налоговый кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации в части разграничения налоговой оптимизации и незаконного уклонения от уплаты налогов, а также критериев привлечения к уголовной ответственности. Чёткие и однозначные формулировки позволят снизить риск расширительного толкования норм и обеспечить единый подход в правоприменительной практике.

Важным направлением является обеспечение единообразия судебной практики и формирование устойчивых правовых позиций высших судебных инстанций. Это повысит уровень правовой определённости и доверия со стороны налогоплательщиков. Одновременно необходимо совершенствовать методики расчёта недоимки и ущерба бюджету, что позволит минимизировать споры между налоговыми органами и хозяйствующими субъектами.

Существенную роль играет развитие цифровых инструментов налогового администрирования и профилактическая направленность ответственности. Повышение прозрачности процедур, расширение досудебного урегулирования споров и стимулирование добровольного исполнения налоговой обязанности способствуют снижению конфликтности и укреплению финансовой дисциплины. Реализация указанных мер позволит сформировать более эффективную, справедливую и сбалансированную систему юридической ответственности в сфере налогообложения.

Таким образом, проблемы привлечения к юридической ответственности за неуплату налогов и сборов обусловлены сложностью налогового законодательства, неоднозначностью его толкования и многообразием хозяйственных операций. Эффективность правоприменения зависит от чёткости нормативного регулирования, профессионализма контролирующих органов и соблюдения принципов справедливости и соразмерности. Совершенствование правовой базы и формирование устойчивой судебной практики являются ключевыми условиями повышения эффективности налоговой системы Российской Федерации.

Литература:

1. Кленов, П. Д. Проблемы и перспективы юридической ответственности за неуплату налогов в России / П. Д. Кленов // Актуальные исследования. — 2024. — № 27–2(209). — С. 49–51.
2. Шилехин, К. Е. Признаки административных правонарушений в области налогов и сборов // Административное и муниципальное право. — 2020. — № 1. — С. 46–54.

К вопросу о правовой культуре процессуальных решений прокурора

Тройчук Рита Олеговна, студент магистратуры
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В уголовном процессе все процессуальные решения и действия фиксируются в процессуальных документах. Качество процессуального документа непосредственно зависит от правовой культуры должностного лица, его составляющего. Высокий уровень правовой культуры — залог того, что такое решение не будет обжаловано в вышестоящие инстанции.

В науке уголовного процесса существует дискуссия оносительного значения понятия «правовая культура процессуальных решений прокурора» [7, с. 15]. На наш взгляд, правовая культура процессуальных решений прокурора — это качественный уровень актов, которыми реализуются полномочия прокурора в уголовном процессе при соблюдении требований нормативных правовых актов

к содержанию и сущности решений, их обоснованности, мотивированности, своевременности, справедливости, всесторонности и объективности, а также культура оформления таких актов.

Подтверждением высокого уровня правовой культуры является хорошая организация производства следственного или иного процессуального действия, строгое соблюдение прав участников процесса, объективное и полное отражение хода и содержания этого действия в процессуальных документах.

Проблема правовой культуры участников уголовного судопроизводства в настоящее время является наиболее актуальной. Так, например, вопросы правовой культуры судей раскрываются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4].

Требования же правовой культуры процессуальных решений прокурора диктует Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК России). Например, согласно части 4 статьи 7 УПК России определения прокурора должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Однако не все требования, предъявляемые к процессуальным документам, нашли свое отражения в УПК России. Ряд из них также предусмотрен общими принципами права, подзаконными нормативными правовыми актами и правовой доктриной.

Несоблюдение вышеуказанных требований влечет обжалование решений и, как следствие, замедляет достижение цели уголовного процесса и портит имидж органов прокуратуры среди граждан Российской Федерации. Об этом неоднократно упоминалось в ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека [9]. Согласно его позиции, главная причина нарушений — это несоблюдение должностными лицами правоохранительных органов требований уголовно-процессуального законодательства.

При анализе постановлений прокурора об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела от-

мечается полное отсутствие в них мотивировочной части, использования шаблонных документов, в которых изменяются только установочные данные, отсутствует творческий подход к написанию документов.

Важнейшими требованиями, предъявляемыми к документам, выносимым прокурором несомненно прямо считать:

- наличие официальных реквизитов;
- соблюдение юридической техники;
- юридическая логика;
- четкость формулировок, исключение двойного толкования;
- грамотное оформление.

Напомним, не все из перечисленных требований получили законодательного закрепления и лишь рассматриваются на уровне доктрины уголовного процесса.

Также хотелось бы отметить, что в редакции УПК России от 27.07.2006 действовала глава 57, которая содержала в себе формы бланков процессуальных документов, в том числе и прокурора. Вместе с тем, данная глава утратила силу в 2007 году [3]. На наш же взгляд, 57 главе УПК России необходимо вернуть юридическую силу, поскольку типовые бланки процессуальных документов играют важную правовую роль, а именно:

- с помощью них фиксируются следственные (судебные) действия
- и процессуальные решения;
- доказательства, собранные в ходе производства по делу, соответствуют требованиям, заявленным в УПК России (допустимость);
- делают проще работу участников процесса;
- совершенствуют качество производства по уголовному делу, а также улучшают правовую культуру участников процесса;
- способствуют единообразию документирования процессуальных действий и решений.

Вместе с тем, часть 2 статьи 474 УПК России предусматривает, что процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом. В случае отсутствия бланков процессуальных документов, выполненных типографским, электронным или иным способом, они могут быть написаны от руки. Таким образом, должностные лица вольны выбирать наиболее подходящий для них способ составления процессуальных документов.

Также важной составляющей качества процессуальных документов сотрудников прокуратуры является высокий уровень профессионализма при подборе кадров в органы прокуратуры.

Важно отметить, что в соответствии со статьей 40.1 федерального закона от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокура-

туре Российской Федерации» к сотруднику органов прокуратуры помимо требований к уровню образования, состояния здоровья, гражданства и прочих, предъявляется требование обладать соответствующими профессиональными и моральными качествами.

Безусловно вчерашний выпускник аккредитивного российского вуза обязан четко знать и соблюдать законодательство Российской Федерации, а также придерживаться правил делового этикета, понимать требования порядка обращения со служебной информацией, владеть основами делопроизводства. Помимо прочего, необходимо быть коммуникабельным, уметь управлять коллективом, с пользой проводить рабочее время, давать четкое толкование норм права, грамотно писать служебные документы.

Таким образом, уже на этапе подбора кандидата на службу в органы прокуратуры необходимо изучать его уровень правовой культуры и соответствующие навыки.

На наш взгляд, важно проведение испытательного срока для кандидатов на прохождении службы в органах прокуратуры, который устанавливается не более чем на шесть месяцев. Вместе с тем, за этот период кандидат может проявить все свои моральные и профессионально-деловые качества и доказать, что он действительно достоин служить в органах прокуратуры.

На данном этапе трудоустройства также появляется возможность получить первичные знания работы и перенять опыт от старших коллег.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, правовая культура процессуальных решений прокурора — это соблюдение всех требований законодательства Российской Федерации при составлении таких документов.

Во-вторых, все требования к правовой культуре процессуальных решений прокурора необходимо законодательно закрепить на федеральном уровне.

В-третьих, для улучшения правовой культуры сотрудников прокуратуры необходимо организовать регулярные тренинги и лекции со специалистами в области юриспруденции и русского языка.

В-четвертых, необходимо грамотно подходить к подбору кандидатов на службу в органы прокуратуры, должное внимание уделять уровню их правовой культуры на начальных этапах подбора.

Таким образом, проблема низкой правовой культуры государственных служащих (в том числе и сотрудников органов прокуратуры) в настоящее время является актуальной. Варианты ее решения требуют дальнейшего рассмотрения в области теории и практики.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 05.06.2007 № 87-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
5. Загорский Г. И., Качалов В. И. Процессуальные (судебные) акты в уголовном процессе: учебное пособие. ¼ М.: РАП, 2014.
6. Лебедев В. М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. ¼ М.: «Юрайт-Издат», 2007.
7. Хайруллина Э. А. «К вопросу о правовой культуре процессуальных решений прокурора» // Legal Concept. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-kulture>.
8. Якушева С. Е., Желокhov Н. В. О нравственных началах прокурорской деятельности // Вестник СГЮА. 2020. № 1 (132). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nravstvennyh-nachalah-prokurorskoj-deyatelnosti>.
9. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год // Российская газета. — 2010. — 18 мая (№ 105).

Правовое регулирование бюджетного планирования в условиях внедрения цифровых технологий

Хайрtdинов Ильдар Радикович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Статья посвящена анализу развития правовой регламентации планирования бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в контексте внедрения информационных технологий в публичное управление.

Ключевые слова: бюджет, информационные системы, бюджетное планирование, искусственный интеллект.

Важной составной частью финансовой политики любого публично-правового образования является планирование бюджета. Сущность бюджетного планирования заключается в консолидации части финансовых ресурсов общества и дальнейшем его распределении на различные мероприятия в целях реализации направлений стратегического развития.

Как вид финансового планирования бюджетное планирование имеет своей целью поддержание финансовой стабильности публично-правового образования. У органов публичной власти существует потребность в совершенствовании методов бюджетного планирования. Требуется оперативно прорабатывать множество сценариев для планирования бюджета и качественно анализировать сведения, поступающие из различных источников. В таком случае будет наиболее полно реализовываться принцип достоверности бюджета, закреплённый в статьях 28 и 37 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Переход публичного управления в цифровую среду создаёт новые возможности для совершенствования бюджетного планирования. Ключевым вектором этого перехода является развитие и внедрение информационных систем. Они позволяют автоматизировать сбор документов и информации, а также их дальнейший анализ.

Новые методы бюджетного планирования активно находят своё место на правотворческих стадиях бюджетного процесса. В частности, Правилами составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период, утверждёнными постановлением Правительства Российской Федерации от 24.03.2018 № 326 (далее — Правила составления бюджетов), предусматривается применение информационных систем на ряде этапов планирования бюджета [1].

Важнейшее значение имеет требование размещать в системе «Электронный бюджет» исходные данные для проведения расчётов по распределению дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (подпункт «о» пункта 3 Правил составления бюджетов). Такой подход гарантирует равный доступ региональных органов власти к официальным данным и позволяет проводить сверку информации между Минфином России и исполнительными органами субъектов Российской Федерации.

Применение системы «Электронный бюджет» в данном контексте обеспечивает не только техническую фиксацию данных, но и выполнение фундаментального принципа прозрачности бюджетного процесса. Информация о расчётах, размещённая в цифровой среде, становится обязательным основанием для распределения федеральной поддержки, что исключает возможность субъективных решений и укрепляет доверие регионов к федеральной политике.

Немаловажным стало установление предписания, согласно которому все документы и материалы, используемые при составлении проекта федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов, должны формироваться и представляться в форме электронного документа через систему «Электронный бюджет» (абзац первый пункта 14 Правил составления бюджетов). При этом обязательным условием является использование усиленной квалифицированной электронной подписи уполномоченного лица. Такая норма обеспечивает юридическую значимость цифрового документооборота.

Значительную роль система играет при прогнозировании доходов бюджета. Так, главные администраторы доходов федерального бюджета бюджетов (бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации) обязаны представлять через систему «Электронный бюджет» прогноз поступлений на очередной финансовый год и плановый период, а также расчёты по видам доходов бюджетов (пункт 18 Правил составления бюджетов). Это позволяет формировать единую базу данных о доходах, доступную одновременно Минфину России и Министерству экономического развития Российской Федерации.

Не менее важно и то, что Минфин России обязан размещать в системе «Электронный бюджет» проекты методик расчёта базовых бюджетных ассигнований бюджетов (бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации) по государственным программам Российской Федерации и непрограммным направлениям деятельности (пункт 19 Правил составления бюджетов). Такая цифровая фиксация методики делает её общедоступной для субъектов бюджетного планирования и исключает возможность произвольных трактовок.

В развитие этой нормы субъекты бюджетного планирования и главные распорядители средств федераль-

ного бюджета рассматривают в системе «Электронный бюджет» проект методики расчёта ассигнований и формируют несогласованные вопросы по ней (пункт 19¹ Правил составления бюджетов). Таким образом, цифровая система используется не только как средство фиксации, но и как площадка для согласования позиций.

Функционал системы «Электронный бюджет» охватывает и вопросы распределения ассигнований. Так, субъекты бюджетного планирования с использованием системы «Электронный бюджет» распределяют базовые ассигнования между главными распорядителями средств федерального бюджета и формируют предложения по дополнительным ассигнованиям (пункт 23 Правил составления бюджетов). Также через систему направляются предложения главных администраторов источников финансирования дефицита федерального бюджета источников финансирования дефицита бюджета по распределению по видам источников финансирования дефицита федерального бюджета на очередной финансовый год и плановый период (пункт 24¹ Правил составления бюджетов).

Анализ вышеописанных правовых норм, регулирующих применение системы «Электронный бюджет» при составлении проектов федерального бюджета бюджетов государственных внебюджетных фондов, позволяет заключить, что подобного рода правовые новеллы стали одним из ключевых шагов к цифровизации бюджетного процесса на федеральном уровне. Цифровизация бюджетного планирования выступает инструментом институционального укрепления публичного финансового строя. Системный характер информационного обмена и унифицированность методик расчётов создают условия для объективного распределения денежных ресурсов, а признание юридической силы электронного документооборота в государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» (далее система «Электронный бюджет») даёт значимость новому подходу планирования вышеназванных бюджетов. Таким образом, цифровизация не сводится к техническому инструментарию, а выступает основой нового качества бюджетного планирования, ориентированного на прозрачность, предсказуемость и доверие.

В настоящее время, в рамках модернизации управления программными мероприятиями, осуществляется эксперимент, проводимый в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 07.02.2025 г. № 118 «О пилотной апробации в 2025 году формирования и подписания единых соглашений в целях реализации государственных программ Российской Федерации» [2], по внедрению нового порядка согласования с субъектами Российской Федерации показателей и мероприятий (результатов) государственных программ Российской Федерации и их структурных элементов, чьи значения предопределяют будущие объёмы межбюджетных трансфертов. Предполагается, что данная процедура будет предшествовать непосредственному заключению

соглашений о предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации. При этом существенно упрощается формирование данных соглашений в системе «Электронный бюджет» за счёт автоматизации внесения в них необходимых сведений о мероприятиях (результатах). Однако следует указать, что, на наш взгляд, не должна ограничиваться возможность самостоятельного редактирования значений мероприятий (результатов) при определённых обстоятельствах, а именно в случаях несовпадения данных в проекте соглашений с уже согласованными в силу различных причин. В противном случае, как видится, будет нарушена свобода волеизъявления сторон соглашений, что будет несомненным препятствием для полноценной реализации бюджетных правоотношений.

Ключевым результатом бюджетного цикла 2019–2021 годов стало то, что проект закона о федеральном бюджете был представлен Правительством Российской Федерации в октябре 2018 года в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации в электронном виде, без использования бумажных носителей. Следует отметить, что ещё с 2013 г. разработка законопроекта ведётся в подсистеме «Бюджетное планирование» системы «Электронный бюджет», что обеспечивает прозрачность работы, завершённость всех стадий подготовки и единый формат справочной базы [3, С. 2–8].

Бюджетный цикл 2025–2027 годов отличился ещё более высоким уровнем технологичности: уже в 2024 году Минфин России впервые внедрил искусственный интеллект в данную сферу. Нейросеть, созданная совместно со «Сбером», выполняет задачи по автоматизации сопоставления данных и иных рутинных процедур с точностью свыше 80 %. В частности, она помогает соотносить коды бюджетной классификации, определяющие статьи доходов и расходов федерального бюджета, с закреплёнными за ними результатами. Для реализации проекта Минфин разработал специальную базу данных, на основании которой был обучен специальный AI-агент.

Окладникова И. А., первый заместитель Министра финансов Российской Федерации, считает, что в будущем многие этапы бюджетного процесса могут быть автоматизированы, а отдельные операции полностью переданы искусственному интеллекту [4]. При этом уровень цифровой модернизации данной сферы и эффективность внедрения ИИ напрямую связаны с возможностью стандартизации бюджетных процедур.

В ближайшее время AI-агент, основанный на модели GigaChat, планируется интегрировать в систему «Электронный бюджет» для улучшения качества запросов и их соответствия направлениям и государственным программам. Благодаря применению технологий больших языковых моделей он сможет эффективно обрабатывать изменения в структуре бюджетных статей, предоставлять решения в режиме реального времени, минимизировать количество ошибочных заявок и отказов, а также разгрузить специалистов примерно на 70 % [5].

Примечателен опыт использования субъектами Российской Федерации региональных информационных систем для планирования собственных бюджетов. В некоторых субъектах Российской Федерации, таких как Саратовская область [6] и Нижегородская область [7], цифровизация закреплялась в нормативных правовых актах стратегического характера.

В Саратовской области, согласно постановлению Правительства Саратовской области от 02.12.2021 г. № 1040-П «О государственной информационной системе Саратовской области «Единая система управления региональными финансами Саратовской области» [8], действует программный комплекс «Региональный электронный бюджет. Бюджетное планирование» (Web Планирование). Данное решение предназначено для автоматизации в полном объёме процессов планирования регионального или муниципального бюджета и для оснащения финансовых органов и главных распорядителей бюджетных средств системой управления формированием и ведением реестра расходных обязательств.

В свою очередь в Нижегородской области введена в действие государственная информационная система управления общественными финансами министерства финансов Нижегородской области, в рамках которой действует автоматизированный центр контроля «Планирование бюджета», использование которого регулируется постановлением Правительства Нижегородской области от 06.03.2023 г. № 186 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе управления общественными финансами министерства финансов Нижегородской области» [9]. Указанная информационная система разработана для организации и комплексной автоматизации процессов бюджетного планирования на уровне региона и/или муниципального образования, охватывающих как очередной финансовый год, так и плановый период, в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства. Обеспечивается формирование реестра расходных обязательств, планирование доходной и расходной частей бюджета, проведение анализа и сопоставления различных версий проекта, а также контроль за соответствием параметров бюджета установленным Бюджетным кодексом Российской Федерации соотношениям. Кроме того, система предусматривает возможность внесения изменений в утверждённый бюджет, что делает её полноценным инструментом для повышения эффективности финансового управления на региональном и муниципальном уровнях.

В Ульяновской области внедрение цифровых решений позволило перевести значимый документооборот в цифровую среду. Например, подготовка и ведение сводной

бюджетной росписи и бюджетной росписи главных распорядителей средств областного бюджета (а также главных администраторов источников финансирования его дефицита) осуществляется в Государственной информационной системе Ульяновской области «Централизованная автоматизированная система АЦК «Финансы» [10].

Планирование закупочной деятельности как неотъемлемая составляющая этапа планирования бюджета любого публично-правового образования также проводится в электронном виде. Формирование плана-графика, предусмотренного Законом о закупках, осуществляется в форме электронного документа путём формирования в ЕИС или передачи необходимых сведений в единую информационную систему посредством информационного взаимодействия ЕИС с системой «Электронный бюджет» и региональными и муниципальными информационными системами в сфере закупок.

Таким образом, бюджетное планирование в условиях цифровизации приобретает новое качество, которое выражается в повышении прозрачности, точности и согласованности действий всех участников бюджетного процесса. Интеграция информационных систем в данную сферу позволяет не только ускорить обработку и обмен данными, но и обеспечивает их юридическую значимость. Это ведёт к укреплению доверия между различными уровнями публичной власти, формирует единый подход к расчётам и минимизирует возможность субъективных трактовок.

Внедрение искусственного интеллекта в систему «Электронный бюджет» открывает перспективы дальнейшей автоматизации рутинных процедур и аналитических операций. Такая технологическая трансформация не только снижает нагрузку на специалистов, но и позволяет оперативно адаптировать бюджетное планирование к меняющимся социально-экономическим условиям. При этом особое значение приобретает стандартизация бюджетных процессов, без которой невозможно реализовать потенциал цифровых инструментов в полной мере.

Опыт субъектов Российской Федерации также подтверждает эффективность перехода к цифровому формату планирования. Создание региональных информационных систем и программных комплексов демонстрирует, что цифровизация бюджетного процесса является универсальным инструментом, применимым как на федеральном, так и на местном уровне. В совокупности данные тенденции свидетельствуют о формировании новой модели бюджетного планирования, основанной на принципах прозрачности, предсказуемости и технологичности, которая способна обеспечить устойчивое развитие публичных финансов в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2018 г. № 326 (ред. от 10.07.2025) «Об утверждении Правил составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период и признании утра-

- тившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.03.2018; 11.07.2025.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.02.2025 г. № 118 «О пилотной апробации в 2025 году формирования и подписания единых соглашений в целях реализации государственных программ Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.02.2025.
 3. Омелехина Н. В. Машиночитаемое право в сфере публичных финансов: перспективы и риски / Н. В. Омелехина // Финансовое право. — 2025. — № 4. — С. 2–8.
 4. Минфин впервые использовал ИИ в подготовке бюджета. Текст: электронный // Ассоциация Российских Банков: [сайт]. — URL: https://arb.ru/b2c/digi/minfin_vpervye_ispolzoval_ii_v_podgotovke_byudzheta-10676091/ (дата обращения: 07.09.2025).
 5. Минфин и Сбер будут внедрять искусственный интеллект в бюджетный процесс. — Текст: электронный // Минфин России: [сайт]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39067-minfin_i_sber_budut_vnedryat_iskusstvennyi_intellekt_v_byudzhethnyi_protssess (дата обращения: 07.09.2025).
 6. Постановление Правительства Саратовской области от 30.06.2016 г. № 321-П (ред. от 14.11.2025) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 05.07.2016; 05.08.2025.
 7. Постановление Правительства Нижегородской области от 24.10.2024 г. № 651 «Об утверждении Основных направлений бюджетной и налоговой политики Нижегородской области на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, 25.10.2024.
 8. Постановление Правительства Саратовской области от 02.12.2021 г. № 1040-П (ред. от 12.08.2022) «О государственной информационной системе Саратовской области «Единая система управления региональными финансами Саратовской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.12.2021; 15.08.2022.
 9. Постановление Правительства Нижегородской области от 06.03.2023 г. № 186 (ред. от 09.09.2025) «Об утверждении Положения о государственной информационной системе управления общественными финансами министерства финансов Нижегородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, 07.03.2023; 18.02.2025.
 10. Приказ Минфина Ульяновской области от 03.06.2024 г. № 39-пр «Об утверждении Порядка составления и ведения сводной бюджетной росписи областного бюджета Ульяновской области и бюджетных росписей главных распорядителей средств областного бюджета Ульяновской области (главных администраторов источников финансирования дефицита областного бюджета Ульяновской области)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 11.06.2024

Некоторые проблемы применения электронных доказательств в уголовном процессе

Шаблинская Виктория Юрьевна, студент;

Лукиных Любовь Вадимовна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В рамках данной статьи автором, на основании анализа норм действующего законодательства, трудов ученых и материалов судебной практики исследуются отдельные аспекты, касающиеся проблем применения электронных доказательств в уголовном процессе. По результатам выделения имеющихся проблем формулируются выводы и делаются предложения по устранению указанных проблем.

Ключевые слова: электронные доказательства; уголовный процесс; проблемы применения электронных доказательств; электронные доказательства и судебная практика.

Some problems of application of electronic evidence in criminal proceedings

This article examines selected aspects related to the challenges of applying electronic evidence in criminal proceedings. The study is based on an analysis of current legislation, scholarly works, and judicial practice. Following the identification of existing problems, conclusions are formulated and proposals are made to address the issues identified.

Keywords: *electronic evidence; criminal proceedings; issues in the application of electronic evidence; electronic evidence and judicial practice.*

Актуальность данного исследования определяется тем, что современное общество стремительно переходит в цифровое пространство, где значительная часть коммуникаций, действий и событий оставляет электронные следы. Это обстоятельство напрямую влияет на сферу уголовного судопроизводства, в которой цифровая информация все чаще приобретает доказательственное значение. Сегодня электронные данные нередко становятся ключевым источником сведений об обстоятельствах совершения преступления, однако их использование сопровождается рядом теоретических и практических трудностей. Правоприменительная практика указывает на наличие нерешённых вопросов, связанных с допустимостью и достоверностью электронных доказательств, особенностями их процессуального оформления, проблемами установления источника информации и обеспечением неизменности цифровых данных. Дополнительные сложности обусловлены технической спецификой электронных носителей и отсутствием единообразных подходов к их оценке. В результате возникают риски неоднозначного толкования норм закона и возможного нарушения процессуальных гарантий участников уголовного процесса. В этих условиях особую значимость приобретает научный анализ правовой природы электронных доказательств, выявление существующих проблем их применения и разработка предложений, направленных на совершенствование законодательства и формирование устойчивой правоприменительной практики.

Если мы обратим к юридической литературе, то можем сделать вывод о том, что в период 2023–2026 годов вопросам осмысления электронных доказательств в уголовном процессе занимались многие авторы, среди которых можно выделить: Питашук Е. Е. [1], Замалеву С. В. [2], Яковлеву К. Ю. [3] и других авторов. Проанализировав работы указанных ученых, а также исследовав нормы УПК РФ [4] и материалы судебной практики относящиеся к теме исследования, мы можем сделать ряд нижеизложенных выводов.

Интенсивное развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на доказательственную деятельность в уголовном судопроизводстве, поскольку значительный массив сведений, способных иметь значение для установления обстоятельств конкретного дела, возникает, фиксируется и сохраняется именно в электронной форме, что объективно обуславливает необходимость переоценки сложившихся процессуальных представлений о доказательствах и механизмах их исследования. Обращение к судебной практике позволяет выявить, что использование электронных доказательств в российском уголовном процессе сопровождается рядом проблем, имеющих как теоретическое, так и прикладное измерение, включая вопросы допустимости цифровой информации,

критерии ее достоверности, особенности процессуального исследования, а также специфику последующей судебной оценки.

В указанной связи представляется целесообразным обратить внимание на правовую ситуацию, отраженную в Апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 12 октября 2023 г. по делу № 22–7168/2023 [5], в рамках которого предметом апелляционного рассмотрения являлся оправдательный приговор Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 17 мая 2023 года в отношении Л., привлечавшейся к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 229.1 УК РФ. Особое значение для анализа проблематики электронных доказательств в данном деле приобрели доводы стороны обвинения, указывавшей на предполагаемое нарушение положений ч. 3 ст. 240 УПК РФ, выразившееся, по мнению прокурора, в ссылках суда первой инстанции на документы и материалы, которые фактически не исследовались в судебном заседании, включая процессуальные решения, связанные с результатами оперативно-розыскной деятельности, а также сведения о вещественных доказательствах, представленных в электронной форме.

Проблематика рассматриваемого судебного акта непосредственно связана с содержанием принципа непосредственности исследования доказательств, который в условиях цифровизации доказательственной базы приобретает дополнительную сложность. В отличие от традиционных вещественных доказательств, воспринимаемых судом через их материальные свойства, электронные доказательства представляют собой информацию, зафиксированную в цифровом формате, вследствие чего объектом судебного восприятия становится не столько физический носитель, сколько содержащиеся на нем данные. Подобная специфика неизбежно актуализирует вопросы идентификации источника информации, проверки неизменности ее содержания и оценки целостности структуры цифровых данных. Именно в данном аспекте сторона обвинения фактически ставила под сомнение процессуальную корректность обращения суда с электронными материалами, полагая, что формальное упоминание доказательств при отсутствии их непосредственного исследования образует существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Вместе с тем судебная коллегия Свердловского областного суда, изменяя приговор лишь в части уточнения отдельных формулировок и признавая за Л. право на реабилитацию на основании ст. 134 УПК РФ, не усмотрела оснований для отмены оправдательного решения, мотивировав свою позицию отсутствием нарушений, способных повлиять на выводы суда о невиновности оправданной. Подобная аргументация апелляционной инстанции демонстрирует характерный для современной правоприменительной практики подход к оценке доказательств.

менительной практики подход, при котором оценка процессуальных дефектов, в том числе связанных с исследованием электронных доказательств, осуществляется прежде всего с точки зрения их влияния на законность и обоснованность судебного решения, а не исключительно через формальное сопоставление с требованиями процессуальной формы.

Однако указанная позиция неизбежно порождает дискуссию относительно критериев существенности нарушений, возникающих при обращении с электронными доказательствами. Если применительно к традиционным доказательствам судебной практикой выработаны относительно устойчивые ориентиры оценки процессуальных отклонений, то в сфере цифровых данных сохраняется определенная неопределенность, обусловленная отсутствием детально регламентированных процедур их исследования в судебном заседании. Подобная ситуация создает предпосылки для различного толкования судами сходных процессуальных обстоятельств, что в конечном счете свидетельствует о необходимости стандартизации процессуальной формы обращения с электронными доказательствами, включая порядок демонстрации цифровой информации, способы фиксации результатов исследования и методы проверки достоверности соответствующих данных.

Сопоставимые проблемы, хотя и в несколько ином контексте, прослеживаются при анализе Апелляционного определения Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 15 августа 2024 г. по делу № 10–14552/24 [6], которым был оставлен без изменения приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 23 января 2024 года в отношении Ш., осужденного по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Особое внимание в данном деле заслуживает позиция суда апелляционной инстанции относительно ошибок в описательно-мотивировочной части приговора, включая указание фамилий лиц, не связанных с рассматриваемым уголовным делом, которые были квалифицированы как несущественные.

Несмотря на то, что указанные неточности формально не относятся непосредственно к электронным доказательствам, их анализ позволяет выявить более общую проблему судебной аргументации в условиях работы с цифровой доказательственной базой, значительная часть которой в делах о мошенничестве формируется за счет электронных данных, включая переписку, сведения о финансовых операциях, информацию с электронных устройств и сетевых ресурсов. Наличие технических ошибок в судебных актах нередко отражает объективные сложности, возникающие при процессуальном описании значительных массивов цифровой информации, требующих повышенной точности формулировок и аккуратности юридической аргументации.

В условиях, когда электронные доказательства зачастую представляют собой сложные информационные комплексы, включающие значительные объемы сведений, вероятность некорректного воспроизведения или интер-

претации таких данных в тексте судебного решения объективно возрастает. Признание подобных ошибок несущественными способствует обеспечению стабильности судебных актов, однако одновременно актуализирует проблему качества судебной аргументации, поскольку даже формальные неточности способны вызывать сомнения в полноте и корректности анализа доказательств, особенно если речь идет о цифровой информации, требующей высокой степени детализации.

Особый интерес в контексте рассматриваемой проблематики представляет Приговор Ленинградского областного суда от 14 октября 2022 г. по делу № 2–3/2022 [7], в котором значительный объем доказательственного материала был представлен в виде электронных носителей и цифровых устройств, включая мобильный телефон и информацию, зафиксированную на оптическом диске. Указанный судебный акт иллюстрирует характерную для современной практики тенденцию, при которой электронные устройства выступают не только как носители доказательственной информации, но и как самостоятельные объекты процессуального исследования.

Проблематика обращения с подобными доказательствами связана прежде всего с необходимостью обеспечения неизменности цифровых данных, поскольку любое вмешательство в структуру электронного носителя потенциально способно повлечь утрату доказательственного значения информации. Вопросы процессуальной фиксации, хранения, копирования и исследования электронных устройств до настоящего времени остаются недостаточно конкретизированными на уровне детальных процессуальных регламентов, что объективно создает предпосылки для возникновения споров относительно допустимости соответствующих доказательств.

Дополнительную сложность представляет оценка достоверности электронных доказательств, поскольку цифровая информация, в отличие от материальных объектов, характеризуется высокой степенью воспроизводимости и потенциальной изменчивости. Суд, оценивая подобные доказательства, в значительной степени вынужден опираться на заключения специалистов и экспертов, что закономерно усиливает роль специальных знаний в доказательственном процессе. При этом отсутствие единообразных методик экспертного исследования цифровых данных способно обуславливать неоднозначность судебных выводов и различия в оценке сходных доказательственных ситуаций.

Таким образом, анализ обозначенных судебных решений позволяет сделать вывод о том, что ключевые проблемы применения электронных доказательств в уголовном процессе обусловлены недостаточной определенностью процессуальной формы их исследования, сложностью проверки достоверности цифровой информации, а также возрастающими требованиями к точности судебной аргументации. Электронные доказательства, являясь объективной составляющей современной доказа-

тельственной деятельности, требуют дальнейшего нормативного и доктринального осмысления, направленного на формирование устойчивых и единообразных процессуальных стандартов обращения с цифровыми данными. В данной связи особое значение приобретает развитие судебной практики, поскольку именно в процессе правоприменительной деятельности формируются критерии оценки допустимости и достоверности электронных до-

казательств. Вместе с тем устойчивость и предсказуемость судебных решений в рассматриваемой сфере находятся в прямой зависимости от степени нормативной регламентации соответствующих процессуальных процедур, что обуславливает необходимость последовательного совершенствования уголовно-процессуального законодательства с учетом продолжающейся цифровой трансформации доказательственной деятельности.

Литература:

1. Пяташук Е. Е. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном процессе // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 4(92). С. 101.
2. Замалева С. В. Проблемы и особенности использования электронных доказательств в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство в эпоху цифровизации: современное состояние и перспективы развития (к 65-летию со дня рождения профессора А. С. Бахты): Материалы всероссийского круглого стола, Хабаровск, 01 ноября 2024 года. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шиловой, 2025. С. 55.
3. Яковлева К. Ю. Получение доказательств в электронной форме в уголовном процессе // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2025. № 2. С. 59.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 12 октября 2023 г. по делу № 22-7168/2023 // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 17.02.2026.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 15 августа 2024 г. по делу № 10-14552/24 // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 17.02.2026.
7. Приговор Ленинградского областного суда от 14 октября 2022 г. по делу № 2-3/2022 // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 17.02.2026.

Ответственность сторон при экстренной посадке воздушных судов

Шишменцев Никита Юрьевич, курсант

Научный руководитель: Федорова Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, преподаватель
Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева

В транспортной системе России воздушный транспорт играет ключевую роль в обеспечении мобильности населения и логистики, осуществляя перевозку грузов, пассажиров, багажа и почты. Несмотря на то, что по статистике воздушный транспорт признается самым безопасным видом транспорта (риск авиакатастрофы с летальным исходом составляет в среднем 1 к 8 миллионам вылетов), авиационные происшествия и инциденты продолжают случаться. Особое место в правоприменительной практике занимают вопросы ответственности за последствия экстренных посадок, которые нередко происходят вне аэродромов. В данной статье проводится комплексный анализ ответственности сторон при двух громких инцидентах с воздушными судами Airbus в России: посадке A321 на кукурузное поле в Раменском (2019 г.) и посадке A320 на пшеничное поле под Новосибирском (2023 г.). Целью работы является выявление пробелов в законодательстве и определение степени виновности участников авиационных происшествий.

Ключевые слова: экстренная посадка, авиационная безопасность, ответственность экипажа, «Уральские авиалинии», МАК, орнитологическая безопасность, гражданская авиация.

Экстренная или вынужденная посадка воздушного судна — это критический этап полета, вызванный обстоятельствами, делающими дальнейшее продолжение полета невозможным или опасным. К таким обстоятельствам относятся: пожар на борту, отказ всех или части двигателей, разгерметизация (декомпрессия), резкое ухудшение состояния здоровья членов экипажа или пас-

сажиров, акты незаконного вмешательства (угон), а также столкновение с птицами. Каждый такой случай требует тщательного расследования для определения причин и распределения ответственности.

В данной статье подробно рассмотрены два знаковых для отечественной авиации инцидента, произошедших с интервалом в четыре года.

1. Анализ экстренной посадки Airbus A321 в Раменском (15 августа 2019 года)

Инцидент с самолетом авиакомпании «Уральские авиалинии», следовавшим рейсом U6178 из Москвы (Жуковский) в Симферополь, произошел сразу после взлета. Причиной стало попадание стаи чаек в оба двигателя, что привело к их отказу и потере тяги. Экипаж принял решение совершить экстренную посадку прямо перед собой, на кукурузном поле вблизи аэродрома вылета. Благодаря слаженным, хотя и неидеальным с технической точки зрения, действиям пилотов, никто из 233 человек (226 пассажиров и 7 членов экипажа) серьезно не пострадал.

Однако, согласно окончательному отчету Межгосударственного авиационного комитета (МАК), оценка действий экипажа не столь однозначна. В отчете подчеркивается, что с самого начала развития особой ситуации действия экипажа, в первую очередь командира воздушного судна (КВС), были «дезорганизованы, непоследовательны и хаотичны». Командир частично потерял работоспособность в психологическом плане, что привело к тому, что он смог реализовать только автоматизированные и хорошо натренированные навыки. Сложившаяся ситуация превысила психоэмоциональные возможности членов экипажа, хотя и не вызвала у них психологического ступора. Фактически, на начальном этапе летчики не выполнили ни одно из положенных по инструкции действий: не убрали шасси (что увеличило риск капотирования при посадке на грунт), продолжали давить на педали при включенном автопилоте, препятствуя его работе, и дали неполный доклад диспетчеру. Экипаж начинал, но не заканчивал действия, которые не были первоочередными в данной ситуации.

Несмотря на выявленные недостатки в действиях пилотов, их профессионализм и самообладание в конечном итоге позволили избежать катастрофы. Авиакомпания «Уральские авиалинии» не только не понесла значительных убытков, но и получила волну положительных отзывов и наград за высокий уровень подготовки пилотов. К административной или гражданско-правовой ответственности за сам инцидент авиакомпания привлечена не была. Однако расследование МАК выявило серьезные нарушения в организации труда пилотов: в авиакомпании не соблюдался график отпусков, и у КВС накопилась задолженность по отдыху в размере 96 дней. В условиях интенсивных полетов вне базы это могло привести к накоплению хронической усталости, снижению работоспособности и стрессоустойчивости, что является нарушением трудового законодательства (ст. 237 ТК РФ) и может подпадать под административную ответственность по ст. 5.27 КоАП РФ.

Что касается производителя самолета, компания Airbus не привлекалась к ответственности. Тем не менее, МАК в своем отчете предложил европейскому производителю рассмотреть альтернативную возможность прекращения взлета после достижения скорости принятия решения

V1, особенно на длинных взлетно-посадочных полосах (ВПП), аргументируя это тем, что выкатывание за пределы ВПП может иметь менее катастрофические последствия, чем столкновение с препятствиями или посадка вне аэродрома. Производитель не согласился с этим предложением, сославшись на сертифицированную возможность самолета продолжать взлет с одним отказавшим двигателем.

Отдельного внимания заслуживает ответственность аэродрома Жуковский (Раменское). Территория вокруг него является сложной с орнитологической точки зрения. В радиусе менее 8 км от аэродрома находятся водоемы, мусорные полигоны и свалки, которые являются кормовой базой и местами массового скопления птиц. Это прямое нарушение требований Федеральных авиационных правил (ФАП-128, п. 8.24, 8.26), предписывающих принятие мер по предотвращению скопления птиц в районе аэродрома (радиус 15 км). Неоднократные жалобы пользователей аэродрома и перевозчиков в прокуратуру по поводу антисанитарного состояния прилегающих территорий оставались без внимания, что свидетельствует о бездействии как со стороны администрации аэродрома, так и со стороны местных властей. Оборудование для отпугивания птиц было исправно, но использовалось не надлежащим образом или было недостаточно эффективным против крупных стай.

2. Анализ экстренной посадки Airbus A320 под Новосибирском (12 сентября 2023 года)

Второй инцидент с самолетом той же авиакомпании «Уральские авиалинии» произошел при иных обстоятельствах и получил иную оценку со стороны регуляторов. Рейс U6-1383 Сочи — Омск выполнял посадку в аэропорту назначения, когда произошел отказ одной из трех гидравлических систем. Согласно руководству по летной эксплуатации (РЛЭ), отказ гидросистемы не является критической ситуацией, и экипаж мог безопасно выполнить посадку в Омске. Однако пилоты, действуя по инструкции для данной неисправности, выпустили шасси с использованием резервной гидросистемы, чтобы подготовиться к немедленной посадке. После этого убрать шасси обратно стало технически невозможно, что резко увеличило лобовое сопротивление и расход топлива.

Далее экипаж принял решение уходить на запасной аэродром в Новосибирск (Толмачёво), не сумев корректно рассчитать остаток топлива с учетом выпущенных шасси. На подлете к Новосибирску топливо закончилось, и командир принял единственно верное в этой ситуации решение — совершить посадку на подвернувшееся пшеничное поле. Никто из 167 человек не пострадал.

Росавиация и МАП (Межгосударственный авиационный комитет) дали жесткую оценку действиям экипажа, квалифицировав этот случай как «серьезный авиационный инцидент», вызванный ошибками пилотирования и принятия решений. В ведомстве указали на «недопу-

стимо низкий уровень подготовки» и «безрассудство» пилотов. В отличие от первого инцидента, здесь экипаж имел возможность посадить исправный самолет в Омске, но создал аварийную ситуацию своими действиями. После посадки Росавиация выпустила директиву, требующую от руководства всех авиакомпаний провести дополнительный инструктаж и обязать пилотов неукоснительно соблюдать инструкции по расчету остатка топлива и при-

нимать решение об уходе на запасной аэродром только при наличии его гарантированного остатка.

3. Правовая квалификация и ответственность сторон

Сравнительный анализ двух инцидентов позволяет сделать вывод о различной степени ответственности сторон, что отражено в таблице.

Таблица 1. Возможная ответственность сторон за инциденты

Стороны/ВС	A321 (2019 г.)	A320 (2023 г.)
Экипаж	Формально подпадает под ст. 263 УК РФ (Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта), однако уголовное дело не возбуждалось ввиду отсутствия тяжких последствий и признания действий экипажа, хоть и ошибочных, но направленных на спасение людей	Ст. 263 УК РФ. Действия экипажа привели к созданию аварийной ситуации. Хотя пострадавших нет, сам факт грубого нарушения правил безопасности мог стать основанием для более тщательной проверки на предмет состава преступления. Решается вопрос о дисквалификации пилотов
Авиакомпания (как юр. лицо/должностное лицо)	Ответственность за нарушения режима труда и отдыха пилотов: Ст. 5.27 КоАП РФ (Нарушение трудового законодательства) и Ст. 237 ТК РФ (Материальная ответственность работодателя за моральный вред). Косвенная вина в снижении стрессоустойчивости экипажа	Ответственность за недостаточный уровень подготовки экипажа: Возможные административные санкции за ненадлежащее обеспечение безопасности полетов (ст. 11.5 КоАП РФ). Введение внеплановых проверок со стороны Росавиации
Аэродром	Нарушение орнитологической безопасности: ФАП-128 (п. 8.24, 8.26), ст. 47 Воздушного кодекса РФ (Требования к аэродромам). Бездействие должностных лиц по жалобам может подпадать под ст. 293 УК РФ (Халатность), однако реального привлечения к ответственности не последовало	Не привлекался, так как инцидент произошёл вне зоны ответственности аэродромов вылета и назначения
Производитель	Не привлекался. Отказ от пересмотра политики прекращения взлета после V1 на основе рекомендаций МАК, сославшись на сертификационные нормы	Не привлекался. Отказ гидросистемы признан штатной ситуацией, не являющейся конструктивным недостатком

Заключение

Проведенный анализ показывает, что институт ответственности в гражданской авиации является сложным и многоуровневым. В случае с посадкой A321 в 2019 году, несмотря на технические ошибки экипажа и нарушения со стороны аэродромных служб, общественный резонанс и успешный исход дела фактически нивелировали юридические последствия для всех сторон, кроме моральных. В инциденте 2023 года регуляторы заняли более жесткую позицию, указав на недопустимость создания аварийной ситуации из-за ошибок в принятии решений.

Оба случая высвечивают системные проблемы: нарушение режима труда пилотов (хроническая усталость), недостаточная орнитологическая защита аэродромов и пробелы в подготовке экипажей к нестандартным ситуациям, требующим нестандартного расчета рисков. Действующее законодательство (УК РФ, КоАП РФ, ВК РФ) предоставляет инструменты для привлечения к ответственности, однако на практике их применение зависит от наличия тяжких последствий и усмотрения следственных органов. Для повышения уровня безопасности полетов необходимо не только ужесточение контроля, но и совершенствование корпоративной культуры безопасности в авиакомпаниях и службах аэропортов.

Литература:

1. Багалеи, Н. Р. Орнитологическая безопасность: проблемы и решения / Н. Р. Багалеи // Интерфакс-Центр. — 2020. — Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/center/view/ornitologicheskaya-nebezopasnost> (дата обращения: 10.02.2026).

2. Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024). — Ст. 47, 95.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.10.2024). — Ст. 5.27, 11.5.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024). — Ст. 263, 293.
5. Окончательный отчет по результатам расследования авиационного происшествия (A321, RA-73853): Межгосударственный авиационный комитет. — Документ зарегистрирован № ВХ-2691/СЯМТУ от 17.08.2022.
6. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024). — Ст. 237.
7. Приказ Минтранса России от 25.09.2015 N 286 (ред. от 27.12.2021) «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к операторам аэродромов гражданской авиации. Форма и порядок выдачи документа, подтверждающего соответствие операторов аэродромов гражданской авиации требованиям федеральных авиационных правил» (ФАП-128).
8. Росавиация потребовала от пилотов выполнять инструкции после посадки A320 в поле // Forbes.ru. — 2023. — URL: <https://www.forbes.ru/biznes/497305-rosaviacia-potrebovala-ot-pilotov-vypolnat-instrukcii-posle-posadki-a320-v-pole> (дата обращения: 12.02.2026).

ИСТОРИЯ

Становление изб-читален в Ставропольском крае в 1920–1930 годы

Яковенко Ольга Михайловна, студент
Ставропольский краевой колледж искусств

История библиотековедения как науки в Российской Федерации складывается в том числе из истории и традиций библиотечного дела отдельных регионов и территорий России.

Ключевые слова: библиотека, изба-читальня, образование, просвещение, читатели, Ставропольский край.

Актуальность работы. После окончания Гражданской войны советское государство испытывало значительные экономические и политические трудности. Для преодоления кризиса весной 1921 года была принята новая экономическая политика с идеей «нового человека». Серьезным препятствием для становления этой системы стал значительный процент малограмотного и неграмотного населения — особенно в сельской местности. Донести до людей суть новых идей и обеспечить лояльность граждан молодой страны должны были социокультурные учреждения — школы, курсы и кружки по ликвидации неграмотности, а также библиотеки и избы-читальни. В данной статье рассмотрим деятельность последних в Ставропольском крае в 20–30-е годы и проблемы, с которыми сталкивались их создатели и сотрудники.

Для пропагандистской и просветительской работы со взрослым населением в 1920 году в РСФСР создали Главное политико-просветительное управление (Главполитпросвет). Чтобы эффективно доносить информацию до жителей государства развивалась сеть просветительских учреждений. Как пишут в своей статье Т. А. Булыгина и Н. В. Романова, на Ставрополье в нее были включены избы-читальни, Дома крестьянина, библиотеки-передвижки, красные уголки, клубы, библиотеки, пункты ликвидации неграмотности, школы малограмотных и другие [1, с. 19–28].

И если, по данным историков, школы в сельской местности были переполнены, то с библиотеками ситуация была во многом непростой: недоставало финансирования, кадров, подходящих для хранения книг помещений. Проблемы активно обсуждались на I Всероссийском съезде библиотечных работников в 1920 году [15, с. 88]. Но повсеместное открытие библиотек было невозможно в текущем материальном положении страны, поэтому было принято решение о восстановлении изб-читален, содержание которых обходилось дешевле. И даже при этом

государство содержало их вместе с населением: «... избы-читальни часто содержатся на средства, отчисленные самими крестьянами, а частично на средства государства, на непосредственные нужды и содержание изб-читален средства дают сами крестьяне» [6].

Отправными документами для начала работы по развитию изб-читален стали два нормативно-правовых акта. В марте 1919 года VIII съезд РКП(б) вынес резолюцию «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне». В ней говорилось о том, что политическую пропаганду нужно вести среди всего населения: как грамотного, так и для неграмотного. [17, с. 142].

26 декабря того же года Совет Народных Комиссаров одобрил декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» [9, с. 377], а 3 ноября 1920 года был принят декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР» [5, с. 159–164]. В 1920 году на Ставрополье была получена инструкция для работы изб-читален. В ней говорилось, что избы-читальни должны получать книги и газеты и обеспечивать их доступность населению. Сотрудники должны были проводить собеседования, чтения и лекции, могли организовать школу грамотности, кружок самообразования. [6]. В 1922 году был опубликован циркуляр ЦК РКП (б) «О восстановлении изб-читален» [19, с. 219].

Изба-читальня по набору функций была чем-то между библиотекой, школой и пунктом ликвидации неграмотности. Она была местом деятельности комсомола в селе и привлечения к нему добровольцев. В 1920 году в Ставропольской губернии было 120 изб-читален [17, с. 178]. Для сравнения, библиотек было всего 109, это показывает, что избы-читальни находились в большем приоритете. Уже в 1922 году открылись еще 94 избы-читальни и 66 библиотек [12]. Основными видами литературы, которые поставляли в избы-читальни Ставрополья, стали сельскохозяйственная и пропагандистская. Причиной по-

пулярности первого вида стала аграрная направленность региона.

«Избачи» проводили большую работу, в которую входила и выдача справок, что было особенно востребовано среди сельского населения. Самыми популярными темами запросов оказались юридические и судебные справки. Примером может служить изба-читальня в Курсавке, в которой за месяц выдали 250 справок [11, с. 15–21]. Среди интересных форм работы были походы, прогулки, массовые чтения, кинопоказы, театральные постановки.

Для повышения квалификации и переподготовки сотрудников с 1921 года проводились курсы и кружки для библиотекарей. На них изучалось библиотечное дело, общеобразовательные предметы и текущая политическая ситуация [2, с. 57–63]. Проводились проверки изб-читален, которые показали, что лучше всего работа шла в селах Константиновское и Шведино. Причиной тому послужила поддержка шефов из месткома окружного исполкома: они помогали избам-читальням материально, снабжали кадрами, выписывали газеты [7].

Но, вместе с этим, у изб-читален было много проблем, большинство которых связаны с тяжелым материальным положением в стране. Так, в 1922 году на заседании Ставропольского губисполкома было принято решение уменьшить количество изб-читален и сократить расходы на них до 2 миллиардов [3, с. 31–36]. Исторические документы свидетельствуют, что в селе Грачевском изба-читальня пребывала в ужасном состоянии: не было столов и скамеек, окна были разбиты и само здание было полуразрушенным. Конечно, это не привлекало в нее читателей [15, с. 19]. В подобном состоянии находилась значительная часть изб-читален региона.

По состоянию на 1924–1925 годы социокультурные учреждения испытывали нехватку персонала из-за низких зарплат и задержек с их выплатами. «...за указанное время из 140 штатных работников изб-читален в округе числилось 125 человек, работников клубов из 38 работали 14, в библиотеках из 70 штата — 59. Еще плачевнее была картина ликвидации неграмотности. К примеру, в пунктах ликвидации неграмотности работали 248 человек вместо 464 по штату» [1, с.19–28]. Не хватало также средств на комплектование изб-читален книгами. Малограмотность и незаинтересованность населения также не облегчали работу избачей. Положение начало несколько выравни-

ваться к началу 1930-х годов. Появилась возможность закупить мебель для изб-читален, отремонтировать помещения, приобрести литературу.

Укрепление материального положения СССР усилило и значимость библиотек и изб-читален в деле просвещения населения. Примером может служить работа библиотекаря Третьяковой из села Нагутского, которая общалась отдельно с каждым читателем и подбирала литературу лично для него, опираясь на его жизненный опыт, род занятий [13].

Вместе с тем в стране усиливались цензура и идеологическое давление. Книжные фонды подверглись значительным чисткам, которые проводились, в частности, на основании постановления ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы» [16]. Например, для удаления неуместной литературы — зарубежной и устаревшей — проводились месячники смотра библиотек. Так, изымались сочинения: Луи Буссенара, Майн Рида, Конан Дойла, Фенимора Купера. Но такая литература хранилась в учебных библиотеках и в библиотеке музея им. Пявелева и пользовалась большим спросом у молодежи 15–20 лет [10].

К концу 1930-х годов к формам работы библиотек и изб-читален добавилось важное направление работы — оборонное. Для граждан проводились мероприятия, которые должны были знакомить население с обстановкой в мире и рассказать о возможной военной угрозе [3, с.35]. При том, что в отдельных территориях губернии все еще наблюдалась нехватка изб-читален — так, в 1930 году Солдатско-Александровский район имел только два таких учреждения, одно из которых закрыли в связи с отсутствием сотрудников [4], а в Спицевском районе из шести таких изб работало три — в целом в регионе можно отметить рост их численности. Если в 1925 году в округе их было всего 132, то уже в 1939–479 [5].

Итак, резюмируя сказанное выше, важно отметить, что избы-читальни были важной частью политической работы с людьми на селе. Они помогали бороться с неграмотностью, просвещать крестьян, снабжать их информацией. В этом плане перед избачами, как и перед библиотекарями, ставились далеко идущие планы. Государство старалось предоставить материальную поддержку избам-читальням, помочь с кадрами, но из-за продолжительного голода и послевоенной разрухи в стране воплотить все задуманные идеи не удалось.

Литература:

1. Булыгина Т. А., Романова Н. В. Попытка реализации проекта «новый советский человек» в контексте региональных потребностей. На материале политпросвета Ставропольского округа в 1924–1925 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. — 2023. Т. 10 (1). -С. 19–28.
2. Головина Э. Т. Библиотечное дело в политике местных властей Ставрополья в 1920-е годы // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. Северо-Кавказский федеральный университет. — Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ).- 2014. — №. 3. — С. 57 -63.
3. Головина Э. Т. Особенности функционирования изб-читален на Ставрополье в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь: Издательство: Северо-Кавказский федеральный университет.- 2015. -№ 4. -С. 31–36.

4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф.1. Оп.1 Д. 347. Коробка 43, л. 44
5. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф.1. Оп. 1.Д. 465., л. 28
6. Государственный архив Ставропольского края. Ф 1026. Оп. 1. Д. 8.
7. Государственный архив Ставропольского края. ФР.299 Оп.1. Д. 357, л. 415.
8. Декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР» // Декреты Советской власти. Том XI. Октябрь-ноябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1983. С.159–164.
9. Декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди РСФСР» от 26 декабря 1919 // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 год. М.: Педагогика, 1974. С.377
10. Изъять завалы и старье // Власть советов.- 1931. -№ 92.1 августа.
11. Кильмизев Г. Партизанская работа на селе (по Курсавскому району) // Ставрополье. -1925. -№ 2–3.- С. 15–21.
12. Край наш Ставрополье: Очерки истории / [Ред. комис.: Черногоров А. Л. и др.]. — Ставрополь: Шат-Гора, 1999. — 525 с.
13. Мал золотник, да дорог // Северо-Кавказский большевик. 1935. 25 мая. № 121.
14. Масяйкина Е. А. Материалы Всесоюзной библиотечной переписи 1934 года как источник изучения сельских библиотек // Культурология и искусствоведение. -2011.- № 4. -С. 87–97.
15. На местах // Ставрополье.- 1925.- № 10. -С. 17–26.
16. Об улучшении библиотечной работы: постановление ЦК ВКП(б) от 30 октября 1929 года // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. За 1917–1947 гг. М.: АПН РСФСР, 1947. 16, с. 166–167
17. Резолюция VIII съезда РКП (б) «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 год. М.: Педагогика, 1974. -244 с.

ПСИХОЛОГИЯ

Направления и методы работы педагога-психолога с подростками по улучшению межличностных отношений в условиях школьного буллинга

Антипенко Валентина Владимировна, слушатель
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (Беларусь)

Термин «психологическая коррекция» происходит от французского *correkif* (поправка, частичное изменение) и латинского *correctus* (выправленный). Он отражает целенаправленную практическую деятельность в области психологии. Под психологической коррекцией понимается система мер, ориентированных на преодоление психологических трудностей, нарушений или нежелательных форм поведения путем применения специальных методов воздействия [1, с. 3].

За умышленное причинение вреда здоровью, порчу имущества, оскорбления или унижение достоинства человека законодательством предусмотрена административная или уголовная ответственность. Так, согласно статье 10.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, может повлечь штраф до тридцати базовых величин. Распространение заведомо ложных сведений, порочащих другое лицо (клевета), в публичном выступлении или через интернет, а также клевета с обвинением в тяжком преступлении, подпадает под статью 188 Уголовного кодекса Республики Беларусь. За эти действия предусмотрены санкции в виде штрафа, исправительных работ сроком до двух лет, ареста, ограничения или лишения свободы на срок до трех лет [2].

По ряду статей Уголовного и Административного кодексов ответственность наступает с 14 лет. За действия подростков, не достигших этого возраста, отвечают их родители. Кроме того, с подростком-нарушителем в течение года сотрудниками милиции и специалистами учебного заведения проводится индивидуальная профилактическая работа.

Методические рекомендации для педагогов по предупреждению и преодолению насилия в образовательных учреждениях включают ряд организационно-управленческих мер. Среди них — внесение дополнений в Устав учреждения, разработка локальных документов (приказов руководителя, решений педагогических советов, дополнений к должностным инструкциям) с назначением от-

ветственных лиц за профилактику, выявление и реагирование на случаи насилия.

Устав учреждения должен быть дополнен положениями о недопустимости насилия во взаимоотношениях всех участников образовательного процесса. С его содержанием обязаны ознакомиться все работники, учащиеся и их родители. Правила внутреннего распорядка для обучающихся должны включать: требования к соблюдению норм безопасности и взаимодействия на уроках, переменах, внеурочных мероприятиях, в различных помещениях школы (коридорах, столовой, спортзале и др.), а также на экскурсиях; механизм информирования о реальных или предполагаемых случаях насилия; информацию о педагогах, которые могут оказать помощь в разрешении конфликтов. С этими правилами необходимо ознакомить учащихся, родителей и сотрудников. Рекомендуется разрабатывать такие правила совместно с учащимися. В каждом классе полезно обсуждать: основные проблемы с дисциплиной и поведением; допустимые воспитательные меры со стороны учителей и администрации; действия, которые могут помочь избежать конфликтов и разрешать их ненасильственно; дисциплинарные и психолого-педагогические меры в отношении нарушителей правил и тех, кто допускает насилие. Совместная работа над правилами способствует формированию чувства ответственности и причастности к общим договоренностям [3].

Работа с проблемой буллинга в образовательной среде должна опираться на ряд ключевых принципов. Первым из них является конфиденциальность. Специалисты, работающие с ситуацией травли, обязаны гарантировать неразглашение информации всем ее участникам — жертве, агрессору и свидетелям. Это способствует увеличению числа обращений за помощью, так как повышает доверие детей к взрослым. Вторым принцип — этапность работы. Она включает последовательное изучение ситуации, подготовительные мероприятия внутри коллектива, получение согласия участников на вмешательство, разработку программы помощи, ее реализацию и последующую

оценку эффективности. Третий принцип предполагает отказ от поиска виновных среди взрослых, то есть от обвинения педагогов в допущении случаев буллинга, что позволяет перейти к конструктивному решению проблемы.

Четвертым принципом выступает категорический запрет на любое насилие в учреждении под лозунгом «Скажи насилию нет!». Важно донести мысль, что любое насилие несправедливо и его можно остановить, своевременно вмешавшись. Пятый принцип — комплексность. Он требует учета всех аспектов ситуации и привлечения к работе разных сотрудников (педагогов, психологов, социальных работников, администрации). Шестой принцип — индивидуальный подход к каждому конкретному случаю, так как ситуации травли уникальны. Наконец, седьмой принцип заключается в смещении акцента с наказания обидчиков на их реабилитацию и восстановление. При этом особого внимания требуют случаи, где действия агрессора создают угрозу жизни и здоровью других или являются нарушением закона.

Технология реагирования на выявленные факты буллинга начинается с того, что любой специалист (педагог, психолог, воспитатель), установивший факт или подозревающий наличие травли, обязан письменно сообщить об этом администрации учреждения по установленной форме. Администрация совместно с психологической службой оценивает срочность реагирования. Для подтверждения ситуации буллинга и анализа ее последствий необходим сбор информации от самой жертвы, возможных участников издевательств и свидетелей, а также проведение клинично-психологического обследования. Тщательный анализ собранных данных должен прояснить факт наличия травли, ее длительность, характер (физический, психологический, смешанный), конкретные проявления, круг участников, их мотивацию, позицию свидетелей, поведение жертвы и динамику событий. Эту информацию необходимо сопоставить с анамнезом жизни пострадавшего, учитывая любой предшествующий негативный опыт, в том числе случаи насилия в семье или других коллективах. При этом важно учитывать возможность оговора, ложной интерпретации событий ребенком или его нежелания обсуждать травму.

Для специалистов, впервые столкнувшихся с травлей в детской среде, предлагается определенный алгоритм действий. Сначала необходимо оценить всю поступившую информацию, отделив факты от интерпретаций и эмоций, проанализировать ее, составить резюме и наметить план действий. Далее следует обсудить с коллегами и администрацией программу помощи и профилактики. Важно сформировать постоянную междисциплинарную команду (психолог, педагоги, социальный педагог), которая будет владеть полной информацией по делу. В случаях правонарушений необходимо подключить правоохранительные органы, а при подозрении на психические или наркологические проблемы — соответствующих специалистов. Следует быть готовым к возможному давлению со стороны администрации, желающей скрыть проблему, и преодолеть

такие барьеры, опираясь на законодательство. Необходимо понимать, что пострадавшие дети из-за страха могут стремиться замаять ситуацию; их нужно грамотно поддерживать. Требуется принять экстренные меры по защите жертвы от дальнейшей агрессии, но при этом руководствоваться принципом реабилитации обидчиков для предотвращения повторения инцидентов. Особое внимание следует уделять воспитанникам детских домов, которые в силу низкой успеваемости, проблемного поведения и недостаточной социализации более уязвимы и могут выступать как в роли жертвы, так и агрессора. В реабилитационном плане для них важно делать акцент на развитии навыков коммуникации и контроля над эмоциями. В своей работе специалисты могут опираться на рекомендуемую методическую литературу по проблеме буллинга.

Алгоритм работы с жертвами и обидчиками включает несколько этапов. Первый — проведение индивидуальной беседы с каждым пострадавшим ребенком, которую рекомендуется фиксировать. В интервью следует использовать открытые вопросы, давать возможность эмоциональной реакции, избегать сложных терминов и вопросов «почему?», уточнять детали с помощью простых вопросов о фактах. Работа состоит из подготовки, налаживания контакта, объяснения цели опроса, воссоздания обстоятельств происшествия и завершающей части, где ребенку разъясняют дальнейшие шаги. Важно собрать информацию о фактах, продолжительности и обстоятельствах жестокого обращения, а также об актуальном состоянии ребенка. Если специалист — первый, кому ребенок рассказал о травле, необходимо сохранять спокойствие, выразить веру его словам, внимательно выслушать, снять с него чувство вины и заверить в безопасности.

При беседе с ребенком-агрессором цель — выяснить обстоятельства случившегося, его мысли и мотивы, понимание последствий и пути исправления ситуации. Важно определить его внутреннюю мотивацию к изменениям, говорить о последствиях для него самого, задавать открытые вопросы (кто, что, как), использовать вопросы «зачем?» или «чего ты хотел?» вместо «почему?». Вопросы следует задавать по одному, давая время на ответ, и добиваться признания конкретных действий. Рекомендуется предложить ребенку письменно изложить события.

Далее необходимо побеседовать с каждым членом группы агрессоров и получить от них письменное объяснение инцидента. Для прояснения событий можно использовать рисуночные техники, фокусируясь на отраженных фактах, а не на интерпретации рисунка. Каждому обидчику нужно объяснить, какие правила были нарушены, и указать меру ответственности. Если агрессия подавалась как шутка, важно подчеркнуть, что это не смешно, и зафиксировать других участников.

Следующий шаг — собрать группу свидетелей и выяснить, что они видели, какую роль играли и как относятся к произошедшему. На основе собранной информации составляются планы дальнейшей работы: индивидуальная реабилитация для жертвы, коррекционная работа с обид-

чиками и свидетелями (в зависимости от степени их вовлеченности), а также общий профилактический план для всей группы. Перед возвращением детей в коллектив их необходимо подготовить, спросив, что они собираются сказать другим, чтобы предотвратить искажение информации. Также необходимо провести беседы с родителями как жертв, так и обидчиков, разъясняя причины, последствия и дальнейшие шаги.

Все случаи должны фиксироваться в специальном журнале происшествий с отдельным разделом о буллинге, который регулярно обсуждается специалистами. Важной задачей является обучение детей, часто оказывающихся в роли жертвы, методам психологической защиты, а детей-агрессоров — техникам контроля над гневом [4].

Эффективная работа по преодолению буллинга, осуществляемая специалистами психолого-педагогической службы, требует тесного взаимодействия с учителями и родителями. Она строится на применении разнообразных стратегий реагирования в зависимости от конкретной ситуации и предполагает разработку четкой программы действий. Основная цель такой программы — улучшить межличностный климат в классе. Это достигается за счет снижения уровня конфликтности, гуманизации отношений между учениками, развития у них коммуникативных умений и формирования толерантности.

Коррекционная работа ведется индивидуально с каждой категорией участников. С жертвами травли занятия направлены в первую очередь на стабилизацию их психоэмоционального состояния и повышение самооценки. Кроме того, их обучают коммуникативным навыкам, информируют о возможных способах реакции на агрессию, а также рассказывают, куда можно обратиться за помощью, включая телефоны доверия. Параллельно проводится работа с родителями пострадавших детей. Ее задачи — установление доверительного контакта, консультирование по эффективным реакциям на изменения в поведении ребенка и дача рекомендаций по улучшению психологического климата в семье.

Не менее важна индивидуальная работа с инициаторами травли (буллерами). Она нацелена на снижение их агрессивности и конфликтности. Подросткам разъясняют ответственность за действия, которые могут быть квалифицированы как буллинг. С ними также проводятся за-

нятия по развитию коммуникативных навыков и формированию толерантного отношения к одноклассникам.

Формы коррекционных мероприятий достаточно разнообразны. Они включают в себя тематические беседы (например, на тему «Ответственность»), а также тренинги, такие как «Ассертивность», «Саморегуляция», «Способы выхода из конфликтных ситуаций», «Способы эффективного общения» и «Толерантность». Проводятся специальные классные часы — «Я и мой класс», «Способы эффективного общения», «Позитивное мышление». Кроме того, специалисты участвуют в разработке и проведении внеклассных мероприятий совместно с классными руководителями [5].

Таким образом, коррекционная работа педагога-психолога по преодолению школьного буллинга представляет собой комплексную системную деятельность. Она базируется на четких принципах, включающих конфиденциальность, этапность, комплексный и индивидуальный подход, а также смещение акцента с наказания на реабилитацию участников. Правовой основой этой работы выступают законодательные нормы, предусматривающие ответственность за унижение достоинства и клевету.

Ключевыми направлениями деятельности являются организационно-профилактическая работа по созданию безопасной среды через локальные нормативные акты, тщательная диагностика каждого случая с привлечением всех сторон, а также непосредственная коррекционная и реабилитационная работа с разными группами участников.

С жертвами работа направлена на стабилизацию эмоционального состояния, повышение самооценки и обучение навыкам защиты. С агрессорами — на снижение конфликтности, осознание ответственности и развитие коммуникативной компетентности. Отдельное внимание уделяется работе со свидетелями и родителями для формирования единой поддерживающей среды. Основными методами выступают индивидуальные и групповые формы: диагностические беседы, тренинги (ассертивности, толерантности, саморегуляции), тематические классные часы и совместные внеурочные мероприятия. Реализация такого подхода требует междисциплинарного взаимодействия специалистов и поэтапного планирования, конечной целью которого является не только прекращение конкретного случая травли, но и гуманизация климата в школьном коллективе в целом.

Литература:

1. Общая психокоррекция: учебно-методические материалы. — Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2012. — 204 с.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 6 янв. 2021 г., № 91-3: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. № 345-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
3. Методические рекомендации для педагогических работников по предупреждению, профилактике и устранению насилия в учреждении образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zabolot.smoledu.by/wp-content/uploads/UTVERZhDENY-Metodicheskie-rekomendacii.pdf>. — Дата доступа: 02.02.2026.
4. Профилактика школьного буллинга — технологии работы: методическое пособие [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sch5.slutsk-vedy.gov.by/files/00608/obj/110/14863/doc/Профилактика%20школьного%20буллинга.pdf>. — Дата доступа: 02.02.2026.

- Калинина, Р. Р. Психолого-педагогическая программа профилактики буллинга среди школьников [Электронный ресурс] / Р. Р. Калинина // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. — 2016. — № 52. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskaya-programma-profilaktiki-bullinga-sredi-shkolnikov>. — Дата доступа: 02.02.2026.

Программа «Мир в моих руках»: гендерно ориентированная коррекция агрессивного поведения подростков с ограниченными возможностями здоровья

Васильева Анна Валерьевна, студент
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье представлена авторская коррекционная программа «Мир в моих руках», разработанная для снижения агрессивного поведения у подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Ключевые слова: коррекция агрессии, подростки с ОВЗ, арт-терапия, гендерный подход, ЗПР, нарушение интеллекта, программа «Мир в моих руках».

Агрессивное поведение подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) требует не универсальных, а дифференцированных подходов, учитывающих как нозологию, так и пол ребёнка. Традиционные вербальные методы часто оказываются неэффективными из-за когнитивных и эмоциональных особенностей данной категории [1].

На основе результатов диагностического этапа (описанного в первой статье) была разработана и апробирована авторская программа «Мир в моих руках», направленная на снижение агрессивного поведения через развитие эмоциональной саморегуляции, эмпатии и коммуникативной компетентности.

Основу программы составляют арт-терапия, ролевые игры, драматизация и техники саморегуляции. Программа учитывает гендерные и нозологические особенности: для юношей акцент сделан на физической разрядке и контроле импульсов, для девушек — на вербализации обиды и развитии эмпатии.

Цель программы: снижение уровня агрессивного поведения и формирование навыков конструктивного взаимодействия.

Формат: 12 групповых занятий (2 раза в неделю, по 40–45 минут).

Участники: 15 подростков 12–15 лет с ЗПР и ИН.

Основные методы: арт-терапия, коллаж, лепка, драматизация, ролевые игры, релаксация.

Гендерно-дифференцированный подход:

Для юношей: акцент на телесно-ориентированных техниках (мять пластилин, рвать бумагу), обучение «паузе перед реакцией», визуальные сигналы остановки [2].

Для девушек: развитие навыков открытого общения, работа с обидой через рисование, создание «круга доверия», арт-терапия чувств [3].

Структура программы:

1. Эмоциональное осознание (занятия 1–3): «Что такое гнев?», «Тело говорит: я злюсь!».

2. Безопасное выражение агрессии (занятия 4–6): «Безопасные способы выпустить пар», «Мои триггеры».

3. Развитие эмпатии и диалога (занятия 7–9): «Я и другой: как он себя чувствует?», «Как договориться, не крича?».

4. Интеграция и завершение (занятия 10–12): «Моя сила — в спокойствии», «Мир в моих руках».

Тематический план занятий по программе «Мир в моих руках», с описанием целей и используемых арт-технологий на каждом занятии представлен в таблице 1.

Методические особенности работы с подростками с ОВЗ:

1. Наглядность: все понятия — через образ, символ, действие.

2. Повторение: ключевые идеи возвращаются в разных форматах.

3. Минимум вербальной нагрузки: инструкции короткие, с опорой на жест, картинку, пример.

4. Эмоциональная безопасность: никакого осуждения, только принятие и поддержка.

5. Учёт нозологии: для подростков с ИН — больше практической деятельности, меньше абстракции; для подростков с ЗПР — больше рефлексии, обсуждения мотивов, работы с обидой.

Ожидаемые результаты:

1. Снижение количества агрессивных проявлений.

2. Рост показателей по шкалам «Эмпатия», «Саморегуляция».

3. Формирование у подростков репертуара безопасных стратегий вместо агрессии.

4. Улучшение микроклимата в группе, снижение конфликтности.

По итогам реализации программы были получены следующие результаты:

1. Высокий уровень агрессии полностью исчез как у юношей, так и у девушек;

2. Импульсивность снизилась на 40 % (с 73 % до 33 %);

Таблица 1. Тематический план занятий по программе «Мир в моих руках»

№	Тема занятия	Цель занятия	Арт-технология / Метод
1	«Знакомство с миром чувств»	Создать безопасную атмосферу; познакомиться с программой; выявить базовые эмоции	Игра «Эмоциональный светофор»; рисование «Моё настроение»
2	«Что такое гнев?»	Понять природу гнева как естественной эмоции; снизить страх перед ней	Коллаж «Гнев — это...»; обсуждение: «Когда я злюсь?»
3	«Тело говорит: я злюсь!»	Научить распознавать физиологические признаки гнева	Телесная разминка; рисование «Где живёт мой гнев?»
4	«Безопасные способы выпустить пар»	Освоить невербальные, неразрушительные способы снятия напряжения	Лепка «Гневный комок» — превращение в «спокойный шар»; рвём бумагу, мнём пластилин
5	«Мои триггеры»	Выявить личные «спусковые крючки» агрессии	Карта «Что меня выводит из себя?» (символы: крик, толчок, игнор)
6	«Остановись! Подумай! Выбери!»	Развить навык паузы перед реакцией	Ролевая игра «Светофор поведения»; тренинг «3 шага до решения»
7	«Я и другой: как он себя чувствует?»	Развить эмпатию, умение видеть чувства другого	Драматизация: «Если бы я был(а)...»; рисование «Чувства другого»
8	«Слова, которые ранят и лечат»	Осознать силу вербального воздействия	Игра «Ядовитые и целебные слова»; создание «Аптечки добрых слов»
9	«Как договориться, не крича?»	Обучить конструктивному диалогу в конфликте	Ролевая игра «Я-сообщения»; тренинг «Говорю спокойно — слушаю внимательно»
10	«Моя сила — в спокойствии»	Укрепить внутренний ресурс; развить навыки релаксации	Арт-медитация; создание «Коробочки спокойствия» (с камешками, тканью, ароматом)
11	«Мой путь к миру»	Интегрировать полученные навыки; сформировать личный план поведения	Коллаж «Мир в моих руках»; составление «Правил спокойного поведения»
12	«Прощание — не конец»	Закрепить результаты; поддержать мотивацию; завершить программу	Церемония «Подарок себе и другу»; рефлексия: «Что я забираю с собой?»

3. Физическая агрессия снизилась на 33 % (с 53 % до 20 %);

4. Аутоагрессия снизилась на 13 %, враждебность — на 14 %;

5. У 44 % юношей и 33 % девушек сформировался низкий уровень агрессивности.

Программа «Мир в моих руках» доказала свою практическую значимость и может быть рекомендована педагогам-психологам, социальным педагогам и специалистам центров психолого-педагогической помощи для работы с подростками с ОВЗ в условиях школы, интерната или инклюзивного класса.

Литература:

1. Бандура, А. Подростковая агрессия / А. Бандура, Р. Уолтерс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 512 с. — Текст: непосредственный.
2. Почебут, Г. Л. Психология социальных общностей / Почебут, Г. Л. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 246 с. — Текст: непосредственный
3. Соловьёва, Е. В. Психолого-педагогическая помощь детям с ОВЗ / Е. В. Соловьёва. — М.: Академия, 2010. — 256 с. — Текст: непосредственный
4. Хрячкова Арт-терапия в работе с агрессивными подростками / Хрячкова, Д. А. — Текст: непосредственный // Психолог в школе. — 2022. — № 4. — С. 45–52.

Особенности формирования ценностного отношения молодежи к созданию семьи

Вепрева Юлия Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кульчейко Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент

Омский государственный педагогический университет

В статье раскрыты современные тенденции и особенности формирования ценностного отношения молодого поколения к созданию семьи. Обозначены факторы, влияющие на данный процесс. Рассмотрены тенденции в сфере семейно-брачных отношений у молодежи.

Ключевые слова: ценностное отношение, молодежь, семья.

Ценностные отношения — это сложная и многоуровневая система, которая включает в себя отношение человека к различным объектам и явлениям. Особенно актуальным в настоящее время становится изучение ценностного отношения молодежи к созданию семьи. Важность возросла в связи с тем, что государство именно сейчас уделяет значительнейшее внимание воспитанию будущего семьянина. Государством поставлены высокие ориентиры: благодаря «формированию положительных семейных установок у детей, подростков и молодежи, ... формированию традиционных семейных ценностей» доля граждан, считающих семью главной ценностью, к 2030 году должна достигнуть 80 % населения [11].

При этом в России в последнее время наблюдается обратная ситуация: падение уровня рождаемости, более позднее вступление в брак, принятие решения о деторождении откладывается на дальний период, семьи становятся малодетными, все чаще наблюдаем однопоколенные семьи [1; 4; 8].

Роль самих семейных ценностей, тем не менее, остается у населения высокой. Россиян больше привлекает создание семьи, нежели одиночество (84 % относительно 8 %). По результатам исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) одной из главных жизненных целей россиян остается — «создать счастливую семью, воспитать детей» [8].

В результате наблюдается ярко выраженное противоречие между запросом граждан и государства на создание счастливой традиционной семьи и текущей ситуацией, формирующей в обществе обратные тенденции. Всё это в совокупности обуславливает высокую значимость изучения особенностей формирования ценностного отношения молодежи к созданию семьи для изменения тенденций в обществе.

Формирование ценностей у молодежи имеет свою специфику, вытекающую из их социального статуса, социально-психологических свойств данной возрастной группы. К данному возрасту молодые люди уже имеют опыт взрослой жизни, сложившиеся моральные устои и собственное мировоззрение. Для работающей молодежи ключевыми процессами становятся самореализация в профессии и окончательное оформление жизненных ориентиров [4].

Наибольшее влияние на формирование у молодежи ценностного отношения к семье оказывают следующие факторы [2; 3; 9]:

1. *Модель семьи, которую человек видел в детстве и которая передается из поколения в поколение.* Нередко понятие «семья» ассоциируется у молодежи с родительским домом: мамой, папой, братьями, сестрами и другими близкими, которые были рядом с первых лет жизни. Именно опыт, полученный в кругу этих людей, во многом определяет их собственные представления о семейных отношениях и модели поведения в будущем.

2. *Понимание социальной роли мужа и жены, а потом отца и матери.* У каждой социальной роли (супружеской или родительской) есть свои правила и зона ответственности. Когда оба партнера понимают это и осознанно делят обязанности, они закладывают прочный фундамент для будущего своей семьи.

3. *Влияние западной культуры, их социокультурных ценностей.* Ценности, пропагандируемые средствами массовой информации, интернетом и социальными сетями, зачастую вступают в противоречие с традиционными духовно-нравственными ориентирами российского общества

4. *Экономическая ситуация.* Финансовая стабильность, жизнеобеспечение семьи напрямую определяют как в ней формируются, развиваются и передаются семейные ценности.

5. *Особенности социально-культурных процессов в России.* Особенности развития социокультурной сферы, действующие тенденции напрямую влияют на то, какие именно нравственные устои и семейные обычаи будут преобладать в обществе.

6. *Семейная политика и законодательство.* Активная роль государства по поддержке семьи, созданию законодательных актов в данной сфере значительно расширяет возможности для развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

7. *Наличие знаний и навыков, необходимых для семейной жизни.* Когда молодые люди понимают, насколько важна семья, и обладают нужными для совместной жизни навыками, у них формируется правильное, положительное отношение к созданию и своей будущей семье.

Если рассматривать национальную специфику, то особенность российской молодежи — более глубокое, традиционное восприятие семьи по сравнению с западной. В России больше ценят институт брака и семьи. Прежде всего, это связано с тем, что длительное время в истории развития

российского общества семья имела исключительно традиционную патриархальную модель. Не приветствовались нетрадиционные формы семьи и брака. Совместная жизнь до официального заключения брака, разводы обществом осуждались. Семья всегда рассматривалась как главная ячейка общества. Благодаря этому фундаменту, даже под влиянием западных СМИ и смены общественных моделей, российская молодежь сохранила большее уважение к семейным ценностям по сравнению с западной.

Тем не менее, в настоящее время наблюдается динамика изменения молодого поколения к семейным ценностям. Преобладают следующие негативные тенденции [3; 9; 10]:

- рождение детей откладывают «на потом» (в приоритете независимость, достижение успеха, карьерный рост, социальный статус, рождение ребенка планируется на более поздний этап жизни);
- гражданский брак становится социальной нормой (совместное сожительство всё чаще становится этапом до брака, а иногда и полностью его заменяет);
- нежелание и неготовность к деторождению;
- преобладание малодетной модели семьи (ориентация преимущественно на одного ребенка, отсутствие стремления к многодетности);
- рост количества разводов на начальных этапах семейной жизни;
- повышение количества неполных семей;
- трансформация системы ценностей в сторону индивидуализации, приоритета личных интересов (главным становится личный комфорт и успех, а не интересы партнера и семьи в целом).

Особого внимания заслуживает тот факт, что сегодня интернет и социальные сети также играют значительную роль в воспитании у молодежи ценностного отношения к институту семьи. Современное поколение сейчас неразрывно связано с виртуальным пространством. Ценности молодежи формируются под влиянием мнения известных блогеров, трендов соцсетей. В результате приоритетными для них становятся именно эти ценности, а не те, что веками передавались в культуре. В соцсетях, электронных изданиях распространены следующие мнения молодежи о семейных ценностях [12]:

- отсутствие смысла и необходимости в браке («самая красивая свадебная дата: никогда», «зачем этот брак нужен?», «чтобы не развестись, не надо жениться», «зачем жениться, что штамп в паспорте изменит?», «брак только портит отношения» и т. п.);
- приоритет личных интересов, отсутствие смысла в партнерских отношениях («живу один и не планирую жениться», «жутко раздражает постоянное присутствие другого человека», «мне прекрасно и в одиночестве» и т. п.);

— распространено мнение о коммерческой выгоде от брака и развода («женщинам выгодно разводиться и получать алименты», «брак по расчету самый крепкий!»).

Все это говорит о том, что, к сожалению, молодежь все реже видит смысл в официальном браке и совместном проживании. И главное, она не понимает, зачем и для чего нужна жизнь с партнером в целом. Традиционные ценности уступают место нежеланию брать на себя обязательства и нести ответственность. Приоритет личного успеха и комфорта — тенденция, во многом формируемая самим обществом и средствами массовой информации. В результате в качестве альтернативы традиционному браку молодое поколение всё чаще выбирает незарегистрированные отношения (сожительство). Многие видят в такой форме союза больше преимуществ и гибкости по сравнению с официальным оформлением брака [12].

Несмотря на отрицательные тенденции, хотелось бы отметить, что у современной молодежи в России наблюдаются и положительные моменты формирования ценностных отношений к семье [3; 6]:

- осознанное планирование рождения детей;
- преобладание традиционных взглядов на семейные ценности, уважение к институту семьи и брака в целом;
- идеология «чайлдфри» как добровольный отказ от родительства встречается крайне редко;
- отрицательное отношение к альтернативным моделям семьи (однополые браки и т. п.).

И главным положительным моментом является усиление включения роли государства в процесс формирования ценностного отношения к семье у молодежи. Так, 15 марта 2025 года Правительством РФ была утверждена «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». В соответствии с данной стратегией «новые конституционные нормы поддерживают традиционные семейные ценности — брак как союз мужчины и женщины, уважение детей к старшим поколениям, доверие и заботу нескольких поколений семьи друг о друге» [5].

Таким образом, на текущий момент можно сформулировать следующие особенности формирования у молодежи ценностного отношения к семье: приоритет семьи в целом в системе жизненных ценностей, усиление роли государства в процессе формирования данных ценностей, но при этом лояльность к браку и деторождению, неготовность жертвовать карьерой и саморазвитием ради семьи и детей. Формирование позитивного отношения у молодежи в связи с этим продолжает иметь высокое значение: как для воспитания будущего поколения, так и для общества в целом. Всё это в дальнейшем формирует необходимые духовно — нравственные ценности для успешного развития современного общества.

Литература:

1. Акутина С. П. К проблеме классификации семейных духовно-нравственных ценностей // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 94. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-klassifikatsii-semeynyh-duhovno-nravstvennyh-tsennostey>.

2. Аникашина К. А., Распопова Ю. А., Рыжкова К. Д. Формирование семейных ценностей в молодежной среде: КУЗНИЦА — мастерская семейных ценностей // Молодой ученый Международный научный журнал — 2023. — № 31.1 (478.1) — С.11–13.
3. Иванишко А. М. «Семейные ценности молодёжи Пензенской области: супружество и родительство» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2022. — № 3 (63). — С. 75–82.
4. Методические рекомендации по работе с социальными установками молодых людей при формировании и укреплении семейных ценностей / Рецензенты: Лопухова О. Г., Филатова-Сафронова М. А. — Казань: ГБУ «Республиканский центр молодёжных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», 2024. — 40 с.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615-р «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503240023?index/>.
6. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. «Семейные ценности современной молодёжи» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. — № 2. — С. 138–142.
7. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
8. «Семья в системе российских ценностей»: аналитический обзор Всероссийского центра изучения общественного мнения от 22.12.2024г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>.
9. Фаизова В. Б. Роль семьи в формировании ценностных ориентаций молодёжи. Теория и практика образования в современном мире (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). — СПб.: Реноме, 2012.
10. Фроловская А. А. «Базовые аспекты формирования семейных ценностей молодёжи» // Журнал «Актуальные исследования», 2023.
11. Паспорт федерального проекта «Федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=501337&rnd=sHDqhw#vrZKX7VSWtaYVN8v>.
12. Семенцова, К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности / К. Р. Семенцова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2022. — Т. 12, № 4. — С. 109–113.

Взаимосвязь перфекционизма и мотивационной регуляции в романтических отношениях молодёжи

Лексакова Валентина Ильинична, студент

Научный руководитель: Чудина Юлия Александровна, кандидат психологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Проведено исследование с целью выявления особенностей взаимосвязи перфекционизма и мотивационной регуляции в романтических отношениях молодёжи с использованием трёхфакторного опросника перфекционизма Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогоровой и опросником типов мотивационной регуляции в романтических отношениях М. Blais (1990) в адаптации К. Г. Клейн, В. Ю. Костенко (2021). Авторы предполагают, что существует взаимосвязь перфекционизма с мотивационной регуляцией в романтических отношениях молодёжи. В результате исследования выявлены значимые корреляции между перфекционистским когнитивным стилем и мотивационными типами.

Ключевые слова: перфекционизм, мотивация, регуляция, романтические отношения, молодёжь.

Перфекционизм рассматривается А. Адлером и К. Хорни как стремление к высоким личным стандартам, которые человек устанавливает для себя и окружающих в зависимости от их деятельности. Исследователи интерпретировали это явление как чрезмерное желание к самосовершенствованию. В психоаналитическом контексте перфекционизм рассматривается как однородная

конструкция, отражающая нарциссическую структуру личности. Это включает негативные черты, такие как чувство стыда, зависимость от одобрения окружающих, враждебное отношение к себе и искаженное восприятие собственных возможностей. Исследование перфекционизма приобрело популярность в 60-е годы прошлого века. Н. Г. Гаранян отмечает, что изначально концепция «пер-

фекционизм» описывала склонность устанавливать чрезмерно высокие стандарты для себя и неспособность наслаждаться своими достижениями. Автор отмечает, что перфекционизм имеет сложную структуру и не сводится к простому следованию высоким стандартам [3, с. 2].

Методика Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой рассматривает три фактора перфекционизма. Первый фактор — социально предписываемый перфекционизм. Данный параметр характеризуется излишней озабоченностью оценками со стороны других и постоянным сравнением своих действий с ними. Далее следует Я-адресованный перфекционизм, который определяет высокие требования к своим результатам, завышенные стандарты к своей деятельности со стороны самого индивида. Заключительным фактором является перфекционистский когнитивный стиль, который проявляется как фиксирование на собственной неидеальности. При высоких показателях данного параметра человек склонен концентрироваться на собственных неудачах и игнорировать успехи, таким образом искажая восприятие своего опыта и личных достижений [2, с. 19].

Романтические отношения мы рассматриваем как особый диадический вид отношений, которые сопровождаются проявлением сильной симпатии и любви к партнеру, характеризуются добровольностью и отсутствием правовой регламентированности и проявляются в близком бескорыстном взаимодействии, взаимной поддержке, заботе, регулярном общении. Мотивационная регуляция в романтических отношениях определяется внутренними и внешними мотивационными факторами. Внутренне мотивированные партнёры, ориентированные на эмоциональную близость и взаимопонимание, демонстрируют более стабильные и удовлетворяющие отношения по сравнению с теми, чья мотивация основана на внешних стимулах (социальное давление, статусные выгоды и пр.). Характер мотивации обусловлен её типом, преобладающим в поведении человека [1, с. 5].

Настоящее исследование проводилось с использованием анкетного опроса в сети Интернет с помощью сервиса «Яндекс формы». В исследовании приняли участие 61 человек (49 женщин, 12 мужчин) в возрасте от 15 до 27 лет ($M = 20$). Все участники на момент опроса состояли в романтических отношениях. Для исследования особенностей проявления перфекционизма был использован трехфакторный опросник перфекционизма, авторы: Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова [2]. С целью исследования мотивационной регуляции использовалась методика Опросник типов мотивационной регуляции в романтических отношениях (Couple Motivation Questionnaire, CMQ) Автор: M. Blais et al. (1990) Адаптация: К. Г. Клейн, В. Ю. Костенко (2021) (Клейн, 2021).

Целью исследования стало выявление особенностей взаимосвязи перфекционизма и мотивационной регуляции в романтических отношениях молодёжи.

Анализ выраженности структурных частей перфекционизма [2] показал, что наиболее выраженной со-

ставляющей является Я-адресованный перфекционизм (Шкала 2), среднее значение по которой составило 12,4 из 20 баллов ($M=13$). Данный результат указывает на высокие требования, которые испытуемый предъявляет к самому себе, стремление к идеалу и установку на достижение высокого уровня личных стандартов. Ключевой компонент данного типа перфекционизма — личное и внутренне стремление к совершенству. Умеренно выраженным оказался перфекционистский когнитивный стиль (Шкала 3) ($M = 10$ из 24 баллов), что отражает тенденцию к чрезмерной детализации, ригидности мышления и склонности к «чёрно-белому» мышлению. Полученные результаты могут свидетельствовать о частичной тенденции к недооценке собственных достижений, а также о наличии умеренной склонности к социальному сравнению в сфере успехов и результативности. У респондентов может наблюдаться склонность интерпретировать нейтральные или неопределённые события через призму личной эффективности, что указывает на возможную зависимость самооценки от внутренне воспринимаемого уровня достижений. Социально предписываемый перфекционизм (Шкала 1) выражен в наименьшей степени ($M=11$ из 28 баллов), что говорит о незначительной зависимости самооценки респондентов от ожиданий окружающих.

Полученные в ходе диагностики мотивационной регуляции в романтических отношениях данные позволяют говорить о том, что большинство респондентов имеет выраженную внутреннюю мотивационную регуляцию ($M=23$). Можно сделать вывод о том, что нахождение в романтических отношениях в большинстве случаев сопровождается чувством наслаждения, интереса и удовлетворения. Внутренняя мотивация отражает высшую степень автономии и самодетерминации. Мы предполагаем, что респонденты, у которых доминирует внешняя мотивационная регуляция, расслаблены в романтических отношениях и не используют их, чтобы закрыть свои дефицитарные потребности. Внешняя же мотивация выражена слабее, при этом наиболее значимой её формой является идентифицированная регуляция.

Анализ связей между различными типами мотивационной регуляции и компонентами перфекционизма выявил ряд статистически значимых корреляций. В частности, установлена отрицательная корреляционная связь между внутренней мотивационной регуляцией и перфекционистским когнитивным стилем ($r = -0,267$, $p = 0.038$), который отражает негативное селективное фиксирование на собственном несовершенстве. Данная связь показывает, что молодые люди с выраженной внутренней регуляцией мотивации не фиксируются на собственной неидеальности при построении отношений. Также выраженность перфекционистского когнитивного стиля связана со стремлением индивида избегать установления глубоких эмоциональных отношений с партнёром, что может быть связано с личностными защитными механизмами, страхом уязвимости или негативным опытом близости.

В то же время выявлена положительная корреляция между шкалой амотивации и перфекционистским когнитивным стилем ($r = 0,398$, $p = 0.002$). Таким образом, более высокий уровень амотивации сопряжён со склонностью выделять в отношениях лишь негативные стороны, игнорируя позитивные аспекты, что в свою очередь может привести к неудовлетворенности романтическими отношениями и эмоциональному выгоранию.

Результаты исследования подчеркивают важность учета особенностей проявления перфекционизма при анализе мотивационных особенностей в романтических отношениях. Стоит учитывать, что полученные данные могут быть недостоверными из-за небольшого числа респондентов и неравномерного распределения выборки по полу. Исследование нуждается в повторном проведении с большим числом респондентов для подтверждения выводов.

Литература:

1. Бочавер, К. А. Романтические отношения в юношеском возрасте: представления о преодолении трудностей: специальность 19.00.05: автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Бочавер Константин Алексеевич. — М., 2012. — 25 с. — Текст: непосредственный.
2. Гаранян, Н. Г. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии / Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева. — Текст: непосредственный // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. — № 26(3). — С. 8–32.
3. Гречко, В. А. Теоретические подходы к определению категории «перфекционизм» / В. А. Гречко. — Текст: непосредственный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — № 12 (4).
4. Клейн, К. Г. Самодетерминация в романтических отношениях: адаптации опросника и уточнение конструктора / К. Г. Клейн, В. Ю. Костенко. — Текст: непосредственный // Психологические исследования. — 2021. — № 78.

Эффективность интегративной модели парного консультирования в коррекции созависимых отношений: теоретическое обоснование и перспективы эмпирической проверки

Мамедова Юлия Андреевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается актуальная проблема оказания психологической помощи парам, находящимся в созависимых отношениях. Обосновывается дефицит научно-обоснованных программ парного консультирования, специфически ориентированных на данную дисфункцию. Целью работы является теоретическое представление и обоснование авторской интегративной модели парного консультирования для коррекции созависимости. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований (системный подход, эмоционально-фокусированная терапия, когнитивно-поведенческий подход) предложена структурированная программа, ключевыми мишенями воздействия в которой определены диффузия границ, тревожная привязанность и низкий уровень личностной дифференциации. Научная новизна заключается в синтезе трех терапевтических модальностей в единую последовательную модель работы с парой. В заключении описывается план эмпирической апробации модели и формулируются ожидаемые результаты, связанные со снижением уровня созависимости и повышением удовлетворенности отношениями.

Ключевые слова: созависимые отношения, парное консультирование, интегративная модель, эмоционально-фокусированная терапия (EFT), системный подход, личностная дифференциация, тревожная привязанность.

Введение

Высокая распространенность созависимых паттернов во взаимоотношениях является значимым вызовом для современной консультативной психологии. По данным исследований, до 60–80 % пар, обращающихся за помощью, демонстрируют признаки созависимой динамики, характеризующейся эмоциональным слиянием, диффузией границ, компульсивным контролем и внешней ориентацией самооценки [3; 7]. Деструктивное влияние таких отношений на

психологическое благополучие личности и семьи не вызывает сомнений. Однако, несмотря на обширную феноменологическую и теоретическую базу, ощущается заметный дефицит эмпирически проверенных и структурированных программ парного консультирования, целенаправленно работающих именно с созависимостью [9].

Этот пробел определяет актуальность данной работы и ее цель: представить теоретическое обоснование и структуру авторской интегративной программы парного консультирования для коррекции созависимых от-

ношений, предназначенной для последующей эмпирической апробации.

Теоретико-методологические основания интегративной модели

Анализ существующих подходов позволяет выделить три наиболее релевантных для работы с созависимостью направления, составляющих методологический фундамент модели.

1. Системный подход (М. Боуэн, С. Минухин). Рассматривает созависимость как свойство системы, а не индивидуальную патологию. Ключевой концепцией является «дифференциация Я» — способность отделять интеллектуальное и эмоциональное функционирование, сохраняя автономию в эмоционально значимых отношениях [2]. Целью работы в данном парадигмальном поле становится прояснение и укрепление психологических границ, выход из дисфункциональных треугольников и анализ трансгенерационных передач.

2. Эмоционально-фокусированная терапия (С. Джонсон). Опираясь на теорию привязанности Д. Боулби, EFT рассматривает созависимость через призму тревожной (ненадежной) привязанности и страха abandonment [7]. Задача терапии — трансформировать негативные циклические паттерны взаимодействия (например, «преследование-уход») в безопасный эмоциональный диалог, формируя надежную привязанность и навыки совладания с тревогой сепарации.

3. Когнитивно-поведенческий подход. Акцентирует внимание на дисфункциональных убеждениях и схемах, поддерживающих созависимое поведение (например, катастрофизация одиночества, гипертрофированная ответственность за чувства партнера, иррациональные установки о контроле) [14].

Каждый из подходов имеет свои сильные стороны и ограничения. Системный подход эффективно работает со структурой отношений, но может упускать глубину эмоциональных процессов. EFT дает profound emotional change, но требует высокой мотивации и готовности к эмоциональной экспрессии. КПТ предлагает конкретные техники для изменения мыслей и поведения, но может недостаточно учитывать системный контекст и природу эмоциональной связи. Интеграция этих подходов позволяет создать комплексное воздействие, направленное одновременно на структуру отношений (границы), их эмоциональную основу (привязанность) и индивидуальные когнитивно-поведенческие паттерны.

Структура и ключевые мишени интегративной программы

Разработанная программа представляет собой последовательный трехэтапный процесс, рассчитанный на 15–20 парных сессий. Ее отличительной чертой является четкая операционализация мишеней воздействия.

• Диагностический модуль (сессии 1–3). Направлен на комплексную оценку пары. Используется психодиагностический комплекс: «Шкала созависимости Спэнн-Фишера», опросник «Опыт близких отношений» (ECR), «Шкала дифференциации себя», «Шкала удовлетворенности браком». Проводится совместное и индивидуальное клиническое интервью, строится генограмма. В результате выявляются и формулируются ключевые мишени: степень диффузии границ, тип и выраженность тревожной привязанности, уровень личностной дифференциации, конкретные дисфункциональные циклы взаимодействия.

— Коррекционный модуль (сессии 4–14). Ядро программы, где интеграция подходов реализуется наиболее полно:

— Работа с границами и дифференциацией (системный подход): Применяются техники рефрейминга проблемного поведения в системном контексте, циркулярного интервью, упражнения на осознание и обозначение личных потребностей и границ (например, «Карта границ и потребностей»).

— Трансформация эмоциональной связи (EFT): Осуществляется деэскалация негативного цикла через отражение и валидацию первичных эмоций (страха, боли, одиночества). Создаются новые, более безопасные взаимодействия через техники диалога привязанности и реструктурирования взаимодействия.

— Когнитивно-поведенческая реструктуризация (КПТ): Проводится выявление и проработка иррациональных убеждений («Я должен контролировать его настроение, иначе все рухнет», «Без этих отношений я не имею ценности»). Развиваются навыки эмоциональной саморегуляции, ассертивного поведения и когнитивного дистанцирования.

— Стабилизационный модуль (сессии 15–20). Направлен на закрепление новых паттернов и профилактику рецидивов. Совместно с парой разрабатывается план действий в стрессовых ситуациях, совершенствуются навыки самостоятельного конструктивного разрешения конфликтов. Формируются итоговые документы: «Соглашение о границах» и индивидуальные «протоколы тревоги» для каждого партнера.

Научная новизна предлагаемой модели заключается в синтезе подходов не как эклектичном наборе техник, а как в целостной, логически последовательной системе, где каждый этап и метод обоснован конкретной теоретической задачей и направлен на четко определенную мишень.

Заключение и перспективы эмпирической проверки

Представленная интегративная модель парного консультирования является теоретически обоснованным ответом на запрос практики о структурированных методах работы с созависимостью. Ее ключевые преимущества — комплексность, гибкость и ориентация на глубинные механизмы формирования и поддержания созависимой динамики.

Планируемое эмпирическое исследование направлено на апробацию эффективности программы. В нем примут

участие 30 супружеских/партнерских пар (60 человек) с диагностированными признаками созависимости по результатам первичного скрининга. Будет использован план формирующего эксперимента с измерением ключевых параметров (уровень созависимости, тип привязанности, уровень дифференциации, удовлетворенность отношениями) до и после прохождения программы, а также в сравнении с контрольной группой (лист ожидания). Для статистической обработки данных планируется применение Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок и U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок.

Ожидается получение статистически значимых результатов: снижение показателей созависимости и тревожной привязанности, повышение уровня личностной дифференциации и удовлетворенности отношениями у участников экспериментальной группы по сравнению с контрольной. Подтверждение гипотезы позволит не только валидизировать разработанную программу как эффективный инструмент помощи, но и внести вклад в развитие научно-методической базы парного и семейного консультирования, обогатив его интегративной методологией работы со сложными случаями дисфункциональных отношений.

Литература:

1. Битти, М. Зависимые и созависимые / М. Битти. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: ИД «Весь», 2019. — 256 с.
2. Боуэн, М. Теория семейных систем / М. Боуэн. — Москва: Когито-Центр, 2012. — 496 с.
3. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия / А. Я. Варга. — Санкт-Петербург: Питер, 2018. — 288 с.
4. Горбунова, И. М. Динамика супружеских отношений в процессе психологического консультирования по преодолению созависимости: автореф. дис.... канд. психол. наук: 19.00.05 / Горбунова Ирина Михайловна. — Москва, 2018. — 24 с.
5. Джонсон, С. М. Практика эмоционально-фокусированной терапии: создание соединения / С. М. Джонсон. — Москва: Когито-Центр, 2019. — 368 с.
6. Минухин, С. Техники семейной терапии / С. Минухин, Ч. Фишман. — Москва: Класс, 2019. — 304 с.
7. Моховиков, А. Н. Созависимость: характеристики и практика преодоления / А. Н. Моховиков // Консультативная психология и психотерапия. — 2020. — Т. 28, № 4. — С. 70–89.
8. Уайнхолд, Б. К. Освобождение от созависимости / Б. К. Уайнхолд, Д. Б. Уайнхолд. — Москва: Класс, 2010. — 224 с.
9. Beattie, M. Codependent No More: How to Stop Controlling Others and Start Caring for Yourself / M. Beattie. — 2nd ed. — Center City: Hazelden Publishing, 2022. — 280 p.
10. Johnson, S. M. The practice of emotionally focused couple therapy: Creating connection / S. M. Johnson. — 3rd ed. — New York: Routledge, 2019. — 394 p.
11. Stanton, M. Attachment and Codependency: The Mediating Role of Self-Differentiation / M. Stanton, P. P. Wang // The American Journal of Family Therapy. — 2020. — Vol. 48, no. 1. — P. 1–17.

Стратегии поведения подростков в конфликте: гендерный аспект

Мкртчян Анаит Агвановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Акопян Любовь Суменовна, доктор психологических наук, профессор

Самарский государственный социально-педагогический университет

В статье рассматривается проблема гендерных особенностей в стратегиях поведения подростков в конфликтных ситуациях. Конфликты могут затрагивать любого человека, но особенно остро они проявляются в подростковом возрасте, что делает данную тему актуальной для психологических исследований. Основным теоретическим инструментом исследования стала модель К. Томаса — Р. Килмана, которая изучена и применена на практике. Данная классификация включает в себя пять основных способов (стилей) поведения в конфликтной ситуации: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление.

Ключевые слова: гендер, подростковый возраст, стратегия поведения, конфликтность

Современное общество характеризуется ростом напряженности в отношениях между людьми. Наше поведение в конфликтах формируется под влиянием личных черт, недостатка навыков общения, эмоционального состояния и обстоятельств. Конфликты могут за-

тронуть любого, но особенно остро они проявляются у подростков. Этот период, переходный от детства к зрелости, отмечен внутренними противоречиями и усложненным общением со сверстниками, взрослыми и родителями [3].

Для подростка, отмечает в своих работах Л. И. Божович, особую значимость приобретает отношение со стороны сверстников, реакция на деструктивное поведение, мнение о поступке и о самом подростке, что делает конфликт для подростка способом утверждения своей позиции, как в отношениях со сверстниками, так и в отношениях со взрослыми [3].

В подростковом возрасте выбор стратегии часто зависит от того, насколько подросток принял стереотипные представления о мужском и женском поведении.

Согласно модели К. Томаса — Р. Килманна (Kilmann, 1974), в конфликте применяются пять стилей: избегание, приспособление, сотрудничество, компромисс и соперничество.

В дошкольном возрасте уже можно наблюдать различия между мальчиками и девочками. Мальчики ведут себя более враждебно и конфликтуют. Девочки чувствуют себя тревожно и не защищены. Это связано с более грубым воспитанием мальчиков и мягким отношением к девочкам. Игрушки у мальчиков носят более агрессивный характер. Агрессивное поведение девочек в большей степени отвергается обществом, а по отношению к мальчикам отношение в плане агрессии более лояльно. По данным Н. Ю. Жарновецкой: «Мужчины считаются более агрессивными, чем женщины» [2].

Исследование А. В. Семенова показывает, что девочки чаще осознают конфликт и стремятся его уладить, в то время как мальчики чаще его инициируют. Семенов также отмечает, что мальчики после конфликта быстро отходят, а девочки остаются злопамятными. В плане агрессии, мальчикам свойственна прямая (физическая и вербальная), а девочкам — косвенная. В то же время, И. Л. Шелехов и его соавторы предлагают иное мнение: они утверждают, что девочки чаще выступают зачинщицами конфликтов и проявляют косвенную агрессию. Мальчики

же, по их мнению, реже стремятся к конфликтам, но если участвуют, то ведут открытую борьбу и долго помнят нанесенные им обиды. [4].

Согласно классификации К. Томаса — Р. Килмана, отмечается, что главным механизмом, определяющим поведение человека в конфликте, является сопоставление интересов конфликтующих сторон [1]. Для описания поведения в конфликте была предложена двухмерная модель регулирования конфликта, основополагающими измерениями которой являются: кооперация — направленность на интересы другого человека, вовлеченного в конфликт, и напористость — направленность на собственные интересы. Соответственно этим двум измерениям авторы выделили следующие пять основных способов (стили) поведения в конфликтной ситуации: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление.

В научной литературе выделяют три главных модели поведения личности в условиях конфликта: конструктивную, деструктивную и конформистскую (см. табл. 1). Формирование каждой из моделей зависит от характера предмета спора, контекста конфликтной ситуации, значимости межличностных отношений и индивидуально-психологических особенностей участников конфликта. Эти модели поведения отражают установки участников на развитие конфликта и методы его разрешения.

Таким образом, гендерные особенности со стратегиями поведения в конфликте у подростков представляет собой многогранную проблему, требующую дальнейшего изучения. Существующие исследования подтверждают наличие значительных различий в подходах к разрешению конфликтов между мальчиками и девочками. Понимание этих различий может способствовать более эффективному взаимодействию между подростками и улучшению их социальных навыков.

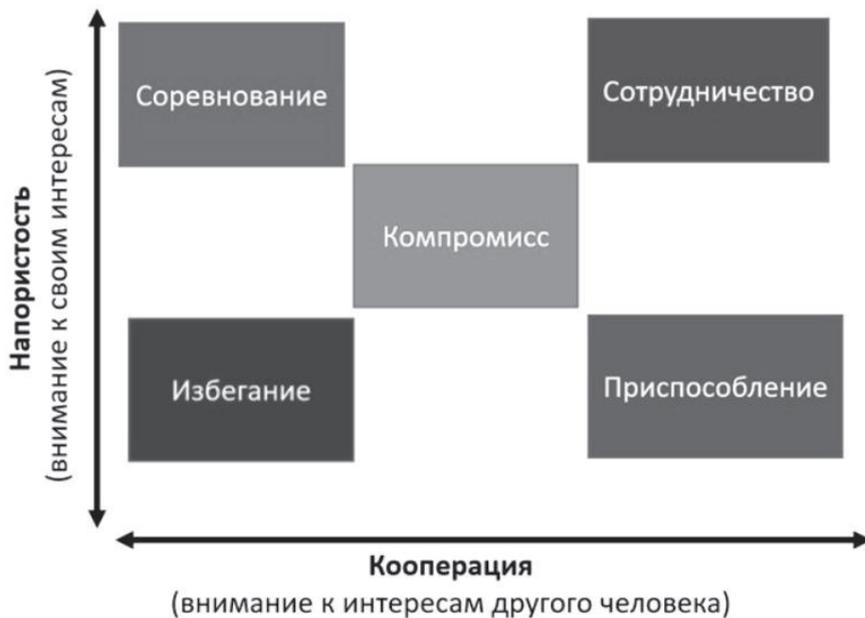

Рис 1. Интересы конфликтующих сторон

Таблица 1. Основные модели поведения личности в конфликте

№ п/п	Модель поведения	Поведенческие характеристики личности
1	Конструктивная	Стремится уладить конфликт; нацелена на поиск приемлемого решения; отличается выдержкой и самообладанием, доброжелательным отношением к сопернику; открыта и искренна, в общении лаконична и немногословна
2	Деструктивная	Постоянно стремится к расширению и обострению конфликта; постоянно принижает партнера, негативно оценивает его личность; проявляет подозрительность и недоверие к сопернику, нарушает этику общения
3	Конформистская	Пассивна, склонна к уступкам; непоследовательна в оценках, суждениях, поведении; легко соглашается с точкой зрения соперника; уходит от острых вопросов

Литература:

1. Ильин Е. П. Пол и гендер. — Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2010. — 688 с.
2. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. — Санкт-Петербург: Питер, 2009. — 576 с.
3. Минакова Г. К. Взаимосвязь стратегий поведения в конфликте подростков с разной гендерной идентичностью // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2023. — [Электронный ресурс]– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-strategiy-povedeniya-v-konflikte-podrostkov-s-raznoy-gendernoy-identichnostyu> <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-strategiy-povedeniya-v-konflikte-podrostkov-s-raznoy-gendernoy-identichnostyu> (дата обращения: 28.01.2026).
4. Шелехов И. Л., Морева С. А., Власова Н. В. Гендерные роли и стереотипы // Наука и образование: материалы конференции: в 6 т. — 2007. — Т. 5. — С. 200–204.

Метафора и образы в психологическом консультировании лиц с посттравматическим стрессовым расстройством (на примере людей с травмой позвоночника)

Нехаева Олеся Александровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются возможности применения метафорических и образных методов в психологическом консультировании клиентов с посттравматическим стрессовым расстройством. Особое внимание уделяется специфике работы с людьми, получившими физическую травму, а именно травму позвоночника, повлекшую за собой изменения в двигательных функциях. Анализируется процесс адаптации личности к новой реальности и доказываемая эффективность метафорических ассоциативных карт (МАК) и образных техник как инструментов, позволяющих обойти психологические защиты и проработать глубокие экзистенциальные переживания. В заключение обосновывается перспективность овладения специалистами данными методами как новым подходом в гуманистической и реабилитационной психологии.

Ключевые слова: ПТСР, психологическая травма, травма позвоночника, метафорические ассоциативные карты, образы, адаптация, психологическое консультирование, реабилитация.

Введение

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) является одной из наиболее сложных и актуальных проблем современной клинической психологии и психоте-

рапии. Традиционные вербальные методы работы, направленные на проговаривание травматического опыта, зачастую сталкиваются с мощным сопротивлением психики, стремящейся избежать повторной травматизации. Травма по определению является опытом, который со-

противляется символизации, будучи закодированным преимущественно на довербальном, соматосенсорном уровне. Как отмечает голландский психиатр Бессел ван дер Колк, тело хранит то, чему разум отказывается дать имя. Традиционные подходы, апеллирующие к рациональному переосмыслению, часто наталкиваются на непреодолимый барьер: структуры мозга, ответственные за переработку травматического опыта, в момент его активации функционируют в режиме, исключающем возможность когнитивной рефлексии. Особенно остро эта проблема стоит в работе с людьми, пережившими внезапную физическую катастрофу — травму позвоночника. Резкое изменение телесности, утрата привычных функций и необходимость существования в качественно иных условиях требуют от психолога поиска новых, более щадящих и глубинных инструментов. Таким инструментом, на мой взгляд, является работа с метафорой и образами.

Именно здесь обнаруживается парадоксальная эффективность метафоры. Являясь по своей природе непрямым высказыванием, она проникает туда, куда прямой запрос не имеет доступа. Цель настоящей статьи — предложить теоретическую модель, объясняющую, почему метафора становится не просто первым, но зачастую и наиболее действенным инструментом в работе с травмой, и как этот троп обретает новое звучание в контексте современных нейробиологических представлений о функционировании памяти и предсказательной активности мозга.

Посттравматическое стрессовое расстройство

ПТСР — это состояние, возникающее у человека после переживания события, выходящего за рамки обычного человеческого опыта и способного травмировать психику (боевые действия, катастрофы, насилие, тяжелые увечья). Основными симптомами являются навязчивое переживание события (флешбэки), избегание любых напоминаний о травме, эмоциональная притупленность и гиперактивность.

Травматический опыт парадоксален: он принадлежит прошлому, но переживается в настоящем с той же интенсивностью, как если бы угроза сохранялась. Современные модели предсказательной обработки (predictive processing) предлагают объяснение этого феномена, радикально меняющее наши представления о работе психики. Согласно этой парадигме, мозг является не пассивным регистратором внешних стимулов, а активным конструктором реальности, непрерывно генерирующим предсказания на основе предшествующего опыта и минимизирующим ошибку предсказания.

Травма в этой модели предстает как коллапс предсказательной архитектуры: сенсорные данные, зафиксированные в момент угрозы, приобретают чрезмерный вес, подавляя нисходящие сигналы безопасности, поступающие от корковых структур. Мозг застревает в режиме генерации предсказаний, соответствующих травматической ситуации, даже когда объективной угрозы не существует.

Именно поэтому классические метафоры травмы как застывшего файла или незакрытого гештальта при всей их клинической полезности оказываются нейробиологически неточными: травма — это не столько зафиксированное содержание, сколько сбой процесса предсказания, устойчивый паттерн генерации ошибочных гипотез о реальности.

Иммануил Кант задолго до появления нейронаук почувствовал эту архитектуру: рассудок не черпает свои законы из природы, а предписывает их ей. Травматический рассудок, однако, предписывает реальности законы угрозы, даже когда природа вокруг безопасна.

Метафора как оператор семиотической реконсолидации

Однако если рассматривать травму не просто как событие прошлого, а как процесс, то ключевым становится то, как человек проживает последствия. Проживание травмы — это столкновение с ужасом собственного бессилия и конечности. Психика как бы застревает в моменте катастрофы, не в силах интегрировать этот опыт в целостную картину мира. Человек продолжает жить в до-травматической реальности, отрицая или яростно сопротивляясь реальности посттравматической.

Традиционное понимание роли метафоры в психотерапии сводится к иллюстративной функции: сложное объясняется через простое, неизвестное — через известное. Однако при работе с травмой метафора выполняет иную, более фундаментальную задачу: она запускает процесс **семиотической реконсолидации** — преобразования самой структуры репрезентации травматического опыта.

Исследования показывают, что метафора позволяет пациенту дефокусироваться с травматического содержания, одновременно удерживая его в поле внимания, что снижает защитную реакцию без потери терапевтического фокуса.

Особенности психологического состояния людей с травмой позвоночника: жизнь в новой реальности

Травма позвоночника, приводящая к частичной или полной утрате подвижности (параличу), является одной из самых тяжелых форм физической травмы. Здесь физическое и психологическое переплетаются неразрывно. Жизнь человека в одно мгновение делится на до и после.

Процесс адаптации к новой реальности включает несколько этапов: шок, отрицание, гнев, торг, депрессия и собственно принятие или адаптация. Однако принятие в данном случае — понятие условное. Речь идет не о смирении, а о выстраивании новой идентичности. Человек вынужден заново учиться базовым вещам, выстраивать отношения с собственным телом, которое теперь может восприниматься как чужое, предавшее или ставшее тюрьмой.

Ключевая психологическая задача здесь — пережить утрату прежнего себя и найти опоры для существования

в изменившихся условиях. Традиционные разговоры о проблеме часто заводят клиента в тупик, заставляя его вновь и вновь переживать момент травмы или упираться в стену бессилия. «Почему это случилось со мной?» — вопрос, на который нет рационального ответа, но который мучает годами.

Метафора и образы как ключ к бессознательному в консультировании

Именно на этом этапе на помощь приходит метафора. Метафора — это не просто риторический оборот. Это способ мышления, способ познания мира через образ. В психотерапии метафора позволяет говорить о сложном, болезненном и невыразимом на языке символов.

Почему именно образные методы (включая метафорические ассоциативные карты) наиболее эффективны в работе с данной категорией клиентов? Ответов на этот вопрос несколько:

1. Обход вербальных защит. У клиента с травмой позвоночника часто заблокированы слова. Он устал говорить о боли, усталости, безысходности. Метафорическая карта или направленное воображение предлагают ему безопасную дистанцию. Мы смотрим не на *его боль*, а на *изображение покосившегося дерева* или *образ каменной стены*. Это снижает тревогу и сопротивление.

2. Работа с замороженным опытом. Согласно теории телесно ориентированной психотерапии (П. Левин), травма застывает в теле. Образы позволяют растопить этот лед, дав застывшей энергии выйти наружу через символ, не подвергая психику повторному шоку.

3. Поиск ресурса. Человек в инвалидной коляске часто видит только ограничения. Метафора позволяет увидеть иное. Например, карта с изображением мощных корней дерева может стать для него метафорой его собственной внутренней опоры, которую он не замечал. Образы помогают переформулировать опыт: не «я прикован к коляске», а «коляска — это моя колесница, мои новые ноги».

4. Интеграция Я. Через создание и обсуждение образов клиент постепенно соединяет расколотые части своей личности: «Я-прошлое» (сильное, здоровое) и «Я-настоящее» (уязвимое, ограниченное). Метафора помогает создать новую целостность, где есть место и травме, и жизни после нее.

Например, в работе с метафорическими картами клиенту предлагается выбрать изображение, которое отражает его нынешнее состояние. Часто это образы лабиринта, разрушенного дома или одинокого корабля. Затем через поиск карты ресурса или выхода, запускается бессознательный процесс поиска решения. Самостоятельно

соединив образ проблемы и образ ресурса, клиент делает собственное открытие, которое обладает гораздо большей силой, чем интерпретация психолога.

Метафора в терапии ПТСР выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет интерфейс в сложных технических системах: она скрывает избыточную сложность травматического переживания, делая его доступным для манипуляции и преобразования, но при этом сохраняет связь с глубинными уровнями организации опыта. Она не заменяет реальность, но создает безопасное пространство для встречи с ней.

В контексте современных представлений о предсказательной обработке метафора может быть понята как инструмент калибровки весов предсказаний: она позволяет временно снизить вес травматических сенсорных данных и повысить вес сигналов безопасности, исходящих от терапевтической ситуации и префронтальных систем контроля. Это не просто разговор — это нейробиологическая интервенция, осуществляемая средствами языка.

Терапевт, ищущий разные пути к травме, подобен картографу, составляющему карту местности, где привычные координаты не работают. Метафора становится той проекцией, в которой искажения травматического пространства могут быть учтены и преодолены. Она не решает проблему, но создает условия, в которых решение становится возможным — шаг за шагом, нить за нитью, от кома в горле к свободному дыханию.

Заключение: новые горизонты психологической помощи

Посттравматический рост возможен только тогда, когда травма перестает быть центром вселенной человека и становится лишь частью его жизненного опыта. В работе с людьми с травмой позвоночника мы видим, что физическое восстановление невозможно без восстановления психологического.

Овладение терапевтами навыками работы с метафорой и образами открывает новые горизонты в психологии именно потому, что смещает фокус с лечения симптома на сопровождение духа. Это позволяет специалисту выйти за рамки инструкций и протоколов, войти в глубокий контакт с уникальным внутренним миром страдающего человека. Метафора становится мостом, перекинутым от безнадежности к смыслу, от изоляции — к контакту, от травмы — к новой целостной жизни. Владение этим инструментом превращает психолога из простого слушателя в проводника, помогающего человеку заново собрать себя по кусочкам, используя не только логику, но и древнюю архетипическую силу образов.

Литература:

1. Калшед, Д. Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа / Д. Калшед. — Москва : Академический проект, 2007.
2. Левин, П. А. Пробуждение тигра. Исцеление травмы / П. А. Левин. — Москва : Бомбора : Эксмо, 2025.

3. Буравцова, Н. В. Метафорические ассоциативные карты в психотерапии тревожно-фобических расстройств. — Новосибирск : Смальта, 2019.
4. Тарабрина, Н. В. Психология посттравматического стресса. Теория и практика / Н. В. Тарабрина; ред. А. Л. Журавлев. — Москва : Институт психологии РАН, 2009.
5. Witztum, E., The use of metaphors in psychotherapy / E. Witztum, O. Van der Hart, B. Friedman // Journal of Contemporary Psychotherapy. — 1988. — № 18 (4). — P. 270–290.
6. Циммерман, Т. Открытая лекция «Предсказательная обработка: новые метафоры нейробиологии травмы» / Т. Циммерман. — Санкт-Петербург : Центр обучения EMDR, 2025. — URL: <https://emdrspb.ru/event/otkrytaya-lekcziya-tomasa-czimmermana-predskazatel'naya-obrabotka-novye-metafory-nejrobiologii-travmy> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Zimmerman, T. Predictive processing: Updated metaphors for the neurobiology of trauma [Conference presentation]. 30th annual EMDRIA conference, Anaheim, CA, United States. 2025, September.
8. Hyatt, R. P. Michael Polanyi and Bessel A. van der Kolk on the healing power of metaphor // R. P. Hyatt // Tradition and Discovery The Polanyi Society Periodical. — 2022. — № 48 (1). — P. 31–38.
9. McMullen, L. M. Research review of psychotherapists' use of metaphors / L. M. McMullen, D. Tay // Psychotherapy. — 2023. — № 60 (3). — P. 255–265.

Профилактика эмоционального выгорания у педагогов

Нурлыбеккызы Акмарал, студент
Омская гуманитарная академия

В статье даётся определение понятию «эмоциональное выгорание». Рассматриваются причины эмоционального выгорания педагогов. Описываются основные направления профилактики эмоционального выгорания педагогов, а также результаты диагностики эмоционального выгорания педагогов детского сада.

Ключевые слова: профилактика, педагоги, эмоциональное выгорание, направления.

Preventing emotional burnout in teachers

The article defines the concept of «emotional burnout». The causes of emotional burnout among teachers are considered. The main directions of preventing emotional burnout among teachers are described, as well as the results of diagnosing emotional burnout among kindergarten teachers.

Keywords: prevention, teachers, emotional burnout, directions.

Эмоциональное выгорание, синдром, характеризующийся истощением эмоциональных, физических и когнитивных ресурсов, представляет собой серьезную проблему в педагогической среде. Длительное воздействие стресса, высокая рабочая нагрузка, эмоциональная вовлеченность и чувство ответственности создают благоприятную почву для его развития. В связи с этим, разработка и внедрение эффективных стратегий профилактики эмоционального выгорания педагогов приобретает особую актуальность.

Эмоциональное выгорание — это синдром, возникающий в результате хронического стресса на рабочем месте, который не был успешно преодолен. Оно характеризуется тремя измерениями: чувством истощения, цинизмом по отношению к работе и ощущением неэффективности. В сущности, эмоциональное выгорание — это состояние глубокого эмоционального, ментального и физического истощения, когда человек чувствует себя обес-

силенным и неспособным справиться с повседневными задачами, особенно теми, что связаны с его профессиональной деятельностью [1].

Одной из основных причин эмоционального выгорания педагогов является хронический стресс, связанный с высокой рабочей нагрузкой, многозадачностью и постоянным взаимодействием с учениками, родителями и коллегами. Недостаточная поддержка со стороны руководства и отсутствие возможностей для профессионального развития также способствуют развитию этого синдрома. Кроме того, эмоциональное выгорание может возникать из-за несоответствия между ожиданиями педагога и реальностью, а также из-за отсутствия признания и вознаграждения за их труд [3].

Профилактика эмоционального выгорания педагогов — это комплекс мероприятий, направленных на предупреждение развития синдрома эмоционального выгорания (синдрома, который развивается на фоне хрониче-

ческого стресса и приводит к истощению эмоциональных, энергетических и личностных ресурсов). Профилактика включает организационные меры, психологическую помощь, развитие навыков саморегуляции и поддержку коллектива.

Одним из ключевых направлений профилактики является снижение уровня стресса на рабочем месте. Это может быть достигнуто путем оптимизации рабочего графика, делегирования части задач, предоставления возможности для профессионального развития и повышения квалификации. Важным аспектом является создание благоприятной психологической атмосферы в коллективе, основанной на взаимной поддержке, доверии и открытом общении [1].

Развитие навыков саморегуляции и управления стрессом играет важную роль в профилактике эмоционального выгорания. Педагогам необходимо освоить техники релаксации, медитации, осознанности и другие методы, позволяющие снизить уровень тревожности и восстановить эмоциональное равновесие. Важно также уделять внимание физическому здоровью, соблюдать режим сна и отдыха, заниматься спортом и правильно питаться.

Психологическая поддержка и консультирование являются важным элементом профилактики эмоционального выгорания. Регулярные встречи с психологом или психотерапевтом помогут педагогам осознать свои эмоции, выявить источники стресса и разработать эффективные стратегии преодоления трудностей. Групповые тренинги и семинары, направленные на повышение стрессоустойчивости и развитие коммуникативных навыков, также могут быть полезными [2].

Констатирующий этап исследования, проведенный с добровольным участием 20 воспитателей Детского сада № 6 «Балбулак», позволил получить объективную картину уровня эмоционального выгорания в педагогическом коллективе. Комплексное применение методик В. В. Бойко, К. С. Митчелла, а также К. Маслач и С. Джексона предоставило многомерные данные для анализа.

Исследование удовлетворенности работой выявило, что лишь 10 % педагогов полностью довольны своей профессиональной деятельностью. Подавляющее же большинство (33 % — средняя степень неудовлетворенности, 27 % — высокая степень неудовлетворенности) испытывает дискомфорт, а 30 % скорее удовлетворены, чем нет, что также указывает на наличие потенциала для негативных тенденций.

Диагностика по методике В. В. Бойко показала, что синдром эмоционального выгорания сформирован у 20 % педагогов, находится в стадии формирования у 47 %, и лишь у трети (33 %) он не выявлен. Таким образом, 67 % воспитателей работают на фоне разворачивающихся симптомов выгорания, что характеризуется хронической усталостью, снижением интереса к работе, формальным подходом и вероятными поведенческими изменениями. Анализ фазовой динамики выявил, что фаза напряжения сформирована у 40 % педагогов, а фаза резистентности — у 20 %.

Сформированная фаза истощения отмечена у 20 % участников. Эти данные свидетельствуют о высоком психоэмоциональном напряжении и стрессе у большинства сотрудников, провоцирующем развитие симптомов выгорания.

Методика К. С. Митчелла показала, что высокий уровень склонности к эмоциональному выгоранию выявлен у 40 % педагогов, средний — у 40 %, и низкий — у 20 %. Это указывает на наличие выраженных физических и эмоциональных симптомов, а также потенциальные трудности в поддержании удовлетворенности работой и межличностных отношений.

Анализ методики К. Маслач и С. Джексона выявил следующие тенденции: высокий уровень эмоционального истощения отмечен у 30 % педагогов, средний — у 40 %. Деперсонализация на высоком и среднем уровнях наблюдается у 35 % соответственно. Редукция профессиональных достижений на высоком и среднем уровнях составила 35 % и 40 % соответственно. Эти результаты подтверждают значительную выраженность усталости, снижение эмпатии и неуверенность в профессиональных навыках среди сотрудников.

Полученные результаты констатирующего этапа исследования являются тревожными и требуют незамедлительного принятия мер по профилактике эмоционального выгорания. Выявленный высокий процент педагогов, находящихся в состоянии выгорания или на стадии его формирования, а также значительный уровень неудовлетворенности работой, негативно сказываются не только на профессиональной деятельности, но и на общем психоэмоциональном состоянии сотрудников. Низкий уровень удовлетворенности работой, высокий уровень склонности к выгоранию, а также выраженные симптомы эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений у большинства воспитателей свидетельствуют о критической ситуации.

На основе полученных данных, целесообразно разработать и внедрить комплексную программу профилактики, направленную на снижение уровня стресса, повышение стрессоустойчивости и формирование позитивного отношения к профессиональной деятельности. Эффективная профилактика эмоционального выгорания требует системного подхода и вовлечения всех заинтересованных сторон — педагогов, администрации, психологов и, при необходимости, внешних специалистов. Только совместными усилиями можно создать условия, при которых педагоги смогут реализовать свой профессиональный потенциал, сохраняя при этом свое физическое и психическое здоровье, и обеспечивая тем самым высокое качество образовательного процесса для детей.

Таким образом, профилактика эмоционального выгорания педагогов — это комплексный процесс, требующий системного подхода и активного участия как самих педагогов, так и администрации образовательных учреждений. Только совместными усилиями можно создать условия, способствующие сохранению психического здоровья и эмоционального благополучия педагогов.

Литература:

1. Водопьянова Н. Е. Профессиональное выгорание и ресурсы его преодоления // Психология здоровья. — 2021. — С.548–572.
2. Михальцова Л. П. К вопросу об эмоциональном выгорании педагогов как проявлении профессионального травматизма // Сборники конференций НИЦ Социосфера, 2023. — № 7. — С. 16–17.
3. Яковлева Е. С., Симптом эмоционального выгорания педагога: причины, последствия профилактика // Скиф. 2023. № 5–1 (33). — С. 112–119.

Психолого-педагогические основы формирования психологической готовности к школьному обучению у старших дошкольников с нарушением слуха

Рачкова Анастасия Андреевна, студент
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье рассматривается проблема формирования психологической готовности к школьному обучению у старших дошкольников с нарушением слуха. На основе анализа современных психолого-педагогических исследований раскрывается структура психологической готовности, описываются особенности её формирования у детей с нарушением слуха и обосновываются психолого-педагогические условия, обеспечивающие развитие предпосылок учебной деятельности. Особое внимание уделяется познавательному, регуляторному и мотивационно-личностному компонентам готовности. Представленные положения могут быть использованы в практике дошкольного и специального образования.

Ключевые слова: психологическая готовность к школе, старшие дошкольники, нарушение слуха, психолого-педагогические условия, дошкольное образование.

Psychological and pedagogical foundations of psychological readiness for school learning in senior preschool children with hearing impairments

The article examines the problem of forming psychological readiness for school learning in senior preschool children with hearing impairments. Based on the analysis of modern psychological and pedagogical studies, the structure of psychological readiness is revealed, the features of its formation in children with hearing impairments are described, and psychological and pedagogical conditions ensuring the development of prerequisites for learning activity are substantiated. Special attention is paid to cognitive, regulatory, and motivational-personal components of readiness. The presented provisions can be used in preschool and special education practice.

Keywords: psychological readiness for school, senior preschool children, hearing impairment, psychological and pedagogical conditions, preschool education.

Введение

Проблема психологической готовности ребёнка к школьному обучению занимает центральное место в исследованиях по психологии развития и педагогике дошкольного образования. Современные авторы подчёркивают, что успешность обучения в начальной школе определяется не только уровнем интеллектуального развития ребёнка, но и сформированностью произвольной регуляции, мотивационной сферы и способности принимать позицию ученика [1], [2]. В этом контексте психологическая готовность рассматривается как интегративное образование, отражающее степень зрелости психических и личностных предпосылок учебной деятельности.

Особую актуальность проблема формирования психологической готовности приобретает применительно к детям с нарушением слуха. Как отмечает Л. А. Головчик, сенсорный дефицит оказывает системное влияние на психическое развитие ребёнка, затрудняя формирование произвольного поведения и познавательных процессов [3]. В связи с этим возникает необходимость теоретического анализа структуры психологической готовности и условий её формирования у старших дошкольников с нарушением слуха в системе дошкольного образования.

Основная часть

В современных психолого-педагогических исследованиях психологическая готовность к школьному обучению рассматривается как сложное многокомпонентное образование. С. А. Буркова подчёркивает, что психологическая готовность включает совокупность взаимосвязанных компонентов, обеспечивающих успешное принятие ребёнком новой социальной роли и включение в учебную деятельность [1]. Э. Казин рассматривает психологическую готовность как показатель сформированности внутренних предпосылок школьного обучения, отражающих готовность ребёнка к систематической учебной деятельности [2].

На основе анализа указанных подходов можно выделить основные компоненты психологической готовности к школьному обучению, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Структура психологической готовности к школьному обучению

Компонент	Характеристика
Познавательный	Развитие восприятия, внимания, памяти, мышления, элементарных логических операций
Регуляторный	Произвольность поведения, умение действовать по инструкции, самоконтроль
Мотивационно-личностный	Интерес к обучению, внутренняя позиция школьника, эмоциональное отношение к школе

Формирование данных компонентов у детей с нарушением слуха имеет выраженную специфику. По мнению Л. А. Головчик, ограниченность слухового восприятия затрудняет речевое опосредование деятельности, что негативно отражается на развитии произвольной регуляции и способности к планированию действий [3]. Аналогичные выводы представлены в работах Е. А. Медведевой, где подчёркивается, что дети с нарушением слуха испытывают трудности в удержании инструкции и контроле результата деятельности [7].

Познавательное развитие старших дошкольников с нарушением слуха характеризуется рядом особенностей. А. В. Тюрина отмечает, что у данной категории детей нередко наблюдается недостаточная сформированность операций анализа, сравнения и обобщения при относительной сохранности наглядно-образного мышления [6]. Это требует специальной организации образовательного процесса с опорой на зрительный канал восприятия и использование наглядных средств обучения. При этом целенаправленная коррекционно-развивающая работа способствует постепенному формированию познавательных предпосылок учебной деятельности.

Особое значение в формировании психологической готовности имеют психолого-педагогические условия образовательной среды. В исследованиях В. Е. Кузнецовой и В. В. Усачёвой подчёркивается, что эффективность коррекционной работы определяется её системностью и соответствием индивидуальному профилю психологической готовности ребёнка [5]. М. В. Жигорева указывает на важность педагогического сопровождения и междисциплинарного взаимодействия специалистов при подготовке детей с нарушением слуха к школьному обучению [4]. Дополняя данные положения, В. В. Юзар обращает внимание на необходимость комплексного подхода к оценке и формированию психологической готовности в современных условиях дошкольного образования [8].

Основные психолого-педагогические условия формирования психологической готовности у старших дошкольников с нарушением слуха представлены в таблице 2.

Таблица 2. Психолого-педагогические условия формирования психологической готовности

Условие	Содержание
Опора на зрительный канал	Использование наглядных, графических и визуальных средств
Игровая организация деятельности	Применение дидактических и сюжетно-ролевых игр
Развитие произвольной регуляции	Формирование навыков следования инструкции и самоконтроля
Формирование мотивации	Создание положительного образа школы и учебной деятельности

Таким образом, анализ теоретических источников свидетельствует о том, что формирование психологической готовности у старших дошкольников с нарушением слуха возможно только при наличии специально организованных психолого-педагогических условий, ориентированных на компенсацию сенсорного дефицита и развитие всех компонентов готовности.

Заключение

Проведённый теоретический анализ позволил установить, что психологическая готовность к школьному обучению представляет собой сложное интегративное образование, включающее познавательный, регуляторный и мотивационно-личностный компоненты [1], [2]. Для старших дошкольников с нарушением слуха процесс формирования данных компонентов протекает в специфических условиях, обусловленных особенностями сенсорного и психического развития [3], [7].

Обоснованные в статье психолого-педагогические условия формирования психологической готовности подтверждают необходимость системной коррекционно-развивающей работы, опоры на зрительный канал восприятия и использования игровых форм деятельности [4], [5], [6], [8]. Представленные положения создают теоретическую основу для разработки практических программ подготовки старших дошкольников с нарушением слуха к школьному обучению.

Литература:

1. Буркова С. А. Психологическая готовность к школе: диагностика и мониторинг/ С.А Буркова // 2020. — 452 с.
2. Казин Э. Психолого-педагогическая готовность ребёнка к школе./ Э. Казин // — 2022. — 125 с.
3. Головчик Л. А. Дошкольная сурдопедагогика / Л. А. Головчик // — 2024. — 259 с.
4. Жигорева М. В. Педагогическое сопровождение обучающихся после кохlearной имплантации./ М. В. Жигорева // — 2020. — 367 с.
5. Кузнецова В. Е., Усачёва В. В. Организация коррекционной деятельности в зависимости от профиля психологической готовности. / В. Е. Кузнецова, В. В. Усачёва // — 2021. — 259 с.
6. Тюрина А. В. Развитие когнитивных процессов у слабослышащих детей. / А. В. Тюрина // — 2024. — 128 с.
7. Медведева Е. А. Дошкольная дефектология. / Е. А. Медведева // — 2020. — 347 с.
8. Юзар В. В. Готовность детей к начальной школе: обзор конструкторов и методик. / В. В. Юзар // — 2025. — 248 с.

Особенности саморегуляции у взрослых с избыточной массой тела в контексте нарушенного пищевого поведения

Черняк Кира Григорьевна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

The article presents a review of contemporary theoretical and empirical studies addressing self-regulation characteristics in adults with overweight in the context of disordered eating behavior. Self-regulation is considered as a multi-level system that includes emotional regulation, impulse control, and cognitive control with goal setting. The analysis suggests that specific patterns of functioning within these mechanisms may be associated with the formation of stable maladaptive eating patterns, in which food is used not only to satisfy physiological needs but also as a means of regulating emotional states. The multifactorial nature of overweight is emphasized, and regulatory processes are viewed as one level of analysis alongside biological and environmental factors. Prospects for further research and potential directions for psychological interventions are outlined.

Keywords: self-regulation, disordered eating behavior, overweight, emotional regulation, impulse control, cognitive control

Features of self-regulation in adults with overweight in the context of disordered eating behavior

Введение

Проблема избыточной массы тела и связанных с ней особенностей пищевого поведения остаётся одной из актуальных тем в психологии. В последние годы всё большее внимание уделяется психологическим механизмам, способным участвовать в формировании устойчивых пищевых паттернов [3; 5]. В этом контексте особый интерес

представляет саморегуляция как система процессов, обеспечивающих управление поведением, эмоциональными состояниями и достижением долгосрочных целей [6; 7].

Саморегуляция рассматривается как многоуровневая структура, включающая эмоциональную регуляцию, контроль импульсов и когнитивный контроль с целеполаганием [6; 7]. Изменения в функционировании этих механизмов могут проявляться в затруднении управления

внутренними состояниями и поведенческими реакциями, в том числе в сфере пищевого поведения [4; 8]. В ряде случаев пища начинает использоваться не только для удовлетворения физиологической потребности, но и как средство снижения эмоционального напряжения, отвлечения от переживаний или регуляции стрессовых состояний [4; 5].

В рамках настоящей статьи под нарушенным пищевым поведением понимаются устойчивые дезадаптивные паттерны приёма пищи, при которых еда используется как способ регуляции эмоционального состояния или снижения внутреннего напряжения при отсутствии физиологической потребности. Такое понимание позволяет рассматривать пищевое поведение как один из возможных поведенческих каналов, не сводя проблему исключительно к клинически оформленным расстройствам [4; 8].

Следует подчеркнуть, что избыточная масса тела имеет многофакторную природу и формируется под влиянием биологических, метаболических, средовых и психологических факторов [1; 3]. В данной работе регуляторные механизмы рассматриваются как один из уровней анализа, позволяющий уточнить психологические особенности поведения, связанные с приёмом пищи, не претендуя на универсальное объяснение феномена.

Целью статьи является анализ научных данных об особенностях саморегуляции у взрослых с избыточной массой тела в контексте нарушенного пищевого поведения. В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что у части взрослых с избыточной массой тела могут наблюдаться специфические сочетания особенностей эмоциональной регуляции, импульс-контроля и когнитивного контроля, отличающие их от лиц с нормативными показателями массы тела и способствующие формированию устойчивых дезадаптивных пищевых стратегий [6; 10].

Теоретические основания изучения саморегуляции

В современной психологии саморегуляция рассматривается как система процессов, обеспечивающих управление поведением, эмоциональными состояниями и когнитивной активностью во взаимосвязи с внутренними целями и внешними требованиями среды [6; 7]. Она включает в себя способность отслеживать собственные состояния, соотносить их с поставленными задачами и при необходимости изменять поведенческие и ментальные стратегии. Такой подход позволяет рассматривать саморегуляцию не как отдельную функцию, а как механизм, связывающий эмоции, мотивацию и когнитивный контроль.

Исследователи подчёркивают, что саморегуляция имеет многоуровневую структуру и реализуется через взаимодействие нескольких компонентов [6; 7]. К числу наиболее значимых из них относятся эмоциональная регуляция, обеспечивающая управление переживаниями и аффективными реакциями; импульс-контроль, связанный со способностью тормозить непосредственные побуждения;

и когнитивный контроль с целеполаганием, позволяющий поддерживать долгосрочные намерения и регулировать поведение в соответствии с ними. Совместное функционирование этих механизмов обеспечивает относительную устойчивость поведения и возможность выбирать стратегии, согласованные с долгосрочными целями.

Нарушения саморегуляции могут проявляться в трудностях управления внутренними состояниями и в снижении способности к осознанному контролю поведения [4; 8]. В таких случаях возрастает вероятность использования быстрых и доступных способов снижения дискомфорта, не всегда соответствующих долгосрочным интересам человека. Пищевое поведение в этом контексте может выступать как один из каналов регуляции трудностей, особенно в ситуациях эмоционального напряжения или стресса [4; 5].

Обращение к модели саморегуляции позволяет рассматривать особенности пищевого поведения не только как следствие внешних факторов или привычек, но и как возможное проявление специфики регуляторных механизмов личности [6; 7]. Такой теоретический фокус создаёт основу для анализа того, каким образом сочетание особенностей эмоциональной регуляции, импульс-контроля и когнитивного контроля может быть связано с формированием устойчивых пищевых паттернов у взрослых с избыточной массой тела.

Эмоциональная регуляция

Эмоциональная регуляция рассматривается как способность человека осознавать, принимать и изменять собственные эмоциональные состояния в соответствии с требованиями ситуации и личными целями [6; 7]. Она включает использование когнитивных и поведенческих стратегий, позволяющих снижать негативные переживания, поддерживать эмоциональное равновесие и предотвращать дезорганизацию поведения.

При относительной сохранности эмоциональной регуляции человек способен переносить внутреннее напряжение без немедленного перехода к действиям, направленным на его быстрое снижение. В качестве более адаптивных стратегий в психологии рассматриваются осознанная переработка переживаний, переоценка ситуации и поиск конструктивных способов совладения со стрессом [6; 7], что позволяет уменьшать влияние кратковременных аффективных состояний на поведение.

В ряде исследований показано, что у части взрослых с избыточной массой тела могут наблюдаться трудности эмоциональной регуляции, которые проявляются в повышенной склонности использовать поведение как способ снижения внутреннего напряжения [4; 10]. В подобных случаях пища может выступать доступным и социально приемлемым средством кратковременной стабилизации эмоционального состояния, особенно в ситуациях стресса, усталости или переживания отрицательных эмоций [4; 5]. При этом эффект носит временный ха-

ракти и не приводит к долгосрочному разрешению внутрениего конфликта.

Систематическое использование пищевого поведения как эмоционального регулятора может способствовать формированию устойчивых дезадаптивных паттернов, при которых приём пищи становится связанным с переживанием напряжения, тревоги или эмоционального дискомфорта [4; 8], а не только с физиологическими сигналами голода

Импульс-контроль и отсроченное вознаграждение

Импульс-контроль один из компонентов саморегуляции связанный со способностью человека тормозить непосредственные побуждения, откладывать действие и выбирать поведенческие стратегии с учётом долгосрочных последствий [6; 7]. Данный механизм обеспечивает возможность выдерживать внутреннее напряжение и временный дискомфорт без немедленного перехода к такому поведению, которое направлено на быстрое получение облегчения или удовольствия.

В нормативном варианте саморегуляции импульс-контроль позволяет человеку соотносить актуальные желания с более отдалёнными целями и регулировать поведение в соответствии с ними, включая способность переносить фрустрацию, отказываться от немедленного вознаграждения и сохранять выбранную линию поведения.

Исследования показывают, что у части взрослых с избыточной массой тела могут наблюдаться особенности, связанные со сниженной устойчивостью механизмов торможения и повышенной чувствительностью к немедленным вознаграждениям [10; 9]. В условиях эмоционального напряжения или при воздействии ярко выраженных пищевых стимулов поведенческий выбор в большей степени может определяться побуждением, чем долгосрочными намерениями. В таких ситуациях сокращается пауза между возникновением импульса и действием, что затрудняет использование альтернативных стратегий регуляции эмоционального состояния.

Регулярное предпочтение немедленного облегчения перед отсроченными целями может способствовать закреплению поведенческих паттернов, направленных на быстрое изменение состояния, в том числе эпизодов дезадаптивного пищевого поведения [8; 9]. Особенности импульс-контроля можно рассматривать как ещё одно звено системы регуляции, участвующей в поддержании нарушенного пищевого поведения.

Когнитивный контроль и целеполагание

Когнитивный контроль и целеполагание обеспечивают координацию поведения в рамках осознанных намерений и долгосрочных целей [6; 7]. Этот компонент саморегуляции включает способность формулировать значимые цели, удерживать их в фокусе внимания, отслеживать соб-

ственные действия и корректировать поведение при отклонении от намеченной стратегии.

Благодаря этому поведение приобретает последовательность и становится менее зависимым от ситуативных факторов.

При удержании когнитивного контроля человек способен соотносить текущие импульсы и эмоциональные состояния с собственными долгосрочными намерениями, в том числе связанными с режимом питания и образом жизни. В этом случае возникающие трудности или временные отклонения от выбранной линии поведения могут осознаваться и корректироваться без значительного нарушения общей стратегии.

Ряд исследований указывает на то, что у части взрослых с избыточной массой тела в контексте нарушенного пищевого поведения могут наблюдаться особенности, связанные со сниженной устойчивостью когнитивного контроля [10; 9]. В ситуациях эмоционального напряжения или под воздействием привлекательных пищевых стимулов долгосрочные цели, связанные с контролем питания и массы тела, могут временно терять значимость. Поведенческий выбор в таких условиях в большей степени определяется актуальным состоянием, чем ранее сформулированными намерениями.

Если процессы самонаблюдения и мониторинга поведения недостаточны, отклонения от намеченной стратегии могут не фиксироваться своевременно или восприниматься как незначительные эпизоды. Это снижает вероятность последующей коррекции поведения и способствует возникновению разрыва между декларируемыми намерениями и реальными действиями [6; 10]. В результате поддержание устойчивых изменений затрудняется, а решения всё чаще принимаются ситуативно, под влиянием текущего состояния.

Рассмотренные механизмы саморегуляции — эмоциональная регуляция, импульс-контроль и когнитивный контроль — целесообразно рассматривать как взаимосвязанную систему [6; 7]. В реальном поведении они функционируют совместно, обеспечивая согласование эмоциональных состояний, текущих побуждений и долгосрочных целей.

При повышенном эмоциональном напряжении возрастает потребность в снижении внутреннего дискомфорта. Если регуляция эмоций осуществляется преимущественно через поведенческие способы, импульс-контроль оказывается под дополнительной нагрузкой: усиливается стремление к немедленному облегчению, а способность выдерживать паузу между побуждением и действием снижается [4; 8]. В таких условиях возрастает вероятность выбора поведенческих стратегий, ориентированных на быстрое изменение состояния, в том числе через приём пищи.

Одновременно с этим ослабление когнитивного контроля может приводить к снижению регуляторной значимости долгосрочных целей, связанных с питанием и массой тела [10; 9]. Если процессы самонаблюдения вы-

ражены недостаточно, отклонения от намеченной стратегии могут не фиксироваться своевременно, что уменьшает вероятность последующей коррекции поведения [6; 10].

Таким образом, сочетание трудностей эмоциональной регуляции, сниженной устойчивости импульс-контроля и ослабленного когнитивного контроля создаёт условия, при которых пищевое поведение может становиться одним из основных способов регуляции состояния. Такое взаимодействие механизмов позволяет объяснить устойчивость дезадаптивных пищевых паттернов даже при осознании их нежелательных последствий [6; 7].

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет рассматривать нарушенное пищевое поведение у части взрослых с избыточной массой тела как возможное проявление специфической организации регуляторных процессов. В рамках интегративного подхода саморегуляция понимается как система взаимосвязанных механизмов, включающая управление эмоциональными состояниями, контроль импульсов и поддержание долгосрочных целей [6; 7]. Особенности функционирования этих механизмов может влиять на формирование устойчивых паттернов, при которых приём пищи используется не только для удовлетворения физиологической потребности, но и как способ регуляции внутреннего состояния.

Данные литературы позволяют предполагать, что у части людей с избыточной массой тела, демонстрирующих нарушенные пищевые паттерны, могут наблюдаться трудности эмоциональной регуляции, которые проявляются в склонности использовать поведение для снижения внутреннего напряжения [4; 8]. В таких условиях пища может становиться доступным средством для кратковременного улучшения состояния, особенно в ситуациях стресса или эмоционального дискомфорта [4; 5]. При этом регуляторный эффект носит временный характер и не приводит к долгосрочному разрешению внутреннего напряжения.

Одновременно с этим особенности импульс-контроля могут способствовать ориентации на немедленное облегчение и снижать вероятность использования альтернативных стратегий [10; 9]. В сочетании с этим снижение устойчивости когнитивного контроля может приводить к временному ослаблению значимости долгосрочных целей, связанных с контролем питания и массы тела, и к увеличению разрыва между намерениями и актуальным поведением [6; 10].

Таким образом, нарушенное пищевое поведение у части взрослых с избыточной массой тела может формироваться не вследствие одного изолированного дефицита, а в результате взаимодействия особенностей эмоциональной регуляции, импульс-контроля и когнитивного контроля. Рассмотрение этих механизмов в совокупности позволяет расширить понимание природы

пищевых стратегий и объяснить устойчивость поведенческих паттернов даже при осознании их нежелательных последствий [6; 7].

Важно заметить, что избыточная масса тела имеет многофакторную природу, включающую биологические, метаболические и средовые детерминанты [1; 3]. В связи с этим выявленные особенности саморегуляции следует рассматривать не как универсальное объяснение, а как один из возможных уровней анализа, позволяющий уточнить некоторые психологические аспекты формирования и поддержания нарушенного пищевого поведения.

Анализ научных источников позволяет рассматривать нарушенное пищевое поведение у части взрослых с избыточной массой тела в контексте особенностей функционирования регуляторных механизмов личности.

Рассмотрение эмоциональной регуляции, импульс-контроля и когнитивного контроля как взаимосвязанных компонентов саморегуляции даёт возможность более целостного понимания природы пищевого поведения.

Данные литературы указывают на то, что трудности эмоциональной регуляции, склонность к поведенческим способам снижения внутреннего напряжения, особенности торможения импульсивных реакций и снижение устойчивости долгосрочных целей могут выступать взаимосвязанными звеньями, поддерживающими дезадаптивные пищевые паттерны [4; 8; 10]. При этом каждый из указанных механизмов может вносить самостоятельный вклад в регуляцию поведения, однако их взаимодействие представляется значимым для понимания устойчивости пищевых стратегий.

Важно учитывать, что избыточная масса тела имеет многофакторную природу, включающую биологические, метаболические и средовые детерминанты [1; 3]. В связи с этим выявленные особенности саморегуляции следует рассматривать не как универсальное объяснение, а как один из уровней анализа, позволяющий уточнить психологические аспекты формирования и поддержания нарушенного пищевого поведения.

Полученные результаты носят теоретико-аналитический характер и основаны на обобщении данных существующих исследований. Тем не менее они позволяют обозначить перспективное направление дальнейших работ, ориентированных на уточнение вклада как отдельных механизмов саморегуляции, так и их взаимодействия в формирование пищевых стратегий у взрослых.

В контексте прикладных перспектив особый интерес представляет разработка психологических интервенций, направленных на развитие навыков осознанной эмоциональной регуляции, усиление импульс-контроля и поддержку устойчивости долгосрочных целей, что может способствовать формированию более адаптивных стратегий поведения, связанных с питанием, при условии учёта многофакторной природы избыточной массы тела; подобные подходы представлены в исследованиях, посвящённых психологической коррекции нарушенного пищевого поведения [2].

Литература:

1. Тихоненко Е. В. Регуляция поведения и самоконтроль у взрослых с избыточной массой тела // Психология здоровья. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 45–58.
2. Фадеева М. И. Коррекция нарушений пищевого поведения у пациентов с ожирением // Вестник клинической психиатрии. — 2018. — № 4. — С. 34–42.
3. Billor S., Smith J., Robertson E. Self-regulation and goal-directed behavior: A systematic review of the literature // International Journal of Psychology of Regulation. — 2023. — Vol. 48, № 2. — P. 112–130.
4. Casagrande M., Caprara G. V., Francesconi F. Alexithymia and emotional dysregulation in overweight adults: A systematic review // Journal of Affective Disorders. — 2020. — Vol. 265. — P. 203–210.
5. Dingemans A., Danner U., Parks M. Emotion regulation in binge eating disorder: A review // Nutrients. — 2017. — Vol. 9, № 11. — P. 1274.
6. Inzlicht M., Schmeichel B. J., Macrae C. N. Integrating models of self-regulation: An interdisciplinary perspective // Annual Review of Psychology. — 2021. — Vol. 72. — P. 409–435.
7. Leehr E. J., Krohmer K., Schag K., Dresler T., Zipfel S., Giel K. E. Emotion regulation model in binge eating disorder and obesity: A systematic review // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. — 2015. — Vol. 49. — P. 125–134.
8. Micanti F., Simonelli A., Ronconi G., Corigliano V., Ricci C. Relationship between emotional dysregulation and eating behaviour in obese populations // Eating Behaviors. — 2016. — Vol. 23. — P. 92–98.
9. Veillard A., Vincent M. Delay discounting and body mass index: A systematic review and meta-analysis // Journal of Behavioral Economics. — 2020. — Vol. 36, № 4. — P. 452–467.
10. Yang Y., Shields G. S., Guo C., Liu Y. Executive functioning in overweight individuals: A meta-analysis of neuropsychological studies // Appetite. — 2018. — Vol. 124. — P. 78–97.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Реализация культурно-просветительского проекта для молодёжи «Музыкальный Универ» в рамках социального партнёрства Сургутской филармонии и крупнейших вузов г. Сургута

Хомко Сергей Владимирович, студент магистратуры
Московский государственный институт культуры (г. Химки)

Статья посвящена реализации социального партнёрства учреждений культуры и учреждений образования на примере культурно-просветительского проекта для молодёжи «Музыкальный Универ» в г. Сургуте (ХМАО-Югра).

Ключевые слова: культурно-просветительский проект, социальное партнёрство, филармония, молодёжь, студенчество.

В построении перспективы развития современного общества острыми и проблемными выступают вопросы культурного просвещения молодёжи. В решении вопроса воспитания молодого поколения особое место принадлежит исследованию социального партнёрства учреждений культуры и учреждений образования в сфере концертно-филармонической деятельности и в частности её образовательно-просветительского направления, представленного разными формами, такими как музыкальный лекторий, лекция-концерт, тематический цикл, абонемент, устная и печатная аннотация, анонс. В этой связи, особого изучения требует весь опыт отечественного концертного просветительства, однако исследование тематических просветительских проектов в наше время приобретает особую актуальность, так как они до сих пор не нашли должного освещения.

Актуальность проблемы социального партнёрства в реализации культурно-просветительских проектов подтверждается на нормативно-правовом уровне. Так право на просвещение закреплено **Конституцией Российской Федерации** (принята всенародным голосованием 12.12.1993г.), а реализация права граждан на просвещение обеспечивается посредством целенаправленной просветительской деятельности. В ст. 9 гл. 3 модельного закона «**О просветительской деятельности**» (принят на Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ, постановление № 44–11 от 20 мая 2016 года) указывается на то, что право на просвещение устанавливается в соответствии со ст. 27 **Всеобщей декларации прав человека** и рассматривается как одно из неотъемлемых прав личности.

Так, в Указе Президента Российской Федерации «**Об утверждении Основ государственной культурной поли-**

тики (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35) указано об эффективном использовании уникального российского культурного наследия, в том числе литературного, музыкального, художественного, театрального и кинематографического, в целях духовно-нравственного воспитания граждан и развитии культурного просветительства с привлечением к этой деятельности профессиональных сообществ и организаций культуры. (Дополнение абзацем — Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35).

В постановлении Правительства РФ от 1 июля 2022 г. N 1195 «**Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности**» указано, что содержание просветительской деятельности должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей человека, формированию и развитию его личности в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями и требованиями законодательства Российской Федерации. Просветительская деятельность может реализовываться в форме лекций, концертов, презентаций, семинаров, мастер-классов, круглых столов, дискуссий и иных формах, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В связи со сказанным выше реализация социального партнёрства учреждений культуры и учреждений образования представляется вполне обоснованным и даже необходимым, поскольку данный процесс охватывает про-

светительскую, социально-культурную и педагогическую области, ориентированные на поиск перспективных направлений, инновационных технологий для осуществления социально-культурной деятельности и в конечном счете повлияет на рост культурного просвещения молодёжи.

В г. Сургуте (ХМАО-Югра) на базе МАУ «Сургутская филармония» успешно реализуется культурно-просветительский проект «Музыкальный Универ» одним из автором которого является художественный руководитель Сургутской филармонии Заслуженный деятель культуры ХМАО-Югры Я. С. Черняк.: *«Я уверен, что Сургутская филармония — это место начала городского, регионального федерального и всемирного события, которое называется «Музыкальный Универ» и что через несколько лет это движение будет охватывать огромное количество высших и средних специальных учебных заведений».*

Культурно-просветительский проект «Музыкальный Универ» представляет собой комплекс мероприятий, призванный приобщить к отечественному и зарубежному музыкальному наследию студентов очных отделений крупнейших немusикальных учебных заведений города Сургута: Сургутского государственного университета, Сургутского государственного педагогического университета и Сургутского института экономики, управления и права.

Основная идея проекта — предоставить студентам возможность в течение учебного года посещать концерты с участием профессиональных музыкальных коллективов Сургутской филармонии. Концерты созданы с учётом особенностей данной зрительской аудитории. В начале каждого из концертов предусмотрена 15-минутная вводная интерактивная лекция. Студенты каждого учреждения посетят 4 концертные программы: в исполнении Симфонического оркестра Сургутской филармонии; камерного оркестра русских народных инструментов «Былина»; ансамбля русских народных инструментов «Ларец» и ансамбля народной песни «Отрада»; и концертного оркестра духовых инструментов «Сургут Экспресс-Бэнд».

Непосредственное посещение концертных программ будет предварять обзорная экскурсия по Сургутской филармонии — единственной филармонии в ХМАО-Югре. К обзорной экскурсии добавится воркшоп по филармоническому этикету.

Для привлечения внимания к проекту предусмотрено проведение конкурса среди студентов «Блогер культуры». Его основания цель — популяризация классического музыкального искусства простым языком, понятным для студенческой аудитории. Победитель получит публикации его работ на официальных ресурсах МАУ «Сургутская филармония», набор брендированной продукции и абонемент на посещение концертов музыкальных коллективов филармонии. Для участников конкурса будет организован мастер-класс по работе с хромакеем (технология совмещения двух и более изображений или кадров в одной композиции).

Приобретение билетов на концертные программы студентами будет осуществляться посредством программы популяризации культурных мероприятий среди молодёжи — Пушкинской карты, что существенно сэкономит студенческий бюджет.

В Сургутской филармонии в сезоне 2024–2025 гг. году прошёл первый пилотный проект «Музыкальный Универ», участниками которого стали 2 400 студентов Сургутского Государственного университета (СурГУ). Принципиальное отличие «Музыкального Универа» сезона 2025–2026 гг. от пилотного заключается в том, что расширяется целевая аудитория проекта, и теперь это студенты уже 3-х крупнейших образовательных учреждения города. Стоит отметить и добавление в проект сопутствующих мероприятий — обзорная экскурсия и знакомство с филармоническим этикетом, мастер-класс с хромакеем и проведение конкурса «Блогер культуры», которые создают понимание того, что участие в жизни филармонии это круто, модно, молодёжно.

Цель проекта

Приобщить не менее 5000 студентов трех крупнейших немusикальных вузов Сургута (СурГУ, СурГПУ, СИЭУиП) к мировому музыкальному наследию через комплексный цикл мероприятий Сургутской филармонии в течение учебного года, что выразится в посещении ими 4-х концертных программ каждым студентом и создании не менее 15-ти конкурсных работ для популяризации классической музыки.

Задачи проекта

- Разработать концертные программы и сопутствующие мероприятия
- Организовать и провести мероприятия проекта в соответствии с календарным планом
- Подведение итогов проекта и анкетирования

Обоснование социальной значимости

В Ханты-Мансийском автономном округе на постоянной основе проходят опросы жителей на предмет удовлетворённости разными сферами жизни, в т. ч. культурных предпочтений. К примеру, был проведён опрос «Посещаемость государственных и муниципальных организаций культуры и искусства». Результаты такие, что есть над чем поразмышлять. Всего в опросе приняло участие 8 336 человек, большинство респондентов (68,5 %) проживают в муниципальном образовании городской округ Сургут. На вопрос, какие учреждения культуры Вы посещали в 2023–2024 годах, приоритет был отдан кинотеатрам (59,02 %) и паркам культуры и отдыха (65,30 %). Концертные организации посетил лишь каждый третий (34,72 %). Это говорит о том, что востребованность концертных учреждений культуры так или иначе проигрывает массовой культуре. Был задан так же вопрос какие

мероприятия в учреждениях культуры Вы посещаете, ответы были различные, но при этом подавляющее большинство (46,43 %) ответило, что посещает концерты известных групп и звёзд эстрады, а концерты местных коллективов-25,20 % (https://opros.myopenugra.ru/polls/vote_result/index.php?VOTE_ID=79).

Реализация проекта «Музыкальный Универ» призвана скорректировать тенденцию тяготения молодёжи к популярной культуре и приезжим звёздам эстрады в сторону понимания и даже любви к отечественной и зарубежной классической музыке.

Несмотря на то, что в последние годы наблюдались неоднократные попытки со стороны многих стран мира бойкотировать достижения русской культуры, сам факт отмены нашей, русской, культуры не состоялся. Авторитетное профильное издание Bachtrack (<https://bachtrack.com/classical-music-statistics-2023>)

ежегодно собирает данные по концертам академической музыки по всему миру, и в 2023 году в его списке самых популярных композиторов, чьи произведения исполняются чаще других, оказались и Чайковский, и Стравинский, и Рахманинов. А рейтинг самых исполняемых музыкальных произведений возглавили «Симфонические танцы» и Фортепианный концерт № 3 Сергея Рахманинова.

Таким образом, если уже отмена русской культуры не состоялась за рубежом, то самых ярких представителей отечественного музыкального искусства и их произведения, тем более обязаны знать подрастающие поколения россиян в целом, и студенчество, как наиболее активная часть общества, в частности, а культурно-просветительский проект «Музыкальный Универ» безусловно будет этому способствовать.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г.)

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Ошибки медицинского перевода с английского языка: типология, клинические риски и стратегии минимизации

Заварухина Арина Константиновна, студент;

Сенькина Юлия Александровна, студент

Научный руководитель: Киверник Наталья Юрьевна, преподаватель
Челябинский медицинский колледж

В условиях глобализации медицинской науки и практики перевод англоязычной медицинской информации становится рутинной, но критически важной задачей. Неточности при переводе диагнозов, симптомов и, особенно, инструкций по применению лекарственных средств (ИПЛС) могут привести к искажению клинической картины, ошибкам в диагностике и лечении, создавая прямую угрозу безопасности пациента. В данной статье проводится системный анализ типичных ошибок, возникающих при переводе медицинских текстов с английского языка на русский. На основе классификации ошибок (семантические, грамматико-синтаксические, терминологические, прагматические) и разбора клинических кейсов формулируются конкретные стратегии их предотвращения. Делается вывод о необходимости междисциплинарного подхода, интеграции переводчиков в медицинские команды, использования стандартизированных терминологических баз и обязательной независимой верификации перевода как ключевых элементов обеспечения качества медицинской коммуникации.

Ключевые слова: медицинский перевод, клиническая терминология, переводческие ошибки, безопасность пациента, межъязыковая коммуникация, инструкция по применению.

Введение

Английский язык является главным международным языком общения, науки и клинической практики в современной медицине: на нем публикуется до 80 % научных статей, разрабатываются международные клинические рекомендации, маркируются лекарственные препараты и медицинское оборудование. Однако на уровне непосредственной клинической практики в неанглоязычных странах, включая Россию, возникает острая необходимость в точном и однозначном переводе этой информации. Перевод в медицине — это не литературное творчество, а техническая задача, где ошибка может иметь цену человеческой жизни. Актуальность проблемы обусловлена ростом международного медицинского туризма, увеличением импорта лекарств и оборудования, а также необходимостью быстрой адаптации новых международных протоколов.

Цель исследования: систематизировать основные типы ошибок, возникающих при переводе медицинских текстов (с акцентом на диагнозы, симптомы и инструкции) с английского языка, проанализировать их потенциальные клинические последствия и предложить комплексные стратегии по их минимизации.

Типология ошибок медицинского перевода и их клиническая значимость

Семантические ошибки и «ложные друзья переводчика»

Наиболее опасный и частый класс ошибок. Возникает из-за прямого перевода слов, имеющих схожую форму в английском и русском, но разное значение.

— Пример 1: «Angina». Англ. «angina» (стенокардия, грудная жаба) vs. рус. «ангина» (острое инфекционное заболевание миндалин). Ошибочный перевод «у пациента ангина» вместо «у пациента стенокардия» кардинально меняет диагноз: от сердечно-сосудистой катастрофы к ЛОР-патологии.

— Пример 2: «Resection». Англ. «resection» подразумевает удаление органа или его части. Русское «резекция» часто используется уже как устоявшийся термин, но в ряде контекстов требует уточнения. Например, «transurethral resection» — трансуретральная резекция (а не «иссечение») предстательной железы.

— Пример 3: «History». Англ. «medical history» — это «анамнез», а не просто «история». «Family history» — «семейный анамнез». Пропуск этой терминологической специфики обедняет медицинский смысл.

Терминологические и системные ошибки

— Незнание стандартизированных номенклатур: Использование разговорных или устаревших терминов вместо кодифицированных. Например, перевод «myocardial infarction» как «инфаркт миокарда» (правильно), а не «сердечный приступ» (разговорно). Или «embolism» как «закупорка» вместо точного «эмболия».

— Ошибки в аббревиатурах и эпонимах: CPR (cardiopulmonary resuscitation) — это СЛР (сердечно-лёгочная реанимация), а не просто «реанимация». Эпонимические названия («Crohn’s disease», «Bell’s palsy») должны переводиться как «болезнь Крона», «паралич Белла», с сохранением авторства.

— Проблема «непереводимых» реалий: Отсутствие прямых аналогов для некоторых понятий («managed care», «physician assistant»). Требуется не перевод, а адаптивное описание.

Грамматико-синтаксические ошибки

Английский медицинский язык тяготеет к номинализациям и пассивным конструкциям. Их дословный перевод приводит к тяжеловесному, нечитаемому тексту.

— Пример: «The administration of the medication should be performed slowly». Дословно: «Введение лекарства должно быть выполнено медленно», правильно: «Препарат следует вводить медленно».

— Отрицание: Особое внимание к конструкциям с «not» и «no». «No history of diabetes» — «Сахарный диабет в анамнезе отсутствует» (а не «нет истории диабета»).

Прагматические ошибки и ошибки в инструкциях по применению (ИПЛС)

Наиболее критичны для безопасности пациента. Возникают из-за непонимания контекста использования.

— Дозировка: Путаница между mg (миллиграмм) и mcg (микрограмм). Неправильный перевод интервалов: «every other day» — «через день», а не «каждый другой день»; «twice daily» — «два раза в день» (с интервалом ~12 ч.), а не «дважды ежедневно».

— Путь введения: «For external use only» — Только для наружного применения. «Do not ingest» — Не принимать внутрь. Неточность здесь недопустима.

— Предупреждения: Ослабление или усиление модальности. «May cause dizziness» — «Может вызывать головокружение» (а не «вызывает» или «иногда вызывает»). «Avoid alcohol» — «Избегайте употребления алкоголя» (более категорично, чем «не рекомендуется»).

Стратегии и методы предотвращения ошибок перевода

Основополагающий принцип: «Не навреди» через точность

Переводчик (будь то профессиональный лингвист или врач) должен осознавать степень своей ответственности. При малейшем сомнении — консультироваться со специалистом.

Использовать машинный перевод (МТ) с обязательным постредактированием экспертом-медиком. Использование МТ как чернового инструмента, но не конечного решения.

Использование проверенных источников

— Официальные стандарты: Использование русскоязычных терминов из МКБ-11, клинических рекомендаций Минздрава РФ.

Процедура независимой верификации (Independent Review)

Золотой стандарт для критически важных текстов (ИПЛС, информированные согласия, диагнозы):

1. Первичный перевод выполняется переводчиком с медицинской специализацией.
2. Верификация проводится вторым независимым переводчиком-медиком или носителем языка-врачом.
3. Клиническая апробация/редактура — окончательную проверку на адекватность и ясность проводит практикующий врач целевой специальности.

Обучение и междисциплинарное взаимодействие

- Для переводчиков — обязательное базовое медицинское образование или курсы по основам медицины.
- Для медицинских работников — развитие лингвистической компетенции, понимание принципов перевода.
- Создание в крупных учреждениях штатных позиций медицинских переводчиков или привлечение аккредитованных фрилансеров.

Заключение

Ошибки медицинского перевода — это системная проблема, лежащая на стыке лингвистики, медицины и безопасности пациента. Они редко бывают случайными; чаще это следствие недостаточной квалификации, поспешности, отсутствия доступа к ресурсам или непонимания клинического контекста. Борьба с ними требует не индивидуальных усилий, а внедрения институциональных процедур контроля качества.

Ключ к решению — в признании медицинского перевода отдельной профессиональной деятельностью, требующей специальной подготовки и адекватных ресурсов. Стратегии, основанные на использовании стандартизированных терминологических баз, обязательной независимой верификации и тесном сотрудничестве переводчиков с клиницистами, способны свести риски к минимуму. В конечном итоге, точный перевод — это не просто лингвистическое требование, это этический императив и неотъемлемая часть права пациента на качественную и безопасную медицинскую помощь.

Литература:

1. Никитин, М. В. Основы медицинской терминологии на английском и русском языках / М. В. Никитин. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. — Текст: непосредственный.
2. World, H. O. International Classification of Diseases, 11th Revision (ICD-11) / WHO. — 11th Revision. —: WHO, 2019. — Текст: непосредственный.
3. World, H. O. MedDRA Medical Dictionary for Regulatory Activities / H. O. World. — Текст: непосредственный.
4. Pym, A. Translation and Text Transfer. An Essay on the Principles of Intercultural Communication / A. Pym. — Tarragona: Intercultural Studies Group, 2010. — Текст: непосредственный.
5. Flores, G. et al Errors in Medical Interpretation and Their Potential Clinical Consequences in Pediatric Encounters / G et al Flores. — Текст: непосредственный // Pediatrics. — 2003.

Роль английского языка в современной медицине

Михалева Алина Витальевна, студент

Научный руководитель: Киверник Наталья Юрьевна, преподаватель

Челябинский медицинский колледж

В статье автор исследует, почему современная медицина «говорит» по-английски и какие факторы на это повлияли.

Международный стандарт для медицинской терминологии. Английский язык стал международным стандартом, и многие медицинские термины используются без изменений в разных странах. Медицинская терминология английского языка включает в себя латинские и греческие корни, что позволяет врачу легко понять значение термина, даже если он не встречался с ним раньше.

Инструмент для публикации научных работ, обмена данными и участия в конференциях. Большинство известных научных медицинских журналов публикуются на английском языке. Публикация научных работ на английском языке открывает доступ к более широкому кругу читателей и специалистов, что способствует повышению цитируемости и признанию результатов исследования.

Инструмент в клинической практике. Врачи и медицинские специалисты, работающие в различных странах, часто сталкиваются с пациентами, которые могут не говорить на их родном языке. Это требует от медицинского персонала умения эффективно общаться на английском языке как с пациентами, так и с коллегами.

Инструмент при проведении междисциплинарных консультаций. В больших медицинских центрах, особенно в университетских клиниках, специалисты из разных областей медицины могут проводить совместные консультации по сложным случаям, и знание английского языка позволяет избежать языковых барьеров.

Инструмент при взаимодействии с фармацевтическими компаниями, медицинскими поставщиками и про-

изготовителями оборудования. Современная медицина активно развивается, и новые препараты, методы лечения и технологии часто поступают из стран, где английский язык является основным языком общения. Например, международные клинические испытания, исследования новых медикаментов или медицинских устройств часто публикуются на английском языке.

Инструмент для обучения и сертификации. Медицинские университеты и институты предлагают программы на английском. Например, престижные программы в Гарварде или Лондоне требуют знания языка. Но даже если не планируется переезжать, сертификации, такие как FRCP (Royal College of Physicians), требуют сдачи экзаменов на английском.

Инструмент для работы с технологиями. Сегодня медицина — это не только стетоскопы и шприцы, но и программы, приложения, искусственный интеллект. Системы вроде IBM Watson или Google DeepMind работают с данными на английском. Понимать их выводы, участвовать в разработке — можно только зная язык.

Инструмент для карьеры. Врач с английским может работать в любой стране ЕС, США, Австралии. Это не только больше возможностей, но и повышение зарплаты на 30–50 %.

Способ понять культуру пациента. Например, пациент из Ближнего Востока может стесняться обсуждать симптомы, связанные с психическим здоровьем, но если говорить на английском, можно мягко переформулировать вопрос, ссылаясь на международные стандарты. [1]

Тема доминирования английского языка в медицине — это не просто вопрос моды, а результат глубоких исторических, политических и научных процессов. Вот основные факторы, которые помогут нам раскрыть эту тему:

1. Исторический переход: от латыни к немецкому, а затем к английскому

До начала XX века «языком науки» была латынь, а позже — немецкий и французский.

Золотой век немецкой медицины: В XIX веке Германия была мировым центром медицинских открытий. Студенты со всего мира (в том числе из США и России) ехали в Берлин и Вену, чтобы учиться.

Последствия мировых войн: После Первой, а особенно после Второй мировой войны влияние немецкой науки резко упало из-за политической изоляции и эмиграции ведущих ученых в США и Великобританию. Это создало вакуум, который заполнил английский язык.

2. Научное и экономическое лидерство США

После 1945 года США стали мировым лидером по объему инвестиций в медицину и биотехнологии.

Большинство Нобелевских премий в области физиологии и медицины за последние 70 лет были присуждены ученым, работающим в англоязычных институтах.

NIH (Национальные институты здравоохранения США): Огромное финансирование исследований в США привело к тому, что самые передовые данные сначала публикуются на английском.

3. Международные стандарты и протоколы

Современная медицина стремится к стандартизации (доказательная медицина).

Клинические рекомендации: ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) и другие международные ассоциации выпускают протоколы лечения сначала на английском. Пока документ переведут на национальный язык (через 1–2 года), информация может частично устареть.

Клинические исследования: Фармацевтические гиганты (Pfizer, Roche и др.) проводят исследования одновременно в 20–30 странах. Единым рабочим языком для координации таких проектов всегда является английский.

4. Цифровая инфраструктура медицины

Базы данных: Крупнейшая библиотека медицинских публикаций PubMed и кокрейновские обзоры (Cochrane Library) англоцентричны.

IT в медицине: Языки программирования, интерфейсы сложного диагностического оборудования (МРТ, роботы Da Vinci) и международные классификаторы болезней (МКБ/ICD) разрабатываются с опорой на английскую терминологию.

5. Медицинский туризм и телемедицина

Врачи из разных стран часто консультируют одного и того же пациента (например, при редких патологиях). Для обмена выписками и проведения консилиумов в Zoom им нужен «lingua franca» — язык-посредник, которым стал английский.

По разным оценкам, более 95 % всех научных публикаций в области биомедицины сегодня выходят на английском языке, даже если авторы — французы или японцы. [2]

Подводя итог, можно утверждать, что доминирование английского языка в современной медицине — это не просто историческая случайность, а результат глубоких геополитических, экономических и научно-технологических процессов. Английский стал «латынью XXI века», выполняя роль универсального кода, который обеспечивает единство мирового научного сообщества.

Основные причины, по которым медицина «говорит» по-английски, можно свести к трем ключевым аспектам:

1. Глобализация знаний и стандартизация. Современная медицина опирается на принципы доказательности (Evidence-Based Medicine). Чтобы врач в любой точке мира мог использовать результаты последних клинических исследований, необходим единый язык. Английский позволяет мгновенно обмениваться данными, минуя многолетние задержки на перевод.

2. Экономическое и научное лидерство. После Второй мировой войны центр медицинских разработок и фармацевтики сместился в сторону США и Великобритании. Самые авторитетные медицинские журналы (такие как The Lancet или NEJM) и крупнейшие базы данных (например, PubMed) базируются на английском языке. Это сделало его языком «карьерного выживания» для любого исследователя.

3. Технологическая интеграция. Новейшее медицинское оборудование, программное обеспечение для диагностики и международные протоколы лечения изначально создаются на английском. Использование оригинальной терминологии снижает риск ошибок, которые могут возникнуть при адаптации сложных понятий на национальные языки. [3]

Таким образом, английский язык сегодня является не просто средством коммуникации, а важнейшим профессиональным инструментом врача. Он обеспечивает доступ к передовому опыту и позволяет медицине развиваться как единой глобальной науке, направленной на спасение жизней вне зависимости от государственных границ.

Литература:

1. Муравейская М. С., Орлова Л. К. Английский язык для медиков: Учебное пособие для студентов, аспирантов, врачей и научных сотрудников. — 3-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2000. — 384 с.
2. Сорокина Т. С. История медицины: учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений / Т. С. Сорокина. — 8-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2008- — 560 с.
3. Роль английского языка в медицинской практике и научных исследованиях <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-angliyskogo-yazyka-v-meditsinskoj-praktike-i-nauchnyh-issledovaniyah?ysclid=mm1yd22z2933870225>

Экспликация как стратегия устранения терминологической неопределенности в синхронном переводе технико-экономического дискурса

Оспанова Айнура Манарбеккызы, студент магистратуры
Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (г. Алматы)

В статье рассматривается экспликация как стратегическая лексико-семантическая и лексико-синтаксическая трансформация в синхронном переводе технико-экономического дискурса. На материале анализа выступлений международных форумов («Digital Almaty 2025», ПМЭФ-2025) исследуются лингвистические, когнитивные и прагматические факторы выбора описательного перевода. Особое внимание уделяется когнитивной модели синхронного перевода (модель усилий Д. Жилля) и проблеме баланса между семантической точностью и временными ограничениями синхронного режима. Обосновывается положение о том, что экспликация в условиях высокой терминологической плотности выступает инструментом устранения концептуальной неопределенности и поддержания коммуникативной эквивалентности.

Ключевые слова: синхронный перевод, экспликация, технико-экономический дискурс, терминология, модель усилий, лексические трансформации, когнитивная нагрузка.

Современный технико-экономический дискурс формируется в условиях глобализации, цифровизации и интенсивного развития инновационных технологий. В научной и деловой коммуникации активно функционируют англоязычные термины, многие из которых не имеют устойчивых эквивалентов в русском языке. Это приводит к возникновению межъязыковой асимметрии и создает дополнительные трудности для переводчика.

Синхронный перевод представляет собой особый вид речевой деятельности, при котором восприятие исходной речи и порождение перевода осуществляются практически одновременно. Г. В. Чернов подчеркивает, что синхронный переводчик работает в условиях повышенной психофизиологической нагрузки, требующей высокой концентрации внимания и оперативной памяти.

В подобных условиях переводчик вынужден применять различные переводческие трансформации. Среди

них особое место занимает экспликация — описательное развертывание значения исходной единицы. Экспликация позволяет компенсировать отсутствие прямого эквивалента и раскрыть семантическое содержание термина через более развернутую конструкцию.

Теоретические основы экспликации были разработаны в трудах В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова и Я. И. Рецкера. Комиссаров рассматривает экспликацию как способ передачи значения при отсутствии прямого соответствия, Бархударов связывает ее с понятием адекватной замены, а Рецкер подчеркивает ее роль в преодолении безэквивалентности.

С точки зрения терминоведения, необходимость экспликации часто обусловлена различиями в объеме понятийных систем. По Лейчику, термин всегда связан с конкретной системой знаний, и при переводе необходимо сохранить его родо-видовую структуру.

В рамках модели усилий Д. Жилия синхронный перевод рассматривается как совокупность процессов восприятия, памяти и речепорождения. Экспликация увеличивает нагрузку на компонент производства речи, поскольку требует построения более сложной синтаксической структуры. Однако она может снижать нагрузку на компонент понимания, обеспечивая большую семантическую прозрачность.

Практический анализ материалов международных форумов показал, что экспликация наиболее часто используется при передаче инновационных экономических и технологических концептов. Например, термин «trickle-down effect» в ряде случаев передается как «распространение выгод экономического роста до всех слоев общества», что позволяет избежать буквального, но малоинформативного варианта «эффект просачивания».

Другой пример — термин «state capture», который описывается как «ситуация, при которой государственные институты оказываются под влиянием узких групп интересов». Здесь экспликация выполняет концептуальную функцию, раскрывая внутреннюю структуру явления.

В технико-экономическом дискурсе также часто встречаются случаи прагматической экспликации. Термин «benchmarking» может быть передан как заимствование для профессиональной аудитории, либо как «сравнение

с лучшими практиками» при ориентации на более широкую аудиторию.

Следует отметить, что экспликация редко используется изолированно. В большинстве случаев она сочетается с другими трансформациями, включая компрессию, перестановку и грамматическую замену.

Несмотря на преимущества, экспликация имеет ограничения. Увеличение длины высказывания может привести к росту временного отставания переводчика от оратора. В условиях быстрого темпа речи это создает риск потери последующей информации.

Кроме того, чрезмерная экспликация может нарушить ритмику устной речи и снизить ее естественность. Поэтому переводчик должен тщательно оценивать необходимость развертывания термина.

Таким образом, выбор между экспликацией и калькированием определяется рядом факторов: степенью закреплённости термина, уровнем подготовки аудитории, когнитивной нагрузкой и прагматическими задачами выступления.

Экспликация в синхронном переводе технико-экономического дискурса представляет собой сложный стратегический механизм. Она направлена на устранение терминологической неопределённости, повышение семантической прозрачности и обеспечение коммуникативной эквивалентности.

Литература:

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. — 2-е изд. — М.: ЛКИ, 2018. — 240 с.
2. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. — М.: ФЛИНТА, 2017. — 224 с.
3. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. — 192 с.
4. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. — М.: ЭТС, 2001. — 253 с.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М.: ЭТС, 2002. — 192 с.
6. Лейчик В. М. Терминоведение. — 4-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2019. — 256 с.
7. Рецкер Я. И. Теория и переводческая практика. — М.: Р. Валент, 2007. — 244 с.
8. Кони́на А. А., Черниговская Т. В. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов // Вопросы психолингвистики. — 2018. — № 38. — С. 178–203.
9. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. — М.: Ленанд, 2016. — 208 с.

Медицинская коммуникация: роль английского языка в здравоохранении

Шарипова Луиза Азатовна, студент
 Научный руководитель: Киверник Наталья Юрьевна, преподаватель
 Челябинский медицинский колледж

Эта статья подчеркивает важность английского языка в медицине и необходимость его изучения как для профессионалов в области здравоохранения, так и для пациентов по всему миру.

В условиях глобализации и стремительного развития информационных технологий здоровье и медицина становятся не только локальными, но и международными вопросами. Важность эффективной медицинской коммуникации невозможно переоценить, так как она влияет на качество оказания медицинской помощи, безопасность пациентов

и общий уровень здоровья населения. В этом контексте английский язык занимает особое место, становясь универсальным средством общения в сфере здравоохранения.

1. Английский язык как международный язык медицины

1.1. Исторический контекст

Английский язык стал доминирующим языком в научной и медицинской сферах начиная с середины XX века. Это связано с экономическим и политическим влиянием англоязычных стран, таких как США и Великобритания. С тех пор английский язык стал стандартом для публикаций, конференций и международных исследований.

1.2. Статистика использования

По данным различных исследований, около 80 % научных публикаций в области медицины издаются на английском языке. Это подчеркивает его важность для исследователей и практикующих врачей, которые стремятся быть в курсе последних достижений в своей области.

2. Улучшение коммуникации между врачами и пациентами

2.1. Многоязычные страны

В многоязычных странах, таких как Канада или Швейцария, знание английского языка позволяет медицинским работникам общаться с пациентами, говорящими на различных языках. Это особенно важно в экстренных ситуациях, когда необходимо быстро и точно передать информацию о состоянии здоровья пациента.

2.2. Миграция и здравоохранение

С увеличением миграции и международной мобильности населения врачи все чаще сталкиваются с пациентами, не говорящими на языке страны проживания. Знание английского языка становится необходимым навыком для обеспечения качественной медицинской помощи.

2.3. Примеры успешной практики

В некоторых больницах и клиниках мира внедрены программы обучения медицинского персонала английскому языку, что значительно улучшает качество обслуживания пациентов. Например, в клиниках Германии активно используются программы подготовки врачей к общению с иностранными пациентами.

3. Обучение и подготовка медицинских специалистов

3.1. Язык обучения

Во многих медицинских учебных заведениях по всему миру английский язык является основным языком обучения. Студенты изучают не только медицинские термины, но и навыки общения с пациентами и коллегами.

3.2. Междисциплинарные программы

Современные образовательные программы все чаще включают междисциплинарные подходы, где студенты учатся взаимодействовать с представителями других специальностей на английском языке. Это способствует формированию командного подхода к лечению пациентов.

3.3. Роль симуляционных технологий

Симуляционные технологии, используемые в обучении медицинских работников, также требуют знания английского языка, так как большинство программ и сценариев разработаны на этом языке. Это позволяет студентам получить опыт взаимодействия в условиях, приближенных к реальным.

4. Телемедицина и дистанционное лечение

4.1. Рост телемедицины

С развитием телемедицины английский язык становится еще более актуальным. Виртуальные консультации между врачами и пациентами из разных стран требуют четкого общения.

4.2. Преимущества телемедицины

Телемедицина позволяет преодолеть географические барьеры и обеспечить доступ к медицинской помощи для людей в удаленных районах. Однако для успешной реализации требуется знание английского языка как со стороны врачей, так и со стороны пациентов.

4.3. Проблемы и вызовы

Несмотря на преимущества, существуют проблемы, связанные с языковым барьером. Пациенты могут испытывать трудности в понимании своих диагнозов или назначений, что подчеркивает необходимость наличия переводчиков и использования простого языка в медицинской практике.

5. Проблемы языкового барьера

5.1. Недопонимание и ошибки

Языковой барьер может привести к недопониманию между врачами и пациентами, что может негативно сказаться на качестве медицинской помощи. Например, неправильное понимание назначения лекарства может привести к серьезным последствиям для здоровья пациента.

5.2. Социальные и культурные аспекты

Кроме языкового барьера, важно учитывать социальные и культурные аспекты общения с пациентами из разных стран. В некоторых культурах определенные темы могут быть табуированы, что требует от врачей деликатности и понимания.

5.3. Решения и стратегии

Для преодоления языковых барьеров рекомендуется использовать визуальные средства общения, такие как картинки или схемы, а также привлекать профессиональных переводчиков в сложных случаях.

Заключение

Английский язык играет ключевую роль в сфере здравоохранения, обеспечивая эффективную коммуникацию между медицинскими работниками и пациентами на международном уровне. Его использование способствует обмену знаниями и улучшению качества медицинской помощи. Однако важно помнить о необходимости преодоления языковых барьеров и обеспечения доступности информации для всех пациентов.

В конечном счете, успешная медицинская коммуникация зависит от способности специалистов адаптироваться к разнообразным культурным и языковым контекстам. Это является залогом качественного здравоохранения в глобализированном мире, где каждый пациент имеет право на доступ к информации и медицинской помощи независимо от языковых навыков.

Литература:

1. Английский язык для медиков (A2 — B1) / Егорова, В. Э, Н. А. Крашенинникова, Е. И. Крашенинникова. — М.: Издательство Юрайт, 2026. — 402 с. — Текст: непосредственный.
2. Роль английского языка в медицинской практике и научных исследованиях. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-angliyskogo-yazyka-v-meditsinskoy-praktike-i-nauchnyh-issledovaniyah?ysclid=mm7lp4tqic87883993> (дата обращения: 10.02.2026).
3. Английский язык для медиков: учеб. пособие для студентов, аспирантов, врачей и научных сотрудников. — 10-е изд. —: Флинта, 2010. — 384 с. — Текст: непосредственный.

О сопоставительном анализе фразеологических единиц с колоративным компонентом в русском и узбекском языках

Шарипова Шахнозобуну Зафар кизи, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

Данная статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц с колоративным компонентом в русском и узбекском языках. В результате анализа выявлены различия в количественном составе устойчивых сочетаний, содержащих цветообозначающий компонент. Полученные результаты демонстрируют, что колоративные компоненты служат значимыми маркерами национально-культурной символики и отражают особенности мировосприятия носителей русского и узбекского языков.

Ключевые слова: фразеологическая единица, колоративный компонент, цвет, русский язык, узбекский язык, сопоставление.

Прежде чем приступить рассмотрению фразеологических единиц с колоративным компонентом в русском и узбекском языках, обратим внимание на обозначения фразеологизированных единиц. В частности, в настоящее время активно употребляются понятия «идиома», «фразеологизм», «фразеологическая единица» и т. п. В данной работе мы отдаем предпочтение последнему.

Фразеологические единицы (далее — ФЕ) — это устойчивые сочетания слов, обладающие целостным значением, воспроизводимые в речи в готовом виде и характеризующиеся относительной семантической неделимостью. В связи с тем, что язык представляет собой развивающееся явление, богатство которого заключено в таких уникальных единицах, как фразеологизм, изучение природы ФЕ не теряет своей актуальности никогда. В свою очередь, сопоставительное изучение ФЕ позволяет показать общие и уникальные черты лингвокультурологического миропонимания носителей двух разных языков.

Теоретической основой исследования послужили труды В. В. Виноградова, который разработал классификацию ФЕ русского языка. Учёный выделил три основных их типа: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Данная классификация основывается на степени семантической слитности компонентов и позволяет определить характер переосмысления значения устойчивых выражений. В рамках настоящего исследования положения В. В. Виноградова используются для анализа структурно-семантических особенностей фразеологических единиц с колоративным компонентом. Отметим, что под колоративным компонентом мы понимаем лексическую единицу, которая обозначает цвет.

Значительный вклад в развитие лингвокультурологического направления во фразеологии внесла В. Н. Телия.

В её трудах фразеологизм рассматривается не только как языковая единица, но и как носитель культурной информации, отражающий национальное мировосприятие, ценностные установки и исторический опыт народа. Как она подчёркивает, внутренняя форма ФЕ тесно связана с культурными символами и образами, закреплёнными в коллективном сознании [5, с.214]. В рамках настоящего исследования положения В. Н. Телия представляют особую значимость, поскольку колоративные компоненты во фразеологизмах выступают носителями культурно-символических значений и позволяют выявить национально-специфические особенности русского и узбекского языков.

В узбекском языкознании значительный вклад в научное изучение ФЕ внёс Ш.Рахматуллаев, автор первого Фразеологического словаря узбекского языка [далее — ФСУЯ]. В своих исследованиях он уделяет особое внимание смысловой полноте, образности и национально-культурному содержанию ФЕ. По мнению учёного, ФЕ отражают историю народа, его образ жизни и духовные ценности. С этой точки зрения ФЕ узбекского языка с колоративным компонентом также выступают ярким выражением особенностей национального мировидения и мышления.

Исходя из того, что колоративная лексика играет не менее важную роль в структуре ФЕ, нами была проделана попытка сопоставительного изучения общих и уникальных особенностей сочетаний, содержащих цветообозначающий компонент. В словаре Ю. А. Ларионова (далее — ФССРЯ) было выявлено 19 ФЕ русского языка, а из словаря Ш.Рахматуллаева мы выписали 29 ФЕ, в которых один из элементов выступает как цветообозначение. Соотношение ФЕ с колоративным компонентом приводится в нижеследующей таблице.

№	Название цветов	Количество ФЕ в русском языке	Количество ФЕ в узбекском языке
1	Чёрный/Qora	2	15
2	Белый/Oq	9	7
3	Красный/Qizil	2	1
4	Голубой/Moviy	3	0
5	Зелёный/Yashil	3	0
6	Жёлтый/Sariq	0	1

Слово *красный* в старину употреблялось в значении *красивый*, о чём свидетельствует наличие таких устойчивых сочетаний как *Красная площадь* «красивая площадь». Следует добавить, что в структуре устойчивого сочетания *красный уголок* первый элемент также не обозначает цвет: в древнерусском языке слово «красный» означало «красивый», «почётный», «главный». Поэтому выражение «красный уголок» следует понимать как «красивый», «лучший», «самый важный угол дома». Красный уголок — это сакральный центр традиционного русского дома (избы), особенно распространённый в XVII–XVIII веках. Он представлял собой особое, наиболее почётное место в жилом помещении, где размещались иконы и предметы домашнего богослужения [6, с. 213]. Следует отметить, что в ФССРЯ данные ФЕ не были обнаружены и не были включены в классификацию.

Ниже приводятся ФЕ, зафиксированные в ФССРЯ: *Пускать красного петуха* [3, с. 343] *Для/ради красного словца говорить (сказать), острить (сострить)* [3, с. 343]

В сопоставительном аспекте следует отметить, что в узбекском языке также представлены фразеологические единицы с компонентом, обозначающим красный цвет. Так, в словаре узбекского языка зафиксирован фразеологизм *yuzi qizardi* — [1, с. 578].

В результате сопоставительного анализа установлено, что в русском языке функционирует 2 ФЕ с колоративным компонентом *чёрный*, тогда как в узбекском языке выявлено 15 единиц. При этом одна из них представляет собой межъязыковой эквивалент: русскому фразеологизму на *чёрный день* [3, с. 336] соответствует узбекское выражение *qora kun* [1, с. 415] совпадающее по семантике и образной основе. Кроме выражения *qora kun*, в узбекском языке функционируют и другие ФЕ с компонентом *qora*, например: *ko'ngli qora* [1, с. 283], *qon qora qaqshamoq* [1, с. 412], *qora kun*, *qorasini ko'rsatmaslik* [1, с. 416], *yuzi qora* [1, с. 578] и другие.

Литература:

1. O'zbek tili frazeologik lug'ati / Sh.Rahmatullayev, N.Mahmudov, Z.Xolmanova, I.O'razova, K.Rixsiyeva. — Toshkent: G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2022. — 636 b.
2. Виноградов В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 140–161.
3. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь русского языка. — М.: Аделант, 2014. — 502 с.
4. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг фразеологик луғати. — Тошкент: Ўқитувчи, 1992. — 578 б.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь старославянского языка / Под ред. В. И. Иванова. — М.: Книга, 1996. — С. 213–215.

Колоративный компонент *белый* в русском языке представлен рядом ФЕ, отражающих как положительную, так и отрицательную оценочность. В узбекском языке ему соответствует компонент *oq*, который также активно участвует в формировании устойчивых выражений. В ходе анализа было установлено, что в русском языке зафиксировано 9 единиц (*белая ворона*, *белые воротнички*, *белая кость* [3, с. 17], *шито белыми нитками* [3, с. 456]) и другие, а в узбекском языке — 7 единиц (*ko'zlarining oqini o'yunatmoq* [1, с. 275], *oq ko'ngil* [1, с. 341], *oq yo'l* [1, с. 342], *yuzi oq bo'lmoq* [1, с. 578]) и другие.

В словаре Ю. А. Ларионовой нами выявлены также ФЕ с колоративным компонентом *голубой*, *зелёный*: *Блюдечко с голубой каёмочкой* [3, с. 22], *голубая мечта* [3, с. 115], *голубая кровь* [3, с. 115]; *зелёная улица* [3, с. 178], *молодо-зелёно* [3, с. 215], *открывать зелёную улицу* [3, с. 278]. ФЕ с указанными цветообозначениями отсутствуют в ФСУЯ. Среди уникальных ФЕ узбекского языка выступает цвет *жёлтый* / *sariq*, который отсутствует в русском языке. Пример: *sariq chaqaga arzimaslik* [1, с. 456]. Также в ФСУЯ встречаются такие единицы, в которых присутствуют сочетания цветообозначений. К примеру *Oq qorani tanimoq* [1, с. 344], *oq uy ola bardak* [1, с. 342], *oq yuziga qora surmoq* [1, с. 342] и другие.

Было установлено, что отношение носителей русского и узбекского языков к образному использованию цветообозначений не соразмерны. Помимо этого следует также отметить, что были выявлены абсолютно идентичные ФЕ, о чём свидетельствует близость лингвокультурологического миропонимания носителей сопоставляемых языков. К наиболее ярким особенностям русского и узбекского языков в плане употребления колоративных элементов в структуре ФЕ можно отнести то, что элементы *голубой* / *зелёный* демонстрируют уникальность русского фразеологического фонда, тогда как *жёлтый* выступает в качестве отличительной черты фразеологического мировосприятия носителей узбекского языка.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 9 (612) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 11.03.2026. Дата выхода в свет: 18.03.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.